МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Национальный исследовательский
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2017 № 9

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СУДОУСТРОЙСТВО
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О. И., д-р юрид. наук, доц.; Воронин О.В., канд. юрид. наук, доц. (отв. секретарь); Елисеев С.А., д-р юрид. наук, проф. (председатель редколлегии); Казаков В.В., д-р экон. наук, проф. (заместитель председателя редколлегии); Мариничева А.Ю., (технич. секретарь); Свиридов М.К., д-р юрид. наук, проф.; Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (главный редактор); Филимонов В.Д., д-р юрид. наук, проф.; Шеслер А.В., д-р юрид. наук, проф.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Ахмедшин Р.Л., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Барабаш А.С., д-р юрид. наук, проф. (Красноярск); Ведерников Н.Т., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Голик Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Головко Л.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Гришко А.Я., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Зникин В.К., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); Николюк В.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Прозументов Л.М., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Самович Ю.В., д-р юрид. наук, доц. (Кемерово); Селиверстов В.И., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Серкан Айян (Измир, Турция); Скаков А.Б., д-р юрид. наук, профессор (Астана, Республика Казахстан); Смолькова И.В., д-р юрид. наук, проф. (Иркутск); Стойко Н.Г., д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург); Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Халиулин А.Г., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Черненко Т.Г., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); Шейфер С.А., д-р юрид. наук, проф. (Самара).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие нового журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных журналов, включенных в список ВАК, для публикации основных результатов кандидатских и докторских диссертаций

Адрес редакции: 634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция»
E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет:
http://journals.tsu.ru/crimjust/

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите:
http://www.elibrary.ru

ООО «Издательство научно-технической литературы»
634050, Томск, пл. Новособорная, 1, тел. (3822) 533-335

Редактор *Н.И. Шидловская*
Редактор-переводчик *В.В. Кашпур*
Дизайн, верстка *Д.В. Фортеса*

Подписано к печати 10.06.2017. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. п. л. 12,09 Уч.-изд. л. 13,54. Тираж 300 экз. Заказ № 25. Выпуск в свет 29.07.2017.

Отпечатано в типографии «М-Принт», г. Томск, пер. Добролюбова, 10, ст. 3, тел. (3822) 258-279

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Белюкова Т.И. Преступность лиц, в отношении которых отсрочено отбывание наказания в связи с беременностью или наличием малолетних детей 5
Кудратов Н.А. Классификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства 9
Лоба В.Е., Малахова А.С. Развитие учения о субъекте преступления в отечественной науке уголовного права XIX – начала XX столетия 15
Лутцева К.В. Факторы, обуславливающие рост рецидива преступлений среди лиц, больных наркоманией 21
Терентьева В.А. Гуманизм и экономия мер уголовной репрессии как принципы реализации социальной функции института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания 26
Урда М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное пересечение Государственной границы 30
Усынин В.В. Здоровье населения и общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны от состава преступления «незаконная организация и проведение азартных игр в России» 37

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Пиюк А.В. К вопросу о роли суда в доказывании в современном уголовном процессе Российской Федерации 42
Ясельская В.В. Новые возможности защитника в доказывании, старые проблемы 46

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Мирусин И.С. К вопросу об обязательности труда осужденных 49
Ольховик Д.А. Международно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций 56
Репьева А.М. Особенности воздействия на несовершеннолетнего преступника в местах лишения свободы 61
Уваров О.Н. Об исполнении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами 65
Уткин В.А. Отечественная наука уголовно-исполнительного права: очерк истории 69

КРИМИНАЛИСТИКА

Киселев Д.Г. Криминалистические особенности возбуждения уголовного дела о преступлениях в отношении представителя власти 78
Князьков А.С., Польгерт А.В. Организационные начала расследования незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей 81
Ондар Д.С. Криминалистическая характеристика краж из жилища, совершенных в сельской местности в специфических условиях жизнесуществования населения 92

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 104

© «*Уголовная юстиция*», *2017*

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Belyukova T.I. Criminality of persons with punishment suspended due to pregnancy or young children 5
Kudratov N.A. Classification of crimes against constitutional order and security of the state 9
Loba V.E., Malakhova A.S. Development of the doctrine of the subject of crime in Russian criminal law of the 19th – early 20th centuries 15
Luttseva K.V. Factors affecting the growth of recidivism among drug addicts 21
Terentyeva V.A. Humanism and economy of criminal repression measures as principles of implementation of the social function of the institute for exemption of minors from criminal punishment 26
Urda M.N. Problems of application of the norm setting liability for illegal crossing of the state border 30
Usynin V.V. Public health and public morality as an object of criminal law protection from illegal organisation and conduct of gambling in Russia 37

CRIMINAL PROCEDURE

Piyuk A.V. On the role of the court in proving in the modern criminal process of the Russian Federation 42
Yaselskaya V.V. New opportunities of the defender in proof. Old problems. 46

CRIMINAL AND PENAL LAW

Mirusin I.S. On compulsory labour of prisoners 49
Olkhovik D.A. International legal basis of probation service activity 56
Repyeva A.M. Peculiarities of treatment of minors in places of deprivation of liberty 61
Uvarov O.N. On execution of punishment in the form deprivation of the right to engage in activities related to motor vehicle driving. 65
Utkin V.A. Russian science of penal law: a historical essay 69

FORENSIC SCIENCE

Kiselev D.G. Forensic peculiarities of criminal case initiation on crimes against public authority 78
Knyazkov A.S., Polgert A.V. Organizational principles of the investigation of illegal sale of narcotic drugs carried out through the use of electronic and data telecommunication networks 81
Ondar D.S. Forensic characterisation of housebreaking committed in rural areas with specific living conditions of the population 92

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 104

© *Russian Journal of Criminal Law, 2017*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.914:343.8 DOI 10.17223/23088451/9/1

Т.И. Белюкова

ПРЕСТУПНОСТЬ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ОТСРОЧЕНО ОТБЫВАНИЕ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ ИЛИ НАЛИЧИЕМ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Анализируется преступность лиц, в отношении которых отсрочено отбывание наказания в связи с беременностью или наличием малолетних детей. Рассмотрены статистические данные о числе указанных лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, раскрыта структура преступности, дана характеристика личности осужденных с точки зрения привлечения к уголовной ответственности, наличия судимости в прошлом. Сделан вывод о целесообразности применения отсрочки отбывания наказания

Ключевые слова: *отсрочка отбывания наказания, беременные женщины, малолетние дети, преступность осужденных, уголовно-исполнительные инспекции.*

Институт отсрочки отбывания наказания беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем, имеет своей целью заботу о детях, достижение благоприятных условий воспитания ребенка в семье с родными матерью / отцом. Вопрос о том, насколько положительным будет влияние, которое оказывает осужденный преступник на малолетнего ребенка, остается нерешенным. Именно поэтому представляется важным и необходимым исследовать преступность лиц, в отношении которых отсрочено отбывание наказания в связи с беременностью или наличием малолетнего ребенка, с целью решения вопроса об эффективности такого вида освобождения от наказания как отсрочка отбывания наказания. Преступность указанной категории лиц рассматривается как часть преступности в целом и имеет определенные особенности, ее исследование будет предполагать рассмотрение всех качественных и количественных характеристик преступности, виды совершаемых преступлений, их географический район.

Согласно официальным данным ВНИИ ИТП ФСИН России, в период с 2013 по 2016 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях состояло 8091, 8036, 7193 и 6486 человек соответственно. В среднем это всего лишь 2 % от общего количества осужденных, состоящих на учете в УИИ. На наш взгляд, такой низкий показатель связан, во-первых, с непопулярностью применения данного вида освобождения от наказания по сравнению с другими. Во-вторых, изученные материалы судебной практики показывают, что в большинстве случаев суды отказывают в удовлетворении ходатайств осужденных об отсрочке отбывания наказания в связи с негативной характеристикой их личности (наличие нескольких эпизодов преступной деятельности, непогашенных исков в крупных размерах и др.).

Как мы видим из представленных статистических данных, с течением времени количество осужденных к отсрочке отбывания наказания уменьшается (пропорционально снижению общего количества осужденных, состоящих на учете в УИИ). Это связано с уменьшением количества зарегистрированных преступлений и выявленных женщин-преступниц в целом по стране. Так, в 2016 г. органами полиции было зарегистрировано 2160 тыс. преступлений, что на 10 % ниже показателя 2015 г., удельный вес женщин-преступниц в общем числе совершивших преступления в 2016 г. сократился до 14,6 % по сравнению с 2015 г. (16 %) [1].

Необходимо отметить незначительное количество осужденных мужчин, которым предоставляется отсрочка отбывания наказания. По данным за 2016 г. по стране их набирается менее 50 человек. То есть внесение в 2010 г. изменений в ст. 82 УК РФ, в соответствии с которыми были уравнены в правах мужчины и женщины как родители, имеющие право на отсрочку, не привело к распространению практики назначения отсрочки мужчинам.

Причины сложившейся ситуации могут быть следующие. Во-первых, незначительное количество осужденных мужчин, являющихся единственными родителями и воспитывающими малолетних детей. Во-вторых, как правило, мужчины совершают более тяжкие преступления, чем женщины; чаще, чем у женщин, у них сохраняются преступные связи. Данные обстоятельства учитываются судом при рассмотрении права на отсрочку лицу, которому необходимо доверить воспитание ребенка, и в этом случае доверие не оправдывается. Возможна и третья причина, которая заключается в нежелании отца, отбывающего наказание в местах лишения свободы, подавать ходатайство в суд о предоставлении отсрочки.

Незначительно и количество несовершеннолетних в общей массе осужденных, которым предоставляет-

ся отсрочка отбывания наказания по ст. 82 УК РФ (менее 20 человек за период с 2013 по 2016 г.). Подобная ситуация объясняется незначительным количеством беременных несовершеннолетних осужденных и несовершеннолетних осужденных, имеющих малолетних детей. В данном случае прослеживается прямая зависимость между возрастом осужденного и наличием малолетнего ребенка. Как правило, наибольшее количество рожающих женщин приходится на возраст старше 24 лет.

Стоит заметить, что в 2013, 2014 гг. в 30 и 50 % случаях соответственно несовершеннолетние, которым была предоставлена отсрочка отбывания наказания, ранее привлекались к уголовной ответственности. Данный показатель идет на спад с 2015 г., в 2016 г. таких лиц не было.

Проведенный анализ официальных статистических данных позволил выявить субъекты Российской Федерации с наибольшим и наименьшим количеством осужденных, наказание в отношении которых отсрочено, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (данные представлены на начало 2016 г.). Наибольшее количество осужденных состоит на учете в УИИ в Иркутской области (314 чел.), Краснодарском крае (303 чел.), Московской области (271 чел.), Хабаровском крае (235 чел.), Челябинской области (229 чел.). Наименьшее – в Республике Калмыкии (8 чел.), Республике Крым и г. Севастополе (12 чел.), Костромской области (13 чел.), Республике Ингушетии (14 чел.), Камчатском крае (16 чел.).

Прослеживается прямая зависимость между общим уровнем преступности и количеством лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в конкретном регионе. Так, согласно официальным данным Главного информационно-аналитического центра МВД России [2. Электронный ресурс], за январь-декабрь 2016 г. Иркутская область в Сибирском федеральном округе занимает второе место по количеству совершаемых преступлений (57009), Краснодарский край – на первом месте в Южном федеральном округе (71509). В регионах с наименьшим количеством осужденных, наказание в отношении которых отсрочено, состоящих на учете в УИИ, наблюдается минимальное количество зарегистрированных преступлений. Например, в Республике Калмыкии зарегистрировано 2951 преступление, Костромской области – 8778, Камчатском крае – 5858.

Проведенное исследование показало, что в структуре преступности осужденных беременных женщин и лиц, имеющих малолетних детей, преобладают корыстные преступления, совершаемые путем кражи (26,7 %), мошенничества (9,8 %). В основном осужденные совершают кражи личного имущества (39 %). Согласно проведенному анкетированию, в 37 % случаях женщины совершали корыстные преступления с целью обеспечения детей продуктами питания (вещами), в 44 % – удовлетворения личных нужд. Остальные 19 % указывают иные причины.

В научной литературе отмечается, что женщины значительно реже совершают корыстные преступления путем мошенничества, тогда как мошенничество лиц, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания по ст. 82 УК РФ, занимает достаточно высокое третье место в структуре их преступности. Это связано, на наш взгляд, с меняющимися условиями жизни населения, возросшим разнообразием рынка услуг, широким использованием систем связи и телекоммуникаций, доверчивостью населения, поиском более выгодных предложений на общем фоне роста цен на потребительские товары. Все перечисленные факторы значительно повышают возможности женщин-мошенниц, что обусловливает увеличение количества подобных преступлений.

Второй по численности группой преступлений, наказание за которых отсрочено, выступают преступные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Это, в основном, незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотиков (38 %), незаконные производство, сбыт или пересылка (31 %), организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотиков (25 %), нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (6 %).

На наш взгляд, если отсрочка предоставляется родителям, осужденным за подобные преступления, то сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции, участковым уполномоченным полиции необходимо установить дополнительный контроль за поведением осужденных и недопущением втягивания их повторно в криминальные связи. Как показывает практика, преступные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, являются устойчивыми и нередко возобновляемыми, что представляет опасность для ребенка, который находится на воспитании осужденного.

Четвертое место в структуре преступности осужденных к отсрочке занимает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (9,5 %). Для осужденных женщин, совершающих подобные преступления, характерна повышенная эмоциональность. Как правило, преступления они совершают спонтанно в силу острой реакции на возникающие конфликтные ситуации. На наш взгляд, вспыльчивость, нервозность, агрессивность личности также должны учитываться судом при решении вопроса о предоставлении отсрочки.

Немаловажным показателем для оценки личности осужденных, которым отсрочено отбывание наказания, является привлечение их к уголовной ответственности в прошлом. Согласно статистическим данным, почти 40 % осужденных ранее привлекались к уголовной ответственности. Исходя из этого, можно предположить, что суд, решая вопрос о пре-

доставлении отсрочки отбывания наказания, не рассматривает привлечение к уголовной ответственности в прошлом как основание для отказа в отсрочке лицу, имеющему на это право.

Особое внимание в рамках исследуемой темы необходимо уделить осужденным, совершившим повторные преступления в период отсрочки. Количество осужденных, в отношении которых возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления до и после постановки на учет в УИИ, с течением времени снижается на фоне уменьшения общего количества осужденных, которым предоставляется отсрочка отбывания наказания. С 2013 по 2016 г. средний процент таких осужденных остается на стабильном уровне (0,7 %). На первый взгляд, указанный процент невелик и не должен вызывать тревоги. Однако, учитывая специфику института отсрочки отбывания наказания, преследуемую им цель, вряд ли можно признать складывающуюся ситуацию положительной.

Причины, по которым осужденные совершают повторные преступления, различны и многоаспектны. Они неразрывно связаны с личностью самого осужденного, его стремлениями, целями в жизни и той обстановкой, в которой он находится. В данном случае актуальность и важность приобретает деятельность уголовно-исполнительных инспекций по предупреждению совершения преступлений. Статистические данные показывают, что почти в 6 раз больше осужденные совершают повторные преступления после постановки на учет. Это может свидетельствовать о недостаточно эффективной работе сотрудников инспекций по исправлению осужденных, формальном подходе к контролю за ними.

Но не стоит забывать, что, как отмечает В.А. Уткин, для достижения успешного результата в предупредительной деятельности должно быть реализовано два элемента: устрашение и лишение [3, с. 51–52]. Естественно, что применение указанных элементов к осужденным, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, затруднительно. Суд возлагает на осужденного всего одну обязанность – воспитания и ухода за ребенком, и осужденный, являясь 1 раз в месяц к инспектору, не испытывает никаких обременений от этого. Более того, исполнение наказания откладывается на неопределенный срок, в большинстве случае достаточно значительный, поэтому никакой кары за совершенное преступление осужденный не ощущает. Исходя из вышесказанного, сотрудникам инспекций важно прилагать максимальные усилия для исправления осужденных, налаживать эффективное взаимодействие с органами опеки и попечительства, участковыми уполномоченными полиции, осуществлять дополнительные проверки условий жизни осужденных, контролировать их поведение, не допуская появления новых и возобновления старых преступных связей.

Почти в половине случаев повторные преступления совершаются осужденными, ранее имевшими судимость. Из них почти в 40 % случаев совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления, две трети преступлений имеют корыстно-насильственную направленность. Повторные преступления указанной группой осужденных совершаются не спонтанно, им предшествуют различные виды девиантного поведения, среди которых преобладает пьянство (в 17 % случаев преступления совершаются в состоянии алкогольного опьянения). В 31 % случаев осужденные ранее допускали нарушение порядка отсрочки отбывания наказания. Нельзя при этом говорить о бездействии сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, поскольку, согласно официальным данным, к осужденным в половине случаев применялись соответствующие меры реагирования в виде направления материалов в суд об отмене отсрочки, однако в 70 % случаев суд отказывал в удовлетворении представлений.

Исходя из того, что среди осужденных-рецидивистов почти половина ранее судимы, совершение повторных преступлений говорит об их стойкой антиобщественной установке, мы считаемым необходимым признать отсрочку отбывания наказания в отношении указанных лиц нецелесообразным видом освобождения от наказания и усилить карательную политику, выражающуюся в ограничении предоставления судом отсрочки ранее судимым родителям.

Поскольку практика назначения отсрочки указанным категориям осужденных имеет место быть, представляется возможным создание «группы риска» осужденных, состоящих на учете в УИИ, в которую можно было бы включить лиц, имеющих судимость в прошлом; лиц, склонных к ведению аморального образа жизни; лиц, которым необходимо проведение соответствующего лечения от алкоголизма, наркомании; лиц, допускающих нарушения условий отсрочки и других, чтобы уделять данной категории осужденных повышенное внимание, проводить в отношении них дополнительные контролирующие мероприятия в целях недопущения продолжения преступных действий.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить следующее. Нельзя назвать институт отсрочки отбывания наказания нецелесообразным, поскольку он преследует важные цели, дает возможность ребенку остаться в семье, избежать психологических травм, связанных с помещением в детский дом. Вопрос заключается в том, как избежать ошибок при предоставлении отсрочки отбывания наказания, как сделать так, чтобы доверие, оказанное осужденному судом, было оправдано.

Как уже отмечалось, суду необходимо более тщательно подходить к анализу личности осужденного при предоставлении отсрочки отбывания наказания, учитывать уголовное прошлое лица; органам, осуществляющим контроль за осужденным, налаживать эффективную работу по исправлению осужденных и недопущению становления их повторно на преступный путь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Официальный* сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: http://мвд.рф/reports/item/9338947. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 11.02.2017).
2. *Официальный* сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: http://мвд.рф/ upload/site1/document_news/009/338/947/sb_16.12.pdf. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 11.02.2017).
3. *Уткин В.А.* Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 94 с.

CRIMINALITY OF PERSONS WITH PUNISHMENT SUSPENDED DUE TO PREGNANCY OR YOUNG CHILDREN

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 5–8. DOI 10.17223/23088451/9/1

Tatyana I. Belyukova, Academy of Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: Tatyana.belyukova@mail.ru

Keywords: deferred sentence, pregnant women, young children, criminality of convicts, probation department.

Criminality of pregnant women and people with children under 14 is considered as part of criminality as a whole and has certain peculiarities. In this regard, its study depends on the objective data on crime in general. The criminality of the category of people stated above is peculiar due to their having children who can suffer potential negative effect in case their parents are granted a deferred sentence. To study this aspect of criminality the author has analysed the statistics on the number of people registered with the probation departments, identified the subjects of the Russian Federation accounting for the largest and the smallest numbers of convicts with deferred sentences, determined the structure of their criminality and criminal characteristics of their personalities. The official statistics of the All-Russian Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia show that the convicts who are granted a deferred sentence due to pregnancy or young children constitute only 2% of the total number of convicts registered in probation departments. Their number is gradually decreasing (with 8,091, 8,036, 7,193, 6,486 from 2013 to 2016 respectively) due to a decreased total number of convicts registered with the probation departments. The statistics analysis identified the subjects of the Russian Federation with the largest and smallest number of registered convicts whose sentences were suspended, which showed a direct correlation between the general level of criminality and the number of registered people in a particular region. The structure of crimes committed by people from the category under analysis is predominated by acquisitive crimes (26.7% accounts for theft, 9.8% for fraud). Then come crimes related to illicit trafficking in narcotics, psychotropic substances and their analogues (22.8%). Particular attention is paid to convicts who committed crimes during the probation period. Their average percent from 2013 to 2016 remains stable (0.7%). In almost half of the cases the repeated crimes are committed by convicts with previous criminal records. Almost 40% of them commit serious and extremely serious crimes. Considering the specificity of the probation institution, the current situation can hardly be called positive. The following work should be carried out so that the convict might justify the trust rendered by the court in the upbringing of the child. First, when taking a decision on a deferred sentence, it is necessary to conduct a more careful analysis of the convict's personality and to consider his or her previous criminal records. Second, the bodies exercising control over the convicts should establish effective work to remedy them and prevent them from criminality.

REFERENCES

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *The official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://mvd.rf/reports/item/9338947/. (Accessed: 11th February 2017).
2. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *The official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://mvd.rf/ upload/site1/document_news/009/338/947/sb_16.12.pdf. (Accessed: 11th February 2017).
3. Utkin, V.A. (1995) *Kurs lektsiy po ugolovno-ispolnitel'nomu pravu. Obshchaya chast'* [Lectures on Criminal Law. General Part]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 343 DOI 10.17223/23088451/9/2

Н.А. Кудратов

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Рассматриваются вопросы классификации преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, предлагается классификация таких преступлений в зависимости не только от объекта преступления, но и от разделения категорий «безопасности» в зависимости от отношения к объекту, от социальной, психологической и профессиональной характеристики субъектов.

Ключевые слова: *безопасность, государства, конституционный строй, экстремизм, экономическая безопасность, шпионаж, диверсия.*

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своем послание Маджлиси Оли отметил, что в условиях возрастающего осложнения политической ситуации в мире, все большего усиления межгосударственных и межрелигиозных конфликтов, расширения организованной трансграничной преступности защита границ и рубежей, безопасности государства и нации для Республики Таджикистан считается первостепенным и жизненно важным вопросом [1].

Конституция Республики Таджикистан провозглашает, что Таджикистан является суверенным, демократическим, правовым, светским и унитарным государством (ст. 1). Республиканская форма правления, территориальная целостность, демократическая, правовая, светская и социальная сущность государства неизменны (ст. 100) [2]. Учитывая эти положения Конституции, уголовный Кодекс Республики Таджикистан (далее УК РТ) в разделе XIII установил ответственность за преступления против государственной власти. Исходя из принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, указанный раздел уголовного законодательства состоит из 4 глав [3]:

1) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29 УК РТ);

2) преступления против государственной власти, интересов государственной службы (глава 30 УК РТ);

3) преступления против порядка управления (глава 31 УК РТ);

4) преступления против правосудия (глава 32 УК РТ).

Рассматривая данный вопрос, в основном мы уделяем внимание только классификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, т.е. классификация преступлений, которые закреплены в главе 29 УК РТ. В общем, в Республике Таджикистан, за исключением обычного институтского курса, изучение (исследование) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства не проводились. Исходя из этого, в ходе исследования мы опираемся на труды ученых государств-участников СНГ, особенно Российской Федерации, поскольку многие государства-участники СНГ, за исключением Республики Узбекистан, при разработке своих УК использовали положения Модельного Уголовного кодекса от 17 февраля 1996 г., принятого Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ и носящего рекомендательный характер для этих государств.

Изучение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в Таджикистане является актуальным и своевременным. В последнее время динамика совершения этих преступлений резко взросла. Ярким примером являются события сентября 2015 г., когда была попытка вооруженного государственного переворота, где активно участвовали сторонники Партии исламского возрождения Таджикистана и т.д. Эти преступления, как справедливо отмечал Эмомали Рахмон – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан в своем обращении в честь 24-й годовщины государственной независимости РТ, прежде всего, угрожают государственной независимости, существованию самого независимого государства, демократическому, правовому и светскому устройству государства, стабильности и безопасности [4].

В главе 29 УК РТ предусмотрено 13 составов преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства. В теории уголовного права единообразного понимания классификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства не существует. Возможно поэтому, в различные периоды развития уголовного права ученые и практики поразному классифицировали эти преступления. Исходя из этого, возникает необходимость в установлении основных критериев, способствующих делению таких преступлений на отдельные группы или виды.

При классификации общественно опасных деяний возникает вопрос не только об определении их непосредственных объектов, но и о необходимости установления общих признаков, благодаря которым эти преступления были помещены в одну главу; о возможности объединения их в более широкие группы по признаку однородности нарушаемых общественных отношений, с тем чтобы определить как правильность построения данной главы с точки зре-

ния законодательной техники, так и прогнозов ее развития и совершенствования [5].

В научных трудах А.А. Пионтковского, А.А. Игнатьева, С.В. Дьякова, Б.Н. Кадникова, В.В. Лунеева, А.В. Наумова, А.И. Рарога и др. классификация вышеуказанных преступлении проводилась в основном исходя из объекта (видового и непосредственного) преступления.

С.В. Дьяков предлагает, что в основе классификации преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства должна лежать направленность источников угроз, а интегративно она должна выражаться в специальных законах [6]. Необходимо отметить, что направленность источников угроз – это и есть объект преступления, то есть они формируют систему непосредственных объектов конкретного преступления. Таким образом, анализ доктрины уголовного права показывает, что большинство авторов классифицировали анализируемые преступления в зависимости от объекта посягательства.

Все преступления главы 29 УК РТ объединены по видовому объекту, но внутри системы классификация преступлений на группы может быть самой различной в зависимости от задач и целей классификации. Считается, что любая классификация может быть правильной, если за ее основу берется стабильный признак, выражающий качественные свойства и своеобразие классифицируемых явлений.

Доктрина уголовного права предлагает много критериев для классификации преступления. На наш взгляд, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства можно классифицировать в зависимости не только от объекта преступления, но и от социальной, психологической и профессиональной характеристики субъектов, способов совершения преступления, по характеру мотива или цели совершения преступления, по форме вины, способам сокрытия преступления. Однако классификация преступления в зависимости от указанных критериев в большинстве случаев используется в криминалистике [7].

А.А. Пионтковский, принимая во внимание объект посягательства, подобную группу преступлений периода СССР делил на следующие виды:

1) преступления, посягающие на внешнюю безопасность СССР; 2) преступления, посягающие на политическую основу СССР; 3) преступления, посягающие на экономическую основу СССР [8].

Немного иной представляется система таких преступлений, представленная А.А. Игнатьевым. В основе ее построения он обоснованно ввел непосредственный объект посягательства. Система имела следующий вид:

а) особо опасные государственные преступления, посягающие на государственную независимость, территориальную неприкосновенность или военную мощь СССР. К ним относятся: измена Родине и шпионаж;

б) особо опасные государственные преступления, посягающие на политическую основу СССР: террористический акт, антисоветская агитация и пропаганда;

в) особо опасные государственные преступления, посягающие на экономическую систему СССР: диверсия и вредительство;

г) особо опасные государственные преступления, посягающие на мир и мирное сосуществование государств: террористический акт против представителя иностранного государства и пропаганда войны;

д) организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации;

е) особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства и трудящихся [9].

Независимо от того, что распался СССР, вышеуказанные классификации, безусловно, не теряли свою актуальность, роль и влияние на нынешнюю систему преступления против основ конституционного строя и безопасности государства в постсоветских государствах.

В науке уголовного права исследователи обычно делят преступления против основ конституционного строя и безопасности государства на две, три или пять групп. Такие разделения говорят о дискуссионности анализируемой группы преступлений.

В.В. Лунеев все государственные преступления (с учетом положений УК РФ) делит на две группы: преступления против основ конституционного строя и преступления против внешней безопасности государства [10]. Позиция автора показывает, что категория «основ конституционного строя» относится к внутренней безопасности. Однако анализ диспозиции ст. 305 УК РТ (измена государству) и ст. 308 УК РТ (шпионаж) показывает, что наравне с внешней безопасностью посягательства на суверенитет, территориальную неприкосновенность и обороноспособность как составную часть основ конституционного строя относят также к внешней безопасности. М.И. Ковалев выделял посягательства на внешнюю и внутреннюю безопасность государства [11]. Последнюю классификацию С.В. Дьяков дополняет третьей группой (против экономической безопасности), включающей одно преступление – диверсию [12]. В этой связи предлагается классифицировать все преступления против основ конституционного строя и безопасности государства на:

- преступления, посягающие на внутреннюю безопасность государства;

- преступления, посягающие на внешнюю безопасность государства.

Против такой классификаций выступает А.И. Рарог. Он отмечает, что «группы преступлений, выделяемых как посягательства только на внешнюю или только на внутреннюю безопасность, явно неоднородны и нуждаются в большей дифференциации» и что «классификация преступлений против основ

конституционного строя и безопасности государства в зависимости от их непосредственного объекта должна быть более дробной» [13].

Соответственно источникам угроз родового объекта безопасность государства делится на три непосредственных объекта: это внешняя безопасность, внутренняя и экономическая безопасность. На основе этого С.В. Дьяков предлагает следующую классификацию преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства:

1. Преступления, посягающие на внешнюю безопасность: государственная измена; шпионаж; разглашение государственной тайны; утрата документов, содержащих государственную тайну.

2. Преступления, посягающие на внутреннюю безопасность:

а) преступления экстремистского характера: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; организация экстремистского сообщества; организация деятельности экстремистской организации;

б) преступления террористического характера: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; насильственный захват власти или насильственное удержание власти; вооруженный мятеж.

3. Преступления, посягающие на экономическую безопасность: диверсия [14].

Позиция тех авторов, которые наравне с внешней и внутренней безопасностью в отдельную группу выделяют и экономическую безопасность, является спорной. Так как категория «безопасность», как выше отметили, в зависимости от отношения к объекту подразделяется только на внутреннюю и внешнюю безопасность. Здесь категория «экономическая безопасность», безусловно, должна входить в состав либо внутренней, либо внешней безопасности, или она является частью и внутренней, и внешней безопасности.

Классификация этих групп преступлений на две и даже три группы, с точки зрения А.И. Рарога, представляется неполной. Направленность некоторых преступлений на тот или иной объект зависит от фактического содержания деяния. Исходя из этого, определение непосредственного объекта как классификационного критерия не является абсолютным. Например, разглашение государственной тайны может причинить серьезный вред только внутренней безопасности, не затрагивая внешней безопасности страны. И наоборот, вооруженные мятежи способны серьезно подорвать именно внешнюю безопасность государства [15].

Анализируя систему этих преступлений (на примере РФ), А.И. Рарог в зависимости от непосредственного объекта предлагает классифицировать эти группы преступления на следующие виды:

1) преступления против внешней безопасности государства;

2) посягательство на общественные отношения, обеспечивающие недопущение экстремистской деятельности;

3) преступления, посягающие на основы политической системы государства;

4) посягательства на экономическую безопасность и обороноспособность государства;

5) преступления, посягающие на сохранность государственной тайны [16].

В результате анализа и обобщения теории и практики уголовного права, а также уголовного законодательства можно предложить следующие виды классификации преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства:

1. В зависимости от видового и непосредственного объекта преступного посягательства:

- преступления против безопасности суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности государства (измена государству (ст. 305); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 306); публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан (ст. 307); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма (ст. 307[1]); шпионаж (ст. 308); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан (ст. 310) и вооруженный мятеж (ст. 313));

- преступления против безопасности основ конституционного статуса личности: организация экстремистского сообщества (ст. 307[2]), организация деятельности экстремистской организации (ст. 307[3]), организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера (ст. 307[4]);

- преступления против основ экономической безопасности государства, связанные с подрывом экономической безопасности и обороноспособности Республики Таджикистан: диверсия (ст. 309);

- преступления против информационной безопасности государства: разглашение государственной тайны (ст. 311), утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 312).

Исходя из названия (видовой объект) главы 29 УК РТ, мы не можем подразделять все эти преступления на преступления против основ конституционного строя и преступления против безопасности государства. В связи с этим классификация преступления главы 29 УК РТ в зависимости от его названия на преступления против основ конституционного строя и преступления против безопасности государства нецелесообразна, поскольку, посягая на основы конституционного строя, преступник посягает и на безопасности государства. Использование в главе 29 УК РТ терминов «основы конституционного строя и безопасности государства» нуждается в уточнении. При анализе Конституции Республики Таджикистан, уголовного законодательства, Закона Республики Таджикистан «О безопасности» и других нормативных правовых актов можно заметить,

что безопасность государства уже включает в себя его конституционный строй. Таким образом, использование законодателем разнообъемных понятий (определений) при моделировании наименования соответствующей главы УК РТ, особенно главы 29, трудно объяснимо и, видимо, нуждается в уточнении. На наш взгляд, главу 29 УК РТ целесообразно назвать «Преступления против безопасности государства».

2. Разделение категорий «безопасности» в зависимости от отношения к объекту на внутреннюю и внешнюю:

- преступления, посягающие на внутреннюю безопасность государства (насильственный захват власти или насильственное удержание власти; публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя; публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма; организация экстремистского сообщества; организация деятельности экстремистской организации; организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера; диверсия; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан; разглашение государственной тайны; утрата документов, содержащих государственную тайну; вооруженный мятеж);
- преступления, посягающие на внешнюю безопасность государства: измена государству, шпионаж.

3. В зависимости от социальной, психологической и профессиональной характеристики субъектов преступления можно выделить деяния, совершаемые:

- специальными субъектами: ст.ст. 305–307, 307^2, 307^4, 308, 311 УК РТ;
- гражданами Республики Таджикистан: ст. 305 УК РТ
- иностранцами и лицами без гражданства: 307, 308 УК РТ;
- сотрудниками или бывшими сотрудниками уполномоченных государственных органов по защите государственных секретов Республики Таджикистан: ст.ст. 305, 311 УК РТ;
- военнослужащими: ст.ст. 305, 306 УК РТ;
- с использованием своего служебного положения: 305–307, 307^2, 307^4 УК РТ.

4. По форме вины все преступления против основ конституционного строя и безопасности государства совершаются умышленно, кроме преступления по ст. 312 УК РТ (утрата документов, содержащих государственную тайну), которое совершается по неосторожности. В свою очередь, все умышленные преступления главы 29 УК РТ, можно классифицировать на совершенные с заранее обдуманным намерением и внезапно возникшим умыслом.

5. По характеру мотива или цели совершения преступления:

- с корыстной целью, например: с целью подрыва экономической безопасности и обороноспособности Республики Таджикистан (ст. 309 УК РТ); ослабления основ конституционного строя и безопасности государства, прекращения государственной деятельности либо другой политической деятельности (ст. 310 УК РТ); свержения или насильственного изменения конституционного строя Республики Таджикистан, либо нарушения его территориальной целостности (ст. 313 УК РТ);
- из идеологической, политической, расовой, национальной, местнической или религиозной ненависти и вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы (ст. 307^2 УК РТ);
- в экстремистских целях (ст. ст. 307, 307^1, 307^2, 307^3, 307^4 УК РТ).
- с целью мести, например посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан как месть за эту деятельность (ст. 310 УК РТ).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Послание* Лидера нации, Президента Таджикистана уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 20.01.2016, г. Душанбе [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.tj/ru/node/10587. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 29.05.2017).
2. *Конституция* Республики Таджикистан. Душанбе, 2016.
3. *Уголовный* кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, 2015.
4. *Телевизионное* обращение по случаю 24-й годовщины государственной независимости Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.tj/ru/node/9854. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
5. *Устинова Т.Д.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельности: дис. … докт. юрид. наук. М., 2005. С. 66.
6. *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 30–31.
7. *Головин А.Ю.* Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Тула, 2013.
8. *Пионтковский А.А.* Курс советского уголовного права. М.: Наука. 1970. Т. 4. С. 79–80.
9. *Игнатьев А.А.* Особо опасные государственные преступления. К.: Изд-во КВШ МВД СССР, 1975. С. 9–10.
10. *Курс* российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 2002. С. 817.
11. *Уголовное* право. Особенная часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой и Г.П. Новоселова. М., 1997. С. 567, 568.
12. *Дьяков С.В.* Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 16, 17.

13. *Российское* уголовное право: Т. 2. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2003. С. 633.
14. *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 30–31.
15. *Уголовное* право. Особенная часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, профессора А.И. Рарога, профессора А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2006. С. 565. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/commlaw/1972. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
16. *Уголовное* право. Особенная часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, профессора А.И. Рарога, профессора А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/commlaw/1972. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 27.05.2017).

CLASSIFICATION OF CRIMES AGAINST CONSTITUTIONAL ORDER AND SECURITY OF THE STATE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 9–14. DOI 10.17223/23088451/9/2
Nekruz A. Kudratov, Tajik State University of Commerce (Dushanbe, Tajikistan). E-mail: nek-kudratov@mail.ru

Keywords: security, state, constitutional order, extremism, economic security, espionage, subversive action.

The analysis and collation of the criminal law theory and practice as well as of criminal legislation has demonstrated the following classifications of crimes against constitutional order and internal security of the state:

1. depending on the subsumee and direct object of criminal assault, the crimes against constitutional order and security of the state can be classified as: a) crimes against security of sovereignty, territorial integrity and inviolability of the state (treason (Article 305), violent upheaval and or retention of power (Article 306), public calls for violent change of the constitutional order of the Republic of Tajikistan (Article 307), public calls for extremist activities and public justification of extremism (Article 307^1), espionage (Article 308), encroachment on the life of a state or public figure of the Republic of Tajikistan (Article 310) and violent disturbances (Article 313); b) crimes against the security of the constitutional status of the individual: organization of an extremist community (Article 307^2), organization of activities of an extremist organization (Article 307^3), organization of a study or a religious-extremist educational group (Article 307^4); c) crimes against state economic security aimed at undermining economic security and defense capacity of the Republic of Tajikistan: subversive action (Article 309); D) crimes against state information security: disclosure of state secrets (Article 311), loss of documents containing state secrets (Article 312).

Basing on the name of Chapter 29 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan (subsumee), all these crimes cannot be classified as crimes against constitutional order and crimes against security of the state, which makes such classification unreasonable. Encroaching on constitutional order, the criminal also encroaches on state security. The terms "constitutional order" and "security of the state", as used in Chapter 29 of the Criminal Code, need specifying. The analysis of the Constitution of the Republic of Tajikistan, criminal legislation, the Law of the Republic of Tajikistan "On Security" and other normative legal acts shows that internal security of the state already includes its constitutional order. Thus, the use of diversified concepts (definitions) by the legislator for modeling the name of the relevant chapter in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan, particularly Chapter 29, is difficult to explain and, apparently, needs specifying. The author suggests that Chapter 29 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan should be called "Crimes against security of the state."

2. Depending on the security categories in relation to the object: as internal and external.

3. Depending on social, psychological and professional characteristics of the subjects of crime against constitutional order and security of the state.

4. By the form of guilt, all crimes against constitutional order and security of the state are committed intentionally, except for Article 312 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan (loss of documents containing state secrets), which is committed through negligence. All intentional crimes in Chapter 29 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan can be classified into committed with a deliberate intent and a sudden intention.

5. By the nature of motive or purpose of the crime, all crimes against constitutional order and state security can be classified as acquisitive crimes; crimes committed of ideological, political, racial, national, local or religious hatred and enmity, as well as of hatred or enmity towards any social group (Article 3072 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan); for extremist purposes (Articles 307, 3071, 3072, 3073, 3074 of the Criminal Code of RT); with the aim of revenge.

REFERENCES

1. Emomali Rahmon. (2016) *Poslanie Lidera natsii, Prezidenta Tadzhikistana uvazhaemogo Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan. 20.01.2016, g. Dushanbe* [Address from the Leader of the Nation, President of Tajikistan, H.E. Emomali Rahmon to Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. January 20, 2016. Dushanbe]. [Online] Available from: http://www.president.tj/ru/node/10587. (Accessed: 29th May 2017).
2. Republic of Tajikistan. (2016) *Konstitutsiya Respubliki Tadzhikistan* [The Constitution of the Republic of Tajikistan]. Dushanbe: [s.n.].
3. Republic of Tajikistan. (2015) *Ugolovnyy Kodeks Respubliki Tadzhikistan* [The Criminal Code of the Republic of Tajikistan]. Dushanbe: [s.n.].
4. Emomali Rahmon. (2015) *Televizionnoe obrashchenie po sluchayu 24-y godovshchiny gosudarstvennoy nezavisimosti Respubliki Tadzhikistan* [Television Address on the occasion of the 24th anniversary of the independence of the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from: http://www.president.tj/ru/node/9854. (Accessed: 28th May 2017).
5. Ustinova, T.D. (2005) *Aktual'nye problemy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya, posyagayushchie na predprinimatel'skuyu deyatel'nosti* [Topical problems of criminal liability for crimes against business activities]. Law Dr. Diss. Moscow. p. 66.

6. Dyakov, S.V. (2009) *Prestupleniya protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Crimes against constitutional order and state security: Criminal law and criminological research]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press. pp. 30-31.
7. Golovin, A.Yu. (2013) Bazovye kriminalisticheskie klassifikatsii prestupleniy [Basic forensic classification of crimes]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2(2).
8. Piontkovskiy, A.A. (1970) *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava* [Soviet Criminal Law]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
9. Ignatyev, A.A. (1975) *Osobo opasnye gosudarstvennye prestupleniya* [Extremely Dangerous Crimes Against State]. Kiev: Ministry of Internal Affairs of the USSR. pp. 9–10.
10. Kudryavtsev, V.N. & Naumov, A.V. (2002) (eds) *Kurs rossiyskogo ugolovnogo prava. Osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. Special Part]. Moscow: Spark.
11. Kozachenko, I.Ya., Neznamova, Z.A. & Novoselov, G.P. (eds) (1997) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special Part]. Moscow: Norma.
12. Dyakov, S.V. (1999) *Gosudarstvennye prestupleniya (protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva) i gosudarstvennaya prestupnost'* [Crimes against state (against constitutional order and state security) and state crimes]. Moscow: Yuridicheskiy tsentr.
13. Rarog, A.I. (ed.) (2003) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo: T. 2. Osobennaya chast'* [Russian Criminal Law: Vol. 2. Special part]. Moscow: Profobrazovanie.
14. Dyakov, S.V. (2009) *Prestupleniya protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Crimes against constitutional order and state security: Criminal law and criminological research]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press. pp. 30-31.
15. Rarog, A.I., Chuchaev, A.I. & Inogamova-Hegai, L.V. (eds) (2006a) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special Part]. 2nd ed. Moscow: KONTRAKT: INFRA-M. [Online] Available from: https://www.lawmix.ru/commlaw/1972. (Accessed:28th May 2017).
16. Rarog, A.I., Chuchaev, A.I. & Inogamova-Hegai, L.V. (eds) (2006b) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special Part]. 2nd ed. Moscow: KONTRAKT: INFRA-M. [Online] Available from: https://www.lawmix.ru/commlaw/1972. (Accessed:27th May 2017).

УДК 343.22 DOI 10.17223/23088451/9/3

В.Е. Лоба, А.С. Малахова

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Созданию отсутствующего до настоящего времени целостного учения о субъекте преступления могут послужить подзабытые уголовно-правовые теории отечественных дореволюционных ученых-юристов о данном учении, требующие современного переосмысления. Автор обращается к истории вопроса, к работам, посвященным основным проблемам субъекта преступления в отечественной науке уголовного права XIX – начала XX в., которые до настоящего времени остаются неразрешенными.

Ключевые слова: *субъект преступления, уголовное право, развитие отечественной науки уголовного права.*

Отечественная наука уголовного права начинает активно развиваться в XIX столетии. К этому периоду времени следует отнести и теоретическую разработку основ решения вопроса о том, кого или что надлежит признавать субъектом преступления. После долгих теоретических дискуссий с самым широким разбросом мнений как приверженцы свободы воли, так и сторонники подчинения воли закону причинности, в их наиболее обработанном правильном учении, а также последователи смешанной доктрины пришли, в конечном итоге, к единому мнению, что учинителем уголовного правонарушения может быть только индивидуальный человек [1, с. 218].

Разумеется, акцент на то, что субъектом преступления может быть только физическое лицо, полностью исключал возможность привлечения к уголовной ответственности животных, растений или вещей [2, с. 4], а также юридических лиц.

Особняком на этом фоне стоит позиция Г.И. Солнцева, который, ссылаясь на отдельные положения римского права и российского права, утверждал, что «общества, collegia, corpora и т.д.» могут совершать «преступления, а за тем и подвергаться правомерным наказаниям» [3, с. 73]. Похоже, ученый тем самым признает коллективную ответственность юридических лиц.

Ныне под термином «субъект преступления» понимается правовая конструкция, образуемая совокупностью трех обязательных признаков, а именно: физическая природа лица; достижение возраста уголовной ответственности и вменяемость. Однако в рассматриваемый период к обязательным признакам субъекта преступления относили лишь наличие физического лица и вменяемость. Это было связано с тем, что к причинам невменяемости относили, в частности, и недостижение возраста уголовной ответственности («малолетство») [4, с. 222].

Понятию вменяемости, в основе которого лежит свобода воли и закон причинности, в юридической литературе рассматриваемого периода отмечается разброс мнений. Например, А.Ф. Кистяковский смешивал вменение с вменяемостью: «Вменение представляет существование общей вменяемости человеку его действий» [5, с. 324], Н.С. Власьев отождествлял вменяемость с преступлением: «Суждение о том, есть ли, и в какой мере в существующем вовне нарушении права виновное деяние, называем мы вменением» [6, с. 46]. В свою очередь, А.С. Жиряев, выделяя юридическую вменяемость, включает в нее сознание и свободу действий, в зависимости от характера которых, в свою очередь, выделяет умысел, неосторожность и случай (казус) [7, с. 45]. Сразу видно, что вменяемость отождествлялась со структурой состава преступления. С личным состоянием преступности отождествлял вменяемость В.В. Есипов [8, с. 145], а Л.Е. Владимиров вообще предлагал не определять в законе критерии вменяемости, указав лишь причины, по которым вменяемость исключается [9, с. 47]. Н.А. Неклюдов предпринял попытку расширить понятие вменяемости путем включения в него следующих условий: 1) сознание самого себя; 2) сознание внешнего мира и 3) сознание своих прав и обязанностей [10, с. 26].

Максимально приближенную к современному дал трактовку Н.С. Таганцев, указав, что вменяемость (по терминологии ученого – «дееспособность») субъекта «является краеугольным камнем всех теорий, признающих основанием наказуемости виновное посягательство на правопорядок», предлагая понимать ее как обладание «способностью сознавать совершаемое и его результаты и способностью оценивать не только физическое, но и нравственное и правовое значение деяния и руководствоваться сознанным» [11, с. 410]. Из этого представления исходили и Л.Е. Белогриц-Котляревский, С.В. Познышев, Н.Д. Сергеевский. Мало того, по существу, ими было заложено ставшее ныне господствующим отношение к субъекту преступления как вменяемому лицу, под которым понимается способность лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий (бездействия) и руководить ими.

Общепризнанным в уголовном праве является тот факт, что вменяемость, как уровень социального развития личности, приобретается с возрастом. П.Д. Калмыков следующим образом описал сложившуюся в науке XIX века периодизацию возраста

несовершеннолетних: 1) от рождении до 7 лет – «тут не может быть вменения, хотя проявляются уже следы вменения»; 2) от 7 до 12 лет для женского пола и 14 для мужского – «вменение в этом возрасте возможно, но следствием его должно быть не наказание общественное, … а только домашнее исправительное наказание». В то же время, если будет установлено, что «в малолетнем разумение и свобода достигли полного развития», то ему полагается общественное наказание, сила которого уменьшается «из сострадания к слабости его сил». 3) Третий возраст простирается от 12 или 14 лет до совершеннолетия. «В нем действия страстей особенно сильны, и потому наказание для несовершеннолетних этого возраста смягчается» [12, с. 68]. Эти три периода ответственности именовались: 1) полной невменяемости; 2) относительной невменяемости; 3) смягченной вменяемости [10, с. 27].

Первым, кто сделал объектом исследовательского интереса проблему ответственности несовершеннолетних, был А.М. Богдановский. Свою докторскую диссертацию, защищенную 26 апреля 1870 г. в Новороссийском университете, он озаглавил: «Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики». Минимальный возраст уголовной ответственности он определил в 14 лет. К детям, не достигшим этого возраста, общественная власть могла бы принимать только меры предупреждения [13, с. 91]. Свои подходы к установлению возрастной границы уголовной ответственности предлагали С.М. Будзинский, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев и др.

С.И. Баршев к причинам, исключающим вменение и заключающихся в самом преступнике, в числе прочих относил и глупость, которая происходит или от природной ограниченности, или от недостатка воспитания [14, с. 46]. Очень похоже на то, что последним подходом ученый недвусмысленно очерчивает контуры проблемы ответственности несовершеннолетних, отстающих в психическом развитии, вызванным не психическими расстройствами, а задержкой в психофизиологическом развитии, которая впоследствии в теории получает название как «возрастная невменяемость», «возрастная невменимость», «возрастное невменение» [15, с. 148].

Бесспорно и то, что возраст накладывает отпечаток на поведение людей, их потребности и жизненную установку. Так, например, И.Е. Нейман отмечал, что старик, который начинает располагать своими поступками как младенец, освобождается от наказания за учиненные ими преступления не по причине старости, а потому, что «лишился употребления разума и, следовательно, должен быть причтен к безумным» [16, с. 28]. Ему вторит К. Слепнев, утверждавший, что престарелость не должна быть причиной невменяемости, «у старца есть опытность, страсти перегорели, сердце охладело, хотя в некоторых законодательствах с 70-летнего возраста старость служит обстоятельством, уменьшающим наказание» [17, с. 19]. Эти и другие высказанные в доктрине точки зрения едины в одном: максимальный возраст уголовной ответственности невозможно определить. Практическое же разрешение вопроса об уголовной ответственности лиц пожилого или старческого возраста предлагалось в каждом конкретном случае индивидуально, в рамках «вменяемость – невменяемость», а также отнесения к обстоятельствам, отягчающим либо смягчающим наказание.

Ныне известно, что способность правильно понимать и оценивать фактическую сторону и значимость своих поступков и при этом осознанно руководить своей волей и действиями отличает вменяемое лицо от невменяемого [18, с. 103]. В этой связи вряд ли состоятельно понимание невменяемости как отсутствие: момента самоопределения, фактического момента и посредствующей связи между делом и волей (Н.С. Власьев) [6, с. 48], «разума… без разума нет человека, есть только существо, не могущее дать себе отчета в действиях, не понимающее их нравственной стороны» (А.В. Лохвицкий) [19, с. 113].

Так называемая классическая школа уголовного права рассматривала, в основном, преступление как проявление свободной воли, полной независимости волевого акта от каких-либо предшествующих факторов. Это позволяло считать несвободными и относить к состояниям невменяемости: действия, совершенные с психической неполноценностью, в состоянии законной обороны и несчастного случая [3, с. 57]; причины, лежащие вне человека (состояние необходимой обороны, состояние крайней необходимости, угроза, исполнение обязанности и приказание начальства); причины, лежащие в самом человеке (ошибка и неведение, возраст, расстройство душевной организации или душевные болезни, аффекты, состояние опьянения, состояние сна и т.п.) [5, с. 326] и т.д.

В конце концов пришло понимание, что с медицинской точки зрения невменяемость предполагает неразвитую психическую способность (малолетство, идиотизм, глухонемота); состояние временного расстройства психической способности (умоисступление или совершенное беспамятство, патологический аффект, лунатизм, опьянение) и душевные болезни [9, с. 48].

В то же время, как справедливо указывал Н.С. Таганцев, причиною безответственности являются не слабоумие, мания, глухонемота, лунатизм, горячка и т.д., а те эффекты или последствия, которые они вызывают в психической жизни человека, в его мышлении, в его волеопределяемости. Поэтому «всего естественнее в формуле закона, рядом с условиями невменяемости, поставить и психологический критерий, который положен в их основание» [11, с. 384].

Надо сказать, что дихотомия «вменяемость – невменяемость» долгое время была настолько неизученной, что правоведы с конца XVIII в., по существу, предпочитали черпать свои знания в этой области из динамично развивающейся психиатрии [20,

с. 3]. Необходимость установления психологического критерия невменяемости с наибольшей убедительностью разработана знаменитым отечественным психиатром В.Х. Кандинским, сущность которого его ученик В.П. Сербский свел, в частности, к следующему. Невменяемыми могут быть лишь действия человека, находящегося в таком душевном состоянии, которым исключается свободное волеопределение. Способность свободного определения предполагает наличность двух необходимых условий. Первое – способность суждений или различения, второе – возможность выбора. Для свободы суждения необходима прежде всего известная степень умственного развития. Возможность же выбора означает возможность руководиться в момент действия раньше узнанным или понятым, возможность сделать выбор между различными мотивами действования, т.е. возможность удержаться от совершения преступного деяния или наоборот уступить соблазну [21, с. 27]. Таким образом, в теории возобладала точка зрения о наличии сочетающихся и дополняющих друг друга медицинского и психологического критериев, образующих формулу невменяемости

Психиатры и юристы рассматриваемого периода столкнулись еще и с феноменом, когда немалое число лиц, признанных вменяемыми в момент совершения общественно опасного деяния, все же имеют определенные психические аномалии, которые, по словам Р. Крафт-Эбинга, проявляют при совершении преступлений интеллектуальную слабость, «извращения» характера, что увеличивает силу безнравственных стремлений, душевных страстей и ослабляет способность им противостоять, проявлять самообладание [22, с. 164]. В продолжение этого в доктрине возникает теория о наличии промежуточного между вменяемостью и невменяемостью состояния психики, которую еще называют «ограниченной», «ослабленной», «уменьшенной» и т.п. В число ее сторонников можно отнести В.Д. Спасовича, предпринявшего попытку обосновать научную состоятельность и практическую значимость решения этой проблемы путем обеспечения дифференцированного применения к совершившим преступления лицам с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости. Он, в частности, утверждая, что между полной вменяемостью и совершенной невменяемостью «есть бесчисленное множество оттенков», в «юридической ответственности» различал три ступени: 1) полную вменяемость; 2) полную невменяемость; 3) ослабленную вменяемость [23, с. 117].

В отличие от этого, противники уменьшенной (ограниченной, ослабленной и т.п.) вменяемости довольно доходчиво и точно аргументируют свою позицию следующими доводами: 1) среднего состояния между вменяемостью и невменяемостью не существует [24, с. 78]; 2) введение в законодательство понятия об уменьшенной вменяемости «при невозможности дать какую-либо мерку для приложения его на практике вызвало значительные недоразумения и дало бы ложное направление разрешению вопроса о невменяемости, который допускает только два решения: или человек обладал свободой действовании – и тогда он вменяем, или же он не обладал ею – и тогда он не вменяем» [21, с. 44]; «глупость, опьянение, душевная неуравновешенность и т.д. имеют так много степеней и оттенков, что самые пределы уменьшенной вменяемости представляются слишком слабо очерченными… далеко не всегда в подобных состояниях можно приискать основания для уменьшения наказания» [11, с. 413]; 3) «нравственное притупление, психическая неуравновешенность, психическое вырождение могут проявиться в таких кровавых злодеяниях, что даже самые крайние сторонники антрополого-психиатрических воззрений на преступность не решаются рекомендовать в этих случаях снисходительности, а предлагают по отношении к ним более или менее крутые меры охраны» [11, с. 413]; 4) при уменьшенной вменяемости невозможно совмещать наказание и лечение [21, с. 44]. Тем не менее, в конце концов сошлись во мнении о существовании уменьшенной вменяемости. Однако так и остался не особенно ясным вопрос, как соотносятся между собой «полная» и «уменьшенная (ограниченная)» вменяемость.

В рамках исследования учения о субъекте преступления большое теоретическое и практическое значение имеет изучение вопроса уголовной ответственности за преступления, совершаемые лицом в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя и наркотических веществ. Еще С.И. Баршев и О.И. Горегляд, рассматривая классификацию лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, предлагали дифференцировать наказание с учетом психического отношения лица к факту употребления алкоголя [25, с. 171]. В своих разработанных классификациях предлагали рассматривать вопрос о влиянии опьянения на вменяемость и ответственность на основе деления опьянения в связи с условиями его возникновения Л.Е. Владимиров, П.Д. Калмыков, А.Ф. Кистяковский, Н.А. Неклюдов, Н.С. Таганцев и другие.

С.С. Хрулев вообще рассматривал опьянение как временное помешательство, вызванное не патологическим процессом в мозгу, а «нарушением питания тех или других областей мозга» [26, с. 54]. Л.С. Белогриц – Котляревский полагал, что вряд ли могут вызвать сомнения в невменяемости субъектов, совершающих преступлениях в период запоя, под которым им понимается болезненное состояние, в котором субъект чувствует неодолимое, мучительное желание пить, по удовлетворению которого наступает отвращение к спиртным напиткам, а вместе с тем и более или менее продолжительное воздержание. Ученый указывает на важную деталь: «При этом безразлично, совершено ли преступное деяние во время акта запоя, после его прекращения – в период выздоровления или даже в промежутки более или менее продолжительных перерывов, если толь-

ко в последнем случае болезненное состояние не прекратилось» [27, с. 132]. В связи с этим до настоящего времени актуальными являются высказанные во второй половине XIX века слова А.Ф. Кистяковского, что вопрос о влиянии опьянения на вменение принадлежит к «разряду наиболее спорных. До сих пор ни в теории не выработано общепринятых учений, ни в законодательстве не принято однообразных правил» [5, с. 414].

Рамки подобных публикаций всегда ограничены, поэтому, как бы подводя итоги проведенному краткому обзору доктринальных точек зрения, выскажем крамольную мысль: за прошедшее столетие в уголовном праве в учении о субъекте ничего кардинального не произошло. Это очень наглядно прослеживается на том, что до настоящего времени не существует общепризнанного понимания такого центрального понятия уголовного права, как вменяемость, лежащего в основе учений о вине и уголовной ответственности [18, с. 105]; не получил однозначного решения вопрос о научном обосновании минимального и максимального возраста субъекта уголовной ответственности [28, с. 102]; не утихает до настоящего времени и, судя по всему, требует дальнейшей научной проработки теоретический спор о расширении круга субъектов преступления за счет включения в сферу уголовно-правовых отношений юридических лиц [29, с. 415] и т.д.

Общий «рецепт» давно известен: любое учение требует своего развития, более глубокого теоретического осмысления с позиций современных реалий и трудностей сегодняшнего дня, а законодательство – совершенствования. «В данном случае не будет исключением и учение о субъекте в уголовном праве на современном этапе развития российского государства» [18, с. 280]. Если говорить о частностях, то в истории развития уголовного права XIX – начала XX века имеется много незаслуженно отброшенных идей, требующих своего возвращения и определения пригодности сегодняшней теории уголовного права. Смеем надеяться, что пришло время возвратить их к научной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. I. Введение. Источники уголовного права. Юрьев: Типографии К. Матиссена, 1907. 552 с.
2. *Канторович Я.А.* Процессы против животных в Средние века. М.: Красанд, 2012. 64 с.
3. *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право. Ярославль: Тип. Губерн. Правл., 1907. 219 с.
4. *Устинов В.М., Новицкий И.Б., Гернет М.Н.* Основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Типография А.П. Поплавского, 1907. 255 с.
5. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного права. Часть Общая. Киев: Университетская Типография, 1875. 413 с.
6. *Власьев Н.С.* О вменении по началам теории и древнего русского права. М.: Университетская Типография, 1860. 238 с.
7. *Жиряев А.* О стечении нескольких преступников в одном и том же преступлении. Дерпт: Типография Г. Лаакманна, 1850. 145 с.
8. *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть Общая: преступления и преступники. Наказание и наказуемые. М.: Типо-Литография И.И. Пашкова, 1904. 550 с.
9. *Владимиров Л.Е.* Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков: Издание типографии Каплана и Бирюкова, 1889. 259 с.
10. *Неклюдов Н.А.* Общая часть уголовного права (конспект). СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875. 192 с.
11. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. 2-е изд. Часть Общая. Т. I. СПб.: Гос. типография, 1902. 823 с.
12. *Калмыков П.Д.* Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1866. 535 с.
13. *Богдановский А.* Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. 2-е изд. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1871. 306 с.
14. *Баршев С.И.* Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. М.: Университетская Типография, 1841. 381 с.
15. *Актуальные* проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / отв. ред. И.А. Подройкина. М.: Проспект, 2015. 560 с.
16. *Нейман И.Е.* Начальные основания уголовного права. СПб.: Типография Иос. Иоаннесова, 1814. 75 с.
17. *Слепнев К.* Учебник русских военно-уголовных законов. Вып. I. СПб.: Тип. Гогенфельдена и К°, 1866. 142 с.
18. *Павлов В.Г.* Субъект преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 318 с.
19. *Лохвицкий А.В.* Курс русского уголовного права. Второе исправленное и дополненное издание, сведенное с кассационными решениями. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. 704 с.
20. *Спасенников Б.А., Спасенников С.Б.* Невменяемость в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 256 с.
21. *Сербский Вл.* Судебная психопатология. Вып. I. Законодательство о душевно-больных: лекции, читанные в Императорском Московском Университете. М.: Типо-литография В.С. Траугот, 1895. 224 с.
22. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. 285 с.
23. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Общая часть уголовного права материального. Т. I. (Вып. первый). СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. 432 с.
24. *Будзинский С.М.* Начала уголовного права. Варшава: Типография И. Яворского, 1870. 362 с.
25. *Баршев С.И.* О мере наказаний. М.: Унив. Тип., 1840. 283 с.
26. *Хрулев С.* Характер преступных деяний душевно-больных. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1893. 199 с.

27. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная часть. Киев: Типо-литография И.И. Чоколова, 1903. 618 с.
28. *Пудовочкин Ю., Разумов П.* Некоторые особенности геронтологической преступности // Уголовное право. Издательство Интел-Синтез, 2003. № 4. С. 102–105.
29. *Козлов А.П.* Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 819 с.

DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF THE SUBJECT OF CRIME IN RUSSSIAN CRIMINAL LAW OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 15–20. DOI 10.17223/23088451/9/3
Vsevolod E. Loba, Armavir State Pedagogical University (Armavir, Russia). E-mail: vsevolodka@inbox.ru
Anastasiya S. Malakhova, Armavir Linguistic Social Institute (Armavir, Russia). E-mail: mlhvnastya@mail.ru

Keywords: subject of crime, criminal law, development of Russia criminal law.

No one would object the thesis that each crime has its own specificity, including that relating to the characterisation of the person who committed the crime. This person is called the subject of crime. It is common for modern Russian criminal law to treat the subject of crime as a physical person who committed a criminal act under Russian criminal law. The subject of crime is only an individual who has reached the age of criminal responsibility and who is able to correctly assess the social meaning and significance of their actions. Legal entities, public authorities, various organisations and institutions cannot be recognised as subjects of crime. However, the doctrine of the subject of crime in Russian criminal law has not always been uniform. Without going into details, the authors point out an ambiguous approach to the problem of a formalised age limit and criminal competency of the person liable for a criminal deed as well as to the extension of criminal liability to legal entities (corporations) and correlation of concepts "subject of crime" and "actor's personality." The problem of the so-called diminished sanity has always raised a lot of controversy. From the cognitive point of view, the study of any phenomenon must begin with the identification of its causes, which allows identifying the trends in its development in order to select the most typical features and accurately formulate its definition in modern conditions. According to the authors, the integral doctrine of the subject of crime, that has been missing so far, can greatly base on undeservedly forgotten Russian pre-revolutionary criminal and legal theories, which require modern rethinking. Focusing on this aspect allows separating the grass from the chaff to determine both the past and present of the doctrine and vectors of its future development, thus eliminating chaos and situatedness of measures taken by state to combat crime. Unable to list all the problems of the Russian doctrine of the subject of crime, the authors dwell only on some of them described by criminalists of the 19th – early 20th centuries. These problems greatly influenced the formation of the doctrine under analysis in the theory of the Russian criminal law. The research draws from monographs and master's and doctoral dissertations on criminal law defended in universities of the Russian Empire.

REFERENCES

1. Pustoroslev, P.P. (1907) *Russkoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part.]. Yuriev: K. Matissen.
2. Kantorovich, Ya.A. (2012) *Protsessy protiv zhivotnykh v Srednie veka* [Processes against animals in the Middle Ages]. Moscow: Krasand.
3. Solntsev, G.I. (1907) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Yaroslavl': Tip. Gubern. Pravl.
4. Ustinov, V.M., Novitskiy, I.B. & Gernet, M.N. (1907) *Osnovnye ponyatiya russkogo gosudarstvennogo, grazhdanskogo i ugolovnogo prava* [Basic concepts of Russian state, civil and criminal law]. 2nd ed. Moscow: A.P. Poplavsky.
5. Kistyakovskiy, A.F. (1875) *Elementarnyy uchebnik obshchego ugolovnogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugolovnogo prava. Chast' obshchaya* [Elementary textbook of general criminal law with a detailed presentation of the principles of Russian criminal law. General Part]. Kiev: Universitetskaya Tipografiya.
6. Vlasyev, N.S. (1860) *O vmenenii po nachalam teorii i drevnego russkogo prava* [On imputation by the principles of theory and ancient Russian law]. Moscow: Universitetskaya Tipografiya.
7. Zhiryaev, A. (1850) *O stechenii neskol'kikh prestupnikov v odnom i tom zhe prestuplenii* [On the participatioon of several criminals in the same crime]. Derpt: G. Laakmann.
8. Esipov, V.V. (1904) *Ocherk russkogo ugolovnogo prava. Chast' Obshchaya: prestupleniya i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye* [Essay on Russian Criminal Law. General Part: Crimes and Criminals. Punishment and Criminals]. Moscow: I.I. Pashkov.
9. Vladimirov, L.E. (1889) *Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Kharkov: Kaplana i Biryukov.
10. Neklyudov, N.A. (1875) *Obshchaya chast' ugolovnogo prava (konspekt)* [General Part of Criminal Law (summary)]. St. Petersburg: P.P. Merkulyev.
11. Tagantsev, N.S. (1902) *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii* [Russian Criminal Law. Lectures]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Gos. tipografiya.
12. Kalmykov, P.D. (1866) *Uchebnik ugolovnogo prava. Chast' obshchaya* [Criminal Law. General Part]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
13. Bogdanovskiy, A. (1871) *Molodye prestupniki. Vopros ugolovnogo prava i ugolovnoy politiki* [Young Criminals. The Problem of Criminal Law and Criminal Policy]. 2nd ed. St. Petersburg: A. Morigerovsky.
14. Barshev, S.I. (1841) *Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniyakh i nakazaniyakh* [The general principles of the theory and legislation on crimes and punishments]. Moscow: Universitetskaya Tipografiya.
15. Podroykin, I.A. (2015) *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava* [Topical Problems of Criminal Law]. Moscow: Prospekt.
16. Neyman, I.E. (1814) *Nachal'nye osnovaniya ugolovnogo prava* [The Grounds of Criminal Law]. St. Petersburg: Ios. Ioannesov.

17. Slepnev, K. (1866) *Uchebnik russkikh voenno-ugolovnykh zakonov* [Russian Military Criminal Laws]. Issue. St. Petersburg: Gogenfel'den i K°.
18. Pavlov, V.G. (2001) *Sub"ekt prestupleniya* [Subject of Crime]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
19. Lokhvitskiy, A.V. (1871) *Kurs russkogo ugolovnogo prava* [Russian Criminal Law]. 2nd ed. St. Petersburg: Yu.O. Shreyer.
20. Spasennikov, B.A. & Spasennikov, S.B. (2013) *Nevmenyaemost' v ugolovnom prave* [Insanity in Criminal Law]. Moscow: Yurlitinform.
21. Serbskiy, Vl. (1895) *Sudebnaya psikhopatologiya. Vypusk I. Zakonodatel'stvo o dushevno-bol'nykh: lektsii, chitannye v Imperatorskom Moskovskom Universitete* [Forensic psychopathology. Issue I. Legislation on the mentally ill people: lectures at the Imperial Moscow University]. Moscow: V.S. Traugot.
22. Sitkovskaya, O.D. (1998) *Psikhologiya ugolovnoy otvetstvennosti* [Psychology of Criminal Liability]. Moscow: NORMA.
23. Spasovich, V.D. (1863) *Uchebnik ugolovnogo prava. Obshchaya chast' ugolovnogo prava material'nogo* [Criminal Law. General Part of Material Criminal Law]. Vol. I. St. Petersburg: I. Ogrizko.
24. Budzinskiy, S.M. (1870) *Nachala ugolovnogo prava* [Fundamentals of Criminal Law]. Warsaw: I. Yavorsky.
25. Barshev, S.I. (1840) *O mere nakazaniy* [On the measure of punishment]. Moscow: Univ. Tip.
26. Khrulev, S. (1893) *Kharakter prestupnykh deyaniy dushevno-bol'nykh* [The nature of criminal acts of mentally insane people]. St. Petersburg: V.V. Komarov.
27. Belogrits-Kotlyarevskiy, L.S. (1903) *Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Kiev: I.I. Chokolov.
28. Pudovochkin, Yu. & Razumov, P. (2003) Nekotorye osobennosti gerontologicheskoy prestupnosti [Some features of gerontological crime]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 102–105.
29. Kozlov, A.P. (2004) *Ponyatie prestupleniya* [The Concept of Crime]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

УДК 343.976 DOI 10.17223/23088451/9/4

К.В. Лутцева

ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ РОСТ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ

Рассматриваются основные причины, обуславливающие преступность лиц, признанных больными наркоманией. Выделяются важные криминогенные факторы, оказывающие влияние на рост наркотизации населения и увеличивающуюся долю рецидивной преступности. Исследуются особенности личности лица, больного наркоманией, обуславливающие его преступное поведение после освобождения из мест лишения свободы. Рассматриваются проблемные аспекты адаптации указанной категории лиц после отбывания наказания.

Ключевые слова: *факторы и причины, преступность лиц, больных наркоманией, наркомания.*

По разным оценкам в России от 3 до 8 млн людей принимают наркотики. Больше половины потребителей наркотических средств рано или поздно становятся субъектами уголовного преследования, попадают в места лишения свободы.

Причины, влияющие на рост процесса наркотизации населения, в том числе на преступность среди лиц, потребляющих наркотические средства, их возвращение к преступному образу жизни после привлечения к уголовной ответственности различны и зависят от множества факторов.

Сами по себе причины – это основополагающие обстоятельства, без которых не было бы другого следствия наркотизма. Факторы – это стимуляторы явления – результат внешнего воздействия, связанного с действием социальных сил, которые указывают на недостаточную профилактическую работу основных социальных институтов: семьи, системы здравоохранения, образования, социальной защиты, правоохранительных органов, средств массовой информации, органов по делам молодежи, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, общественных и религиозных организаций. Знание причин и факторов, обусловливающих возникновение преступности в рассматриваемой сфере, является непременным условием целенаправленного воздействия на них с целью организации деятельности по предупреждению преступности лиц, больных наркоманией.

Причин и обстоятельств, непосредственно побуждающих лиц прибегать к наркотикам, не так много:

1) обстоятельства, связанные с особенностями развития и строения организма (к ним относятся наличие определенных заболеваний у родителей; поведение матери, в том числе употребление ею психоактивных веществ во время беременности; перенесенные, особенно в детском возрасте, болезни; индивидуальные особенности обменных процессов в организме человека; пол и возраст);

2) психологические причины, связанные с характером человека, его интересами, привычками, умственными способностями;

3) социальные моменты (семья, друзья, товарищи по учебе или работе, образование, профессия, культура общества, религия, местность и историческая эпоха, в которых живет человек, наконец, мода на соответствующий наркотик в данный период времени).

Названная группа причин, в большинстве случаев, имеет место при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, лицами молодого возраста, которые начинают употреблять наркотические средства из-за веяний моды, в компаниях друзей, не думая о том, что совершают запрещенное уголовным законом преступление.

Социальные факторы, которым всегда отводится первостепенное значение, представляют собой межличностные, социоролевые и другие внутригрупповые и межгрупповые события, изменения в структуре и качестве социальной сети и поддержки. Они могут рассматриваться в качестве первичных факторов, влияющих на процесс наркотизации общества, и вторичных, определяющих дальнейшее преступное поведение. Социальными факторами, обуславливающими преступное поведение, являются: черная полоса в жизни, отсутствие знаний о последствиях употребления наркотических средств, употребление за компанию, любопытство.

Для группы лиц, в действиях которой имеется рецидив преступлений, отбывавшей не раз наказание в виде лишения свободы, характерно преступное поведение, вызываемое следующей группой факторов:

- наличием сложившегося устойчивого преступного поведения, связанного с индивидуальными свойствами личности, устойчивой криминальной активностью, являющейся причиной рецидива преступлений;

- условия бытовой, трудовой, жилищной неустроенности после освобождения из мест лишения свободы, подталкивающие на употребление наркотических средств, в целях уйти от реальности, проблем, возникающих после освобождения;

- состояние наркотической зависимости, подталкивающее на употребление наркотических средств и, как следствие, совершение преступлений для получения преступным путем средств на их приобретение.

Наряду с данной совокупностью факторов, немаловажное влияние на рост рецидивной преступности среди лиц, больных наркоманией, оказывает общее положение в стране: рост безработицы, высокая тревожность в обществе, неудачные экономические реформы. По различным данным, в России в 2014 г. было зарегистрировано и взято под диспансерное наблюдение впервые в жизни с установленным диагнозом наркомания 18,1 млн человек, в то время как наибольшее количество зарегистрированных лиц было взято на учет в 2007 г. – 30,1 млн человек.

По результатам одного из проведенных исследований в десяти регионах Российской Федерации было установлено, что помимо таких факторов, как деформация социальных ценностей, низкий уровень культуры, нравственности, образования лиц, совершающих преступления, влияющие на рост корыстно-насильственной преступности в Российской Федерации, одними из основных факторов, обусловливающих преступное поведение, были следующие: безработица, отсутствие средств к существованию, злоупотребление спиртными напитками, а также употребление наркотиков и отсутствие средств на их приобретение.

Результаты проведенного анкетирования среди осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Рязанской области, показывают, что в жизненной ситуации, предшествующей совершению преступления, подавляющая часть опрошенных оценивает свое положение как неудовлетворительное. Трудовая деятельность до осуждения у многих характеризовалась отсутствием постоянного заработка, случайными подработками либо отсутствием работы, что, в свою очередь, определялось еще и нежеланием трудоустроиться, работать за маленькую зарплату. Неоднократная смена мест работы, по словам осужденных, обусловлена вспыльчивостью, частыми конфликтами на работе. Во многих случаях решающим фактором являлось наличие судимости, наркотической зависимости, отсутствие образования, специальности.

В связи с этим экономический статус и отношение к трудовой деятельности осужденных являются причиной их напряженного состояния и негативного отношения к обществу, которые могут служить причиной противоправного поведения. Отношение к занятости у 30–40 % осужденных является также следствием безответственного отношения к своему образу жизни и поведению, что мотивирует их социальную апатию, отказ от экономически активной жизненной позиции. Значительную роль играют негативные тенденции процессов социальной деградации. В то же время свое будущее осужденные видят в овладении профессией и трудоустройстве, первой необходимостью считают устройство на работу и излечение от наркотической зависимости.

Семью осужденные воспринимают как наиболее существенный фактор их ресоциализации, треть связывает свое будущее с созданием семьи. Свыше 5 % осужденных планируют продолжить образование. Почти 90 % опрошенных осужденных планируют встать на путь исправления, не совершать преступлений, пройти лечение от наркомании.

Пребывая в условиях вынужденной изоляции, осужденные больные наркоманией либо являющиеся потребителями наркотических средств без образования данного заболевания вынуждены прекратить потребление, но, отбыв назначенное судом наказание, как правило, вновь продолжают свою преступную деятельность и становятся вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства. Так, по результатам анкетирования лиц, ранее осужденных за преступления в исследуемой сфере и находящихся под контролем участковых уполномоченных, следует, что из 100 % опрошенных 41 % лиц вернулись к потреблению наркотиков в первую неделю после освобождения и 59 % сделали это в первый же день пребывания на свободе.

Ежегодные данные судебной и следственной практики говорят о том, что больше половины лиц, совершивших преступления при рецидиве, неоднократно отбывавших наказание в местах лишения свободы, вновь возвращаются к привычному для них преступному образу жизни. Выйдя из мест лишения свободы осужденные не имеют мотивации, направленной на создание семьи, трудоустройство, во многом определяющую роль играет наличие судимости, которая носит не только уголовно-правовой, но и общегражданский характер.

Во-первых, судимость может быть препятствием для занятия некоторых групп должностей. Трудовым кодексом Российской Федерации установлены ограничения для занятия педагогической деятельностью для лиц, имеющих или имевших судимость при совершении ими преступлений против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, а также против общественной безопасности. Установлены ограничения для занятия трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних.

Однако необходимо отметить, что предусмотренные законодательством Российской Федерации ограничения для исследуемой категории лиц хотя и препятствуют трудоустройству на определенные виды работ, но не играют, на наш взгляд, определяющей роли в процессе трудоустройства. Проводимые исследования личности осужденных, их социальных связей и навыков свидетельствуют о том, что большинство осужденных, в действиях которых имеется рецидив преступлений, не имеет необходи-

мых навыков, умений, соответствующего уровня образования для занятия данных групп должностей.

В связи с этим основная роль в трудоустройстве бывших осужденных, больных наркоманией, должна отводиться органам и службам занятости населения соответствующего субъекта, региона, где данное лицо проживает после освобождения. В обязательном порядке данные лица должны становиться не только на учет в органах внутренних дел, но и быть объектом пристального внимания и контроля со стороны участковых уполномоченных отделов полиции, учреждений здравоохранения, которые осуществляют учет лиц, больных наркоманией.

Для примера, в Псковской области предпринимаются меры по трудоустройству бывших осужденных. Губернатором А.А. Ткачуком была утверждена концепция долгосрочной областной целевой программы «Содействие занятости лиц, освободившихся из мест лишения свободы и осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, на территории Псковской области на 2012–2015 годы». Принятый регионом документ в первую очередь направлен на оказание помощи освободившимся осужденным в поисках работы и жилья. Безработным заключенным оказывают услуги по профориентационному обучению, предоставляют вакансии в соответствии с образовательными и трудовыми навыками. Более того, в период подготовки к освобождению непосредственно в местах лишения свободы проводится профессиональное обучение [1, с. 24–26].

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре принято Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югра от 22.03.2013 г. № 91-п «О предоставлении гражданам, страдающим наркологическими заболеваниями, сертификатов на оплату услуг по социальной реабилитации и ресоциализации». В соответствии с данным документом осужденным представляются сертификаты на оплату социальной реабилитации и ресоциализации.

Стоит отметить, что на сегодняшний день в стране фактически нет специальных органов и служб, целенаправленно занимающихся трудовым и бытовым устройством лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, страдающих наркоманией. Нет служб, осуществляющих ресоциализацию осужденных, которая была бы направлена на восстановление или приобретение социальных ценностей, норм, знаний, опыта, способностей, а также создание условий, необходимых и достаточных для формирования у осужденных поведенческих моделей, обеспечивающих устойчивость самостоятельной позитивной социализации их личности.

Ресоциализация осужденных – социально-правовая категория, которая сегодня необходима, она приобретает в мире актуальный характер, становясь критерием оценки цивилизованности страны.

Поэтому, как не раз уже отмечалось ведущими юристами и правоведами, особую актуальность приобретает принятие Закона о социальной адаптации лиц, отбывших уголовное наказание, который, с одной стороны, компенсировал бы отставание лиц, освобожденных из мест лишения свободы, от остальной части населения, с другой – создавал бы реальные механизмы содействия этим лицам.

В данной области прокуратурой Владимирской области еще в 2010 г. был разработан проект Областного закона «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы».

Также необходимо отметить, что определенное воздействие на успешную ресоциализацию после отбытия наказания оказывает наличие или отсутствие образования. Однако результаты проведенного анкетирования осужденных показывают, что 30 % имеет образование в пределах 7–8 классов, примерно 40 % – полное среднее образование, а 25 % – даже среднее специальное. Около 5 % утверждали, что они учились в высших учебных заведениях. В связи с этим в исправительных учреждениях одним из способов социализации и предупреждения совершения новых преступлений является деятельность, направленная на обучение осужденных.

В рамках обеспечения прав осужденных, страдающих наркоманией, необходимо расширять механизмы взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы и медицинских учреждений, оказывающих медицинские услуги, в сфере социальной реабилитации лиц, признанных больными наркоманией, так как большинство осужденных после освобождения возвращаются в неблагоприятные условия, что чрезвычайно повышает риск рецидива.

Продолжение курса лечения, прохождение социальной, медицинской реабилитации после освобождения способствовало бы не только укреплению здоровья больных наркоманией, улучшению их социальной адаптации, но и предупреждению повторных преступлений.

По прогнозу опрошенных осужденных, максимальный уровень ожидаемого рецидива не должен превышать 12,7 %, однако выявленный реальный процент рецидива преступлений, например, за 2005–2012 гг. составил 28,8 – 35,8 %.

Жилищная проблема – одна из самых острых для россиян. До сих пор из-за сокращения объемов жилья, предоставляемого на безвозмездной основе, отсутствия у основной массы населения средств на его самостоятельное приобретение более благоустроенное жилье остается несбыточной мечтой для очень многих граждан. Результаты опроса населения, проведенного социологической службой РГСУ в 2010 г., свидетельствуют, что 81 % респондентов имеет жилье в собственности, из которых 60,6 % живут в приватизированных квартирах многоквартирных домов, 15,3 % – в собственном доме (или) части дома. Используют жилое помещение по договору социального найма 3,8 % опрошенных, около 2–3 % живут в общежитиях, ведомственном жилье, коммунальных комнатах, снимают квартиру или комнату.

Для лиц, освобожденных из мест лишения свободы, проблема жилья еще более актуальна. Наличие жилья, места, куда они могут вернуться после освобождения, является одним из определяющих факторов успешной ресоциализации, решения бытовых и других важных вопросов. Около 25 % осужденных не имеют его в силу утраченных социально полезных связей, а также безработицы. В связи с этим разрешить данную проблему законным образом они не способны. Из проведенного исследования видно, что 20,2 % считают себя бедными, а 62,2 % – нуждающимися, 12,4 % респондентов высказались, что не смогут улучшить свой уровень жизни после освобождения. В связи с этим выход из создавшегося положения исследуемая категория лиц будет находить самостоятельно, сопротивляясь внешним обстоятельствам.

Таким образом, главные причины и факторы, определяющие устойчивое преступное поведение исследуемой категории лиц, – это макрофакторы, такие, как безработица, крайне низкая зарплата, недостаточность социальных пособий, отсутствие жилья и так далее. Социально-психологические причины – лень, инертность. Экономические факторы в свете современных научных представлений являются лишь элементом более общей системы факторов, определяющих поведение.

Наряду с рассмотренными факторами, на устойчивое преступное поведение лиц, потребляющих наркотические средства, по результатам изученных материалов уголовных дел и проведенного анкетирования влияет наличие наркотической зависимости, тяга к постоянному потреблению наркотических средств.

На фоне данного болезненного состояния лицо совершает различного рода преступления, в основном направленные на получение денежных средств, для приобретения очередной «дозы» наркотического средства.

В криминологической литературе описаны, в том числе выдающимся русским криминалистом С.В. Познышевым, случаи совершения наркоманами убийств в целях получения денежных средств на приобретение наркотика [2, с. 187–191].

Таким образом, преступную деятельность изучаемой группы лиц объединяет одно – стремление в конечном итоге получить любым путем наркотическое средство для личного потребления либо получить денежные средства или материальные ценности, на которые его можно купить или обменять.

Рассмотренная совокупность факторов и причин, в свою очередь, способствует росту наркотизации населения, расширению девиантной среды, росту первичной преступности, обуславливающей, в свою очередь, рост рецидивной преступности среди лиц, больных наркоманией. Стабилизация экономической ситуации в стране, создание служб, направленных на оказание социальной, медицинской помощи и ресоциализации лицам, освободившимся из учреждений уголовно-исполнительной системы, признанным больными наркоманией, способствовала бы в значительной степени уменьшению доли рецидива преступлений.

В связи с этим применение новых форм и механизмов профилактического воздействия в деятельности органов внутренних дел, уголовно-исполнительной инспекции, общественных объединений и организаций является важной составляющей единого процесса предупреждения и пресечения распространения наркомании в обществе, сокращения общеуголовной преступности корыстной и насильственной направленности, совершаемой лицами, признанными больными наркоманией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Будатаров С.М.* Правовое регулирование ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы: проблемы и пути решения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 8. С. 24–26.
2. *Познышев С.В.* Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М., 2007. С. 187–191.

FACTORS AFFECTING THE GROWTH OF RECIDIVISM AMONG DRUG ADDICTS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 21–25. DOI 10.17223/23088451/9/4

Ksenia V. Luttseva, Academy of Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: kseniya_lutceva@mail.ru

Keywords: factors and causes, criminality among drug addicts; addiction.

According to various estimates, from 3 to 8 million people in Russia are taking drugs. More than half of drug users sooner or later become subjects of criminal prosecution to find themselves in places of deprivation of liberty. The causes that affect the growth of drug addiction and crime rate among drug addicts are various and depend on many factors. Some causes directly inducing people to use drugs are:

1) circumstances related to the development and structure of the organism (certain hereditary diseases, sex, age and other characteristics of an individual);

2) psychological causes connected with the personality, interests, habits, and mental abilities;

3) social causes (family, friends, fellow students, colleagues, education, profession, culture of society, religion, place of residence and historical time, as well as trends in drug abuse in a given period of time. Along with the above-stated causes, there are social factors that can be considered as primary in affecting the rate of drug addiction, and secondary ones, determining further criminal behaviour. A group of recidivists, who have been in places of deprivation of liberty many a time, demonstrate criminal behavior caused by the following group of factors:

- firmly-established patterns of criminal behaviour connected with individual personality traits, persistent criminal activity, which causes repeated offence;
- everyday, labour and domestic disorder upon returning from places of deprivation of liberty leading to the use of narcotic substances in order to escape from reality and problems;
- drug dependence encouraging the use of substances and, as a consequence, leading to committing crimes to illegally obtain money for narcotic substances.

These causes and factors, depending on the level of the individual's criminal activity, more or less affect criminal behaviour. Their study, based on the analysis of criminal cases and opinion polls among convicts and those who are on preventive registration, is of paramount importance for the development of state policies aimed at crime prevention among the above-stated category of people, as far as it is labour disorder, lack of social ties, housing and decent living conditions as well as drug dependence that predetermine criminal activity and the growth of recidivism.

REFERENCES

1. Budatarov, S.M. (2008) Pravovoe regulirovanie resotsializatsii lits, osvobozhdennykh iz mest lisheniya svobody: problemy i puti resheniya [Legal regulation of the re-socialization of persons released from places of deprivation of liberty: problems and solutions]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 8. pp. 24–26.
2. Poznyshev, S.V. (2007) *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnye tipy. O psikhologicheskom issledovanii lichnosti kak sub"ekta povedeniya voobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal psychology. Criminal types. On psychological research of the person as the subject of behavior in general and on studying of the criminal personality in particular]. Moscow: Infra-M. pp. 187–191.

УДК 343.235.2 DOI 10.17223/23088451/9/5

В.А. Терентьева

ГУМАНИЗМ И ЭКОНОМИЯ МЕР УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ КАК ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Принципы реализации социальной функции освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних представляют собой руководящие начала, основываясь на которых должна развиваться ювенальная уголовная политика. Именно они определяют приоритет мер, не связанных с реальным отбыванием наказания в отношении данной категории лиц.

Ключевые слова: *освобождение от уголовного наказания, несовершеннолетние.*

Несовершеннолетние, совершившие преступления, могут быть подвергнуты уголовному наказанию, но в случаях, предусмотренных законом, могут быть освобождены от наказания. Под освобождением от наказания, по определению Т.Г. Черненко, с которым мы согласны, следует понимать «освобождение лица, признанного виновным в совершении преступления и осужденного по приговору суда, от назначения ему наказания или от его отбывания полностью или частично» [1, с. 18].

Ненадлежащая реакция государства на преступления несовершеннолетних (как излишне мягкая, так и излишне строгая) существенно подрывает основополагающие конституционные принципы, лишает защиты специфический субъект уголовно-правовых отношений, утрачивает свою социальную функцию. Социальная функция освобождения от уголовного наказания, как одной из форм взаимодействия государства с несовершеннолетним, должна строиться с учетом принципов гуманизма и экономии мер уголовной репрессии.

Не вызывает сомнения то, что именно законодательное закрепление института освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних свидетельствует о реализации принципа гуманизма. Полагаем, что реализация принципа гуманизма представляет собой, в самом упрощенном виде, выбор наиболее щадящего воздействия на виновного из круга представленных возможностей. Не вдаваясь в глубокий анализ существующих точек зрения на гуманизм вообще и на гуманность уголовной политики в частности, хотелось бы отметить, что достаточно часто именно гуманизм упоминается как социальная функция института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания. Подобная позиция отражает особый подход к несовершеннолетнему как к субъекту повышенной охраны, закрепляемый на законодательном уровне.

Принцип гуманизма отражается во влиянии норм на интересы лиц, к которым они будут применяться. Желание сократить неблагоприятные последствия для категории лиц, имеющих возможность исправиться и без реального отбывания уголовного наказания, а также число лиц, отбывающих лишение свободы, привело к переосмыслению роли уголовного закона в воздействии на несовершеннолетних. Это положение привело к декриминализации ряда деяний, совершаемых несовершеннолетними и не обладающих высокой степенью общественной опасности.

Полагаем, что декриминализация и перевод преступлений в разряд административных правонарушений – не единственный способ вести борьбу с преступлениями несовершеннолетних. Расширение системы освобождения от уголовных наказаний для несовершеннолетних положительно отзовется на динамике и уровне преступности, особенно в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой и средней степени тяжести. Криминологическая и правовая характеристика их социального облика, нравственно-психологический облик, большая восприимчивость к воспитательному воздействию разительно отличаются от аналогичных характеристик взрослых.

Существенные отличия в характере и степени общественной опасности деяний и лиц, их совершивших, позволяет освобождать данную категорию от реального отбывания наказаний. Законодательное расширение системы освобождения от уголовных наказаний позволит повысить эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Выведение большого количества несовершеннолетних, не представляющих большой общественной опасности, из-под юрисдикции системы исполнения наказаний позволит пенитенциарной системе сосредоточиться на исправлении более опасных лиц.

В юридической литературе нерешенным остается вопрос о соотношении при реализации освобождения от уголовного наказания принципа гуманизма (основывается на особенностях субъекта – несовершеннолетнего) и нецелесообразности дальнейшего применения наказания, в связи с возможностью достижения его целей без дальнейшего отбывания. Полагаем, что решение этого вопроса лежит в глубокой связи нецелесообразности дальнейшего применения наказания с негуманностью такого применения, если цели наказания уже полностью или частично достигнуты. Следовательно, нецелесообразность дальнейшего применения наказания выступает составной частью принципа гуманизма.

В Российской Федерации количество осужденных, отбывавших лишение свободы, на 100 тыс. населения в 2015 г. составляло 630 человек. Несовершеннолетних, отбывающих реальное лишение свободы, в 2014 г. было 121 человек на 100 тыс. (показатели с учетом данных сайта www.cdep.ru). В.И. Радченко утверждает, что этот показатель в России является наиболее высоким по сравнению с другими странами в этот же период, в качестве аргумента приводя данные, что в Испании таких осужденных всего 126 человек на 100 тыс. населения, чуть меньше во Франции (там число лишенных свободы составляет 100 человек на 100 тыс.), а в Италии и того меньше всего – 78 человек [2]. Эта же тенденция наблюдается и в отношении наказуемости несовершеннолетних (в плане назначения лишения свободы): в 2,5–3 раза ниже, чем у взрослых.

Такое количество лиц, отбывавших лишение свободы, приводит к распространению в обществе негативного влияния криминальной субкультуры, которая особое влияние оказывает на несовершеннолетних. Нельзя не отметить, что сами пенитенциарные учреждения представляют собой способ и одновременно среду для воспроизводства девиации и криминальной субкультуры.

Несовершеннолетние, попадающие в исправительные учреждения, отличаются негативным восприятием жизни и готовностью перенять преступный опыт. Они с легкостью попадают под негативное влияние более старших лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, такое влияние способно вовлечь юных правонарушителей в сферу профессиональной и организованной преступности. И.И. Осинский и М.К. Гайдай утверждают, что этот факт понимают и сами осужденные, которые утверждают, что в пенитенциарных учреждениях не достигается исправления. Такого мнения придерживаются почти 50 % респондентов [3, с. 270–271].

Деформация личности, частичная утрата социальных навыков и связей, вызванных изоляцией от общества, как правило, приводят к рецидиву. Среди взрослых осужденных уровень рецидива составляет почти 40 %. Примечательным является тот факт, что уровень рецидива среди взрослых осужденных к лишению свободы значительно выше – почти 52 % (показатели приведены по данным сайта www.cdep.ru) [4]. Среди несовершеннолетних удельный вес лиц, осужденных при наличии неснятой и непогашенной судимости, составляет 18,9 %. При этом ранее осуждавшиеся к лишению свободы составляют из этой массы 23 %, а ранее освобождавшиеся от наказания среди лиц, вновь совершивших преступления, – всего 12,3 % [4].

Предусматривая возможность большего применения освобождения от уголовного наказания для несовершеннолетних, законодатель и правоприменитель может сократить число лиц, допускающих рецидив (в данном случае подразумевается рецидив в криминологическом смысле) в среднем на 10–11 %.

Некоторыми учеными ставится под сомнение способность пенитенциарных учреждений достигнуть цели исправления в полном объеме: «Вывод о том, что цель исправления лиц, совершивших преступления, в современных пенитенциарных учреждениях не достигается, признается практическими работниками уголовно-исполнительной системы и специалистами девиантологии, социологии, криминологии, психологии и других смежных областей» [5, с. 341].

В целом, соглашаясь с мнением о низкой эффективности лишения свободы для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, следует отметить, что карательная политика в этом случае должна быть направлена не на полное исключение данного вида наказания, а на сокращение случаев реального осуждения к лишению свободы несовершеннолетних, чье исправление возможно достичь с помощью иных мер, не связанных с изоляцией от общества. К таким лицам, полагаем, рациональнее было бы применять освобождение от наказания. В первую очередь, это относится к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой и средней степени тяжести.

Наличию высоких показателей рецидивной преступности несовершеннолетних в определенной мере способствует неполное соответствие воспитательной и психологической работы с несовершеннолетними целям наказания. Именно цель исправления должна быть выведена на первый план при работе с несовершеннолетними, ресоциализация которых происходит после реального отбывания наказания. Именно реинтеграция несовершеннолетних преступников в общество, а вернее, ее скорость и эффективность может повлиять на карательные притязания населения. Адаптация к условиям жизни вне пенитенциарного учреждения требует множества социальных навыков и вызывает ряд проблем, одними из самых актуальных являются трудоустройство (так как трудоустройство несовершеннолетних вообще является проблематичным, к тому же работодатель при приеме на работу отдает предпочтение несудимым лицам), регистрация по месту жительства до осуждения и невозможность отстоять право на жилплощадь.

Такое положение во многом способствует разрастанию в доктрине уголовного права дискуссии по вопросу о необходимости экономии мер государственной репрессии, то есть о стремлении сократить количество случаев применения наиболее интенсивного карательного воздействия со стороны государства – применения уголовного наказания.

«Экономия уголовной репрессии» сама по себе уже является дискуссионным понятием, которое рассматривается учеными с различных точек зрения. В этом понятии выделяется уравнивающе-распределительный аспект (его сторонниками были, например, С.Н. Сабанин и А.Я. Тупица [6]) и уголовно-исполнительный аспект, получивший свое развитие в работах Н.А. Стручкова [7, с. 70].

Уравнивающе-распределительный аспект экономии мер государственной репрессии заключается в анализе всех возможных последствий применения того или иного уголовного наказания или иной меры воздействия при обязательной ориентации на выбор более мягкой меры уголовно-правового воздействия. Основаниями неприменения более мягких мер (в нашем случае назначении реального наказания вместо освобождения от него) может быть только невозможность достижения целей исправления и превенции. Такая позиция была воспринята законодателем, чему подтверждением является, например, ст. 60 УК РФ.

Уголовно-исполнительный аспект экономии заключается в распространении действия этого принципа на весь процесс исполнения наказаний, при этом применение более строгих мер к осужденному возможно только при недостижении целей наказания более мягкими мерами. Экономия мер государственной репрессии в уголовно-исполнительном аспекте подразумевает как смягчение самого наказания, так и вообще прекращение его исполнения [7, с. 57].

Обе эти позиции позволяют сконструировать систему освобождения от уголовного наказания таким образом, что к осужденным могут применяться как виды освобождения, вообще исключающие применение реального наказания, так и виды освобождения от дальнейшего его отбывания.

Вызывает вопрос соотношение «экономии мер уголовной репрессии» с принципами индивидуализации и справедливости при назначении уголовного наказания. Принцип справедливости, на наш взгляд, тесно связан с соразмерностью наказания и иных мер уголовно-правового воздействия тяжести совершенного деяния, характеру и степени его общественной опасности, а также характеру и степени опасности личности виновного. А вот принцип индивидуализации при освобождении от уголовного наказания может быть рассмотрен через его способность достигать целей наказания, без его реального исполнения. Думается, что включение этих, хотя и связанных с аспектами понимания «экономии уголовной репрессии», положений в принцип «экономии» приведет к его необоснованному расширению. Однако и принцип справедливости, и принцип индивидуализации являются ориентирами для возможного применения «экономии», поскольку именно они создают у суда при освобождении от уголовного наказания убежденность в обоснованности такого применения.

Подводя итог рассмотрению социальной обусловленности института освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних, необходимо отметить, что существование системы норм, составляющих указанный институт, обусловлено рядом социальных факторов:

- статистика состояния преступности несовершеннолетних по-прежнему свидетельствует о существенных различиях с преступностью взрослых, а также о высокой распространенности среди несовершеннолетних преступлений небольшой и средней степени тяжести (42,6 %), за которые можно освободить от наказания;
- система освобождения от уголовного наказания для несовершеннолетних соответствует интересам оступившихся несовершеннолетних, исправление которых возможно без уголовного наказания или без полного его исполнения;
- наличие института освобождения несовершеннолетних от отбывания наказания соответствует требованиям принципов гуманизма и экономии мер уголовной репрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черненко Т.Г., Терентьева В.А., Масалитина И.В.* Освобождение от уголовного наказания: учеб. пособие. Кемерово, Омск: СТИВЭС, 2011. 144 с.
2. *Радченко В.И.* Как исправить тюрьму // Рос. газ. 2009. № 4998. 1 с.
3. *Осинский И.И., Гайдай М.К.* Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ. Улан-Удэ, 2006. 543 с.
4. *Данные* судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 01.06.2017).
5. *Рогова Е.В.* Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 521 с.
6. *Сабанин С.Н., Тупица А.Я.* Понятие и виды освобождения от уголовной ответственности или наказания: текст лекций. Свердловск: СЮИ, 1987. 56 с.
7. *Стручков Н.А.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1970. 257 с.

HUMANISM AND ECONOMY OF CRIMINAL REPRESSION MEASURES AS PRINCIPLES OF IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL FUNCTION OF THE INSTITUTE FOR EXEMPTION OF MINORS FROM CRIMINAL PUNISHMENT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 26–29. DOI 10.17223/23088451/9/5
Valeria A. Terentyeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: terent@list.ru

Keywords: exemption from criminal punishment, minors.

The principle of justice is closely related to the proportionality of punishment and other measures of legal impact to the gravity of the committed act, nature and degree of its public danger, and nature and degree of danger of the responsible person. However, the principle of individualisation in exempting from criminal punishment can be considered through its ability to

achieve the goals of punishment without its real execution. Though these provisions are related to the "economy of criminal repression", their inclusion in the principle of economy may lead to its ungrounded expansion. However, both the principle of justice and the principle of individualisation are guidelines for the possible use of "economy", since it is they that convince the court that they are valid in a case of exemption from criminal punishment. Summing up the analysis of the social conditionality of the institution of exemption of minors from criminal punishment, it should be noted that the system of its norms is conditioned by a number of social factors:

- statistics on juvenile delinquency show significant differences with adult crime, as well as high prevalence of minor and moderate crimes among juveniles (42.6%), for which they can be released from punishment;
- the system of exemption of minors from criminal punishment corresponds to the interests of stumbled minors, whose rehabilitation is possible without criminal punishment or without its complete execution;
- the exemption of minors from serving their sentences meets the requirements of the principles of humanism and the economy of measures of criminal repression.

REFERENCES

1. Chernenko, T.G., Terentyeva, V.A. & Masalitina, I.V. (2011) *Osvobozhdenie ot ugolovnogo nakazaniya* [Exemption from Criminal Punishment]. Kemerovo, Omsk: STIVES.
2. Radchenko, V.I. (2009) Kak ispravit' tyur'mu [How to correct the prison]. *Rossiyskaya gazeta*. 4998.
3. Osinskiy, I.I. & Gayday, M.K. (2006) *Penitentsiarnaya deviantnost' v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva. Sotsiologicheskiy analiz* [Penitentiary deviance under transformation of Russian society. Sociological analysis]. Ulan-Ude: Buryat State Univeristy.
4. Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Dannye sudebnoy statistiki Sudebnogo Departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii* [Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. (Accessed: 1st June 2017).
5. Rogova, E.V. (2014) *Uchenie o differentsiatsii ugolovnoy otvetstvennosti* [The doctrine of differentiation of criminal responsibility]. Law Dr. Diss. Moscow.
6. Sabanin, S.N. & Tupitsa, A.Ya. (1987) *Ponyatie i vidy osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti ili nakazaniya* [The concept and types of exemption from criminal liability or punishment]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Institute of Law.
7. Struchkov, N.A. (1970) *Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'yu* [Soviet correctional labor policy and its role in combating crime]. Saratov: Saratov State University.

УДК 343.3 DOI 10.17223/23088451/9/6

М.Н. Урда

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ, УСТАНАВЛИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Рассматриваются проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное пересечение Государственной границы. На основе анализа доктринальных источников и судебной практики автором предложены меры по совершенствованию конструкции нормы в части включения в ее диспозицию альтернативных признаков, характеризующих незаконность пересечения Государственной границы РФ, а также сформулированы рекомендации по толкованию и применению ее признаков.

Ключевые слова: *недействительные документы, незаконное пересечение Государственной границы, незаконная миграция.*

На фоне актуализации проблемы противодействия незаконной миграции, которая Стратегией национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. определяется как угроза национальной безопасности, одно из ключевых значений имеет повышение эффективности уголовно-правовых норм, призванных обеспечить борьбу с этими негативным, но вполне закономерным проявлением интегрирующегося общества.

Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. незаконная миграция определяется как перемещение в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации и (или) осуществления ими трудовой деятельности.

Следовательно, составляющей механизма уголовно-правового противодействия незаконной миграции является норма, устанавливающая ответственность за незаконное пересечение Государственной границы РФ.

По данным Федеральной миграционной службы[1] ежегодно в России выявляется примерно от 400 до 500 фактов незаконного пересечения Государственной границы РФ. Количество возбужденных дел по ст. 322 УК РФ варьируется в пределах от 150 до 250. К уголовной ответственности привлекаются примерно 100 – 200 человек. На фоне широкого распространения незаконного пересечения Государственной границы РФ эти цифры являются тревожным симптомом неблагополучия в деле уголовно-правового обеспечения охраны Государственной границы РФ, в том числе и при незаконном проникновении на ее территорию иностранных граждан и лиц без гражданства.

Сразу оговоримся, что 322 УК РФ уголовно-наказуемым признает незаконное перемещение физических лиц через Государственную границу РФ в различных направлениях вне зависимости от их гражданской принадлежности, не выделяя в качестве специальной цели такого перемещения цель миграции. Тем самым обеспечивается не только борьба собственно с незаконной миграцией, но и с иными правонарушениям, например: с незаконным промыслом (браконьерством) или с незаконной охотой в приграничных районах, перемещением помимо таможенного и пограничного контроля физическими лицами товаров народного потребления и др.

В то же время в подавляющем большинстве случаев (около 80 %) к уголовной ответственности за незаконное пересечение границы РФ привлекаются иностранные граждане и лица без гражданства, которые стремятся проникнуть на территорию российского государства в поисках «лучшей доли».

Незаконным пересечение Государственной границы РФ признается в случаях его осуществления без действительных документов на право въезда или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в установленном законом порядке.

В соответствие со ст.ст. 9–11 Закона Российской Федерации от 01 апреля 1993г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016 г.) ее пересечение на законных основаниях происходит в специальных пунктах пропуска, где осуществляется пограничный, таможенный, санитарный и иные виды контроля, включающие проверку документов на право въезда или выезда.

Такими документами в силу положений ст. 7 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в ред. от 06 июля 2016 г.) для граждан РФ признаются документы, удостоверяющие личность: паспорт, дипломатический паспорт, служебный паспорт.

В силу положений ст. 6 названного Закона въезд и выезд иностранных граждан и лиц без гражданства также сопровождается предъявлением действи-

[1] Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 156 упразднена Федеральная миграционная служба, ее функции переданы Главному управлению по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации (См.: Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции») [1].

тельных документов, удостоверяющих личность и признаваемых Российской Федерацией в качестве таковых (обычно это любой из паспортов: заграничный, дипломатический или служебный. – *прим. автора*). Кроме того, в некоторых случаях требуется специальное разрешение – виза. Отдельными нормативными правовыми актами, а также международными соглашениями может быть установлен безвизовый порядок посещения страны.

В упрощенном порядке, без оформления виз въезд на территорию России на основании международных соглашений могут осуществлять граждане целого ряда иностранных государств при условии ограниченного по продолжительности времени пребывания на территории российского государства. Въезд на территорию государства в таких случаях осуществляется по действительным документам, удостоверяющим личность[2]. В случае более длительного нахождения им необходимо оформлять соответствующую визу[3].

Следует отметить, что проблема установления действительности документов стоит достаточно остро.

Отсутствие законодательного определения признаков недействительности документов, безусловно, затрудняет применение рассматриваемой нормы.

Более или менее полно понятие «недействительные документы» сформулировано в Приказе Управления Росрегистрации по Москве от 14.12.2007 г. № 255 «Об утверждении Порядка работы с документами, вызывающими сомнения в их подлинности, и направления в правоохранительные органы заявлений о совершенном преступлении»[4]. Под таковыми понимаются:

- полностью изготовленные фиктивные документы или подлинные документы, в которые внесены изменения путем подчисток, дописок, исправления или уничтожения части текста, внесения в него дополнительных данных, проставления оттиска поддельного штампа или печати и т.п.;

- фактически являющиеся подлинными, но содержащие сведения, не соответствующие действительности. Они сохраняют внешние признаки и реквизиты надлежащих документов (изготовляются на официальном бланке, содержат наименования должностей и фамилии лиц, уполномоченных их подписывать), однако внесенные в них сведения (текст, цифровые данные) являются сфальсифицированными;

- выданные с нарушением установленного порядка, т.е. в результате злоупотребления должностным лицом служебным положением или совершения им халатных действий при выдаче этого документа.

Таковым, на наш взгляд, должен быть и подход и в определении признаков недействительности документов при применении ст. 322 УК РФ.

Таким образом, полагаем, что недействительными следует считать как документы, имеющие следы подделки (исправления, подчистки, вклеивание фотографии и др.), так и подложные документы, содержащие несоответствующие действительности сведения. К ним следует отнести также и документы, оформленные на основании измененных анкетных данных.

Судебной практикой незаконным признается также пересечение Государственной границы РФ посредством использования подлинного чужого документа.

Так, «Софронова… при проведении пограничного контроля предъявила сотруднику Пограничной службы ФСБ России не принадлежащий ей документ – паспорт гражданина Российской Федерации серии №, выданный ДД.ММ.ГГГГ на имя ФИО2, ДД.ММ.ГГГГ года рождения, не дающий Софроновой права на пересечение Государственной границы Российской Федерации установленным законодательством Российской Федерации порядком». Признавая ее виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ, суд в приговоре указал, что она «…пересекла Государственную границу Российской Федерации… не имея при себе действительных документов на право выезда из Российской Федерации…»[5]

Строго говоря, используемый паспорт, принадлежащий другому лицу, не является недействительным.

Однако в данном случае он не выполняет своего главного предназначения: не позволяет идентифицировать личность человека, его использующего при пересечении границы. Коль скоро такой документ, в принципе, не удостоверяет личность псевдовладельца, следовательно, он не является тем документом, который дает право въезда на территорию России или выезда из нее, что, в свою очередь, соответствует общему смыслу нормы, заключающемуся в совершении обманных действий с целью пересечения границы и соответственно незаконному проникновению на территорию государства.

---

[2] Так, например, Постановлением Правительства РФ от 31.05.2005 г. № 341 «О взаимных поездках граждан Российской Федерации и граждан Республики Казахстан» установлено, что граждане Республики Казахстан независимо от места проживания имеют право въезжать, выезжать, следовать транзитом, передвигаться и пребывать на территории Российской Федерации без виз по одному из действительных документов, а именно: паспорт гражданина Республики Казахстан, служебный паспорт, дипломатический паспорт, паспорт моряка (при наличии судовой роли или выписки из нее), свидетельство на возвращение в Республику Казахстан, удостоверение личности гражданина Республики Казахстан, свидетельство о рождении (для граждан Республики Казахстан, не достигших 16 лет) [2].

[3] См., например: Соглашение между Правительством Республики Белоруссия, Правительством Республики Казахстан, Правительством Киргизской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимных безвизовых поездках граждан (Минск, 30 ноября 2000 г.) // СЗ РФ. 2003. № 37. Ст. 3566.

[4] Документ опубликован не был.

[5] Приговор Петуховского районного суда Курганской области № 1-127/2016 от 1 ноября 2016 г. по делу № 1-127/2016 [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/ [4].

В то же время более предпочтительным является подход казахского законодателя, который в качестве альтернативного признака незаконного пересечения Государственной границы Республики Казахстан (ст. 322 УК Казахстана[6]) предусмотрел «с обманным использованием действительных документов третьих лиц».

Такое законодательное решение, на наш взгляд, в принципе, исключает какие бы то ни было инсинуации по поводу оценки действий лица, использующего такие документы при пересечении Государственной границы.

В связи с этим вполне оправданным представляется включение указанного признака в диспозицию нормы, предусмотренной ст. 322 УК РФ.

Спорным является вопрос о пересечении границы по просроченным документам, удостоверяющим личность.

Некоторые исследователи, опираясь на положения п. 6 Постановления Правительства РФ от 14 марта 1997 г. № 298 (в ред. от 07.07.2016г.) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации», в котором определено, что недействительным следует считать паспорт, в который внесены сведения, отметки или записи, не предусмотренные указанным Положением, приходят к вывод о том, что случаи пересечения Государственной границы по просроченным документам не образуют состава уголовно-наказуемого деяния [6, с. 7–9; 2. С. 150].

Между тем указанный нормативный акт содержит сроки, по достижению которых паспорт подлежит замене, формально определяя, таким образом, период его легитимности.

Данное обстоятельство не дает оснований расценивать использование паспорта, срок действия которого истек, по его прямому назначению – в качестве документа, удостоверяющего личность.

Не случайно ст. 19.15 КоАП РФ установлена административная ответственность за проживание гражданина Российской Федерации без документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), либо по недействительному документу, удостоверяющему личность гражданина (паспорту).

Рассматривая вопросы практики применения указанной нормы Президиум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 1 марта 2006 г. «Ответы на вопросы 4 квартала 2005 года», указал, что «…содержание пункта 6 Положения о паспорте не позволяет сделать вывод о том, что паспорт является недействительным только в случае, предусмотренном этим пунктом.

Недействительный документ – это документ, не имеющий силы или значения вследствие неправильности, истечения срока действия и т.п.» [7] – это общее положение, которое относится ко всем официальным документам, в том числе и удостоверяющим личность.

Нет оснований полагать, что в отношении пересечения Государственной границы РФ лицами вне зависимости от их гражданской принадлежности посредством использования просроченного документа, удостоверяющего личность, должен быть какой-то иной подход.

Другим признаком незаконного пересечения Государственной границы РФ признается ее пересечение без надлежащего разрешения. Т.Д. Устинова под таким разрешением понимает визу [8, с. 16]. М.Н. Ахмедов, опираясь на положения ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», таковыми называет случаи, когда въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства не разрешен. Например, когда данные лица сообщили заведомо ложные сведения о себе или о цели своего пребывания в Российской Федерации [9, с. 93].

Последнее суждение, на наш взгляд, нуждается в уточнении.

Пересечение Государственной границы Российской Федерации иностранным гражданином или лицом без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен, рассматривается законодателем в качестве самостоятельного состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ. Статья 27 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» определяет основания, по которым въезд указанных лиц не разрешен.

Например, в течение пяти лет запрещен въезд иностранного гражданина или лица без гражданства, в отношении которых вынесено решение об административном выдворении за пределы РФ, о депортации либо передаче РФ иностранному государству в соответствии с международным договором РФ о реадмиссии», а также в случае, если указанные лица неоднократно (два и более раза) в течение одного года привлекались к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с посягательством на общественный порядок и общественную безопасность либо с нарушением режима пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации или порядка осуществления ими трудовой деятельности на территории Российской Федерации и др.

Таким образом, надлежащим разрешением в смысле ч. 1 ст. 322 УК РФ является виза[8].

---

[6] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.) [Электронный ресурс] URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252/ [5].

[7] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2005 г. (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 марта 2006 г.) [Электронный ресурс]. URL:. URL:http://sudact.ru/ [7].

[8] Категории виз, порядок их оформления и предоставления определен постановлением Правительства РФ от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении положения об установлении формы

Обращает на себя внимание то, что диспозиции норм не содержат в качестве признака рассматриваемого деяния совершение его вне пунктов пропуска.

Некоторые авторы полагают, что незаконным будет признаваться также пересечение Государственной границы РФ вне установленных пунктов пропуска [9, с. 93]. Другие, напротив, считают, что в тех случаях, когда пересечение границы осуществляется вне пунктов пропуска, но при наличии действительных документов, лицо подлежит не уголовной, а административной ответственности по ст. 18.1 КоАП РФ «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации»» [11, с. 234–235].

Справедливости ради следует отметить, что судебная практика складывается именно по такому пути: определяет в качестве административного правонарушения пересечение Государственной границы вне установленного места пропуска[9], за исключением тех случаев, когда данное правонарушение совершается лицами, которым въезд на территории РФ запрещен. Их действия квалифицируются по ч. 2 ст. 322 УК РФ.

Мы полагаем, что в условиях наращивания интеграционного взаимодействия и прозрачности границ, опосредованных введением безвизового режима с отдельными государствами, въезд на территорию российского государства существенно упрощается для граждан этих государств. Отсутствие необходимости оформления визы практически единственной формой миграционного контроля на этапе въезда на территорию РФ делает пересечение Государственной границы РФ в пункте пропуска.

В этой связи не лишним обратить внимание на аналогичную норму казахского уголовного законодательства, содержащую указанный признак[10].

При таких обстоятельствах привлечение к административной ответственности таких лиц за пересечение Государственной границы РФ вне пунктов пропуска, но при наличии действительных документов, в механизме противодействия незаконной миграции представляется явно недостаточным. В связи с этим полагаем целесообразным рассматриваемый признак предусмотреть в качестве альтернативного признака незаконного пересечения Государственной границы РФ, дополнив диспозицию ч. 1 ст. 322 УК РФ формулировкой «…либо вне установленного места пропуска через Государственную границу Российской Федерации».

До конца не решенным в судебной практике является вопрос о наличии (отсутствии) в действиях лица идеальной совокупности с ч. 3 ст. 327 УК РФ, устанавливающей ответственность за использование подложного документа, при незаконном пересечении им Государственной границы РФ.

Несмотря на разрешение этого вопроса в доктрине уголовного права [14, с. 291; 7. С. 224–260, достаточно распространенными являются случаи вменения помимо ст. 322 УК РФ ч. 3 ст. 327 УК РФ[11].

В этой связи отметим, что устоявшейся в науке точкой зрения является суждение о том, что собственно подлог документа образует реальную совокупность с преступлением, для которого он совершался. Использование же подложного документа не образует самостоятельного преступления, поскольку выступает составной частью единого сложного преступления, следовательно, идеальная совокупность в действиях лица, использующего подложный документ в целях совершения другого преступления, отсутствует.

Тот же подход обнаруживает Пленум Верховного Суда РФ при разъяснении вопросов применения ст. 159 УК РФ [12].

Нет оснований полагать, что применительно к незаконному пересечению Государственной границы РФ вопрос этот должен решаться по-иному.

Таким образом, анализ практики применения ст. 322 УК РФ свидетельствует о возникающих значительных трудностях, связанных с квалификацией данного преступления, которые могут быть устранены посредством формулирования разъяснений по применению указанной нормы Пленумом Верховного Суда РФ, которые можно свести к следующему.

1. Ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, подлежат лица вне зависимости от их гражданской национальности, незаконно пересекающие Государственную границу РФ в различных направлениях, в том числе иностранные граждане и лица без гражданства, незаконно въезжающие на территорию РФ в целях миграции.

2. Под незаконным пересечением Государственной границы РФ для целей применения ч. 1 ст. 322 УК РФ следует понимать ее пересечение в установленном месте пропуска по недействительным документам либо без надлежащего разрешения – соответствующей визы, полученной в порядке, установленном действующим законодательством РФ. Незаконным также является пересечение Государственной границы РФ с использованием чужого паспорта.

визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» [10].

[9] См., например: Постановление Печорского районного суда Псковской области № 5-73/2015 от 19 июля 2015 г. по делу № 5-73/2015//Интернет-ресурс: Судебные и нормативные и акты РФ [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/ [12]

[10] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.) [Электронный ресурс] URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 [13]

[11] См., например: Приговор Суземского районного суда Брянской области от 29 мая 2012 г. по делу 1-48-2012 г. [Электронный ресурс]. URL::http://sudact.ru/; Приговор Красноярского районного суда Астраханской области от 8 декабря 2016 г. по делу № 1-289/2016 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные и акты РФ [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/ [15].

[12] См. пп 6,7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 г. Москва «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС Консультант Плюс [16].

3. Под незаконным пересечением Государственной границы РФ для целей применения ч. 2 ст. 322 УК РФ следует понимать ее пересечение при въезде в Российскую Федерацию иностранным гражданином или лицом без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 15.08.1996 N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», как в установленном месте пропуска, так и вне его, с использованием недействительных документов либо без таковых.

4. Недействительными следует считать как документы, имеющие следы подделки (исправления, подчистки, вклеивание фотографии и др.), так и подложные документы, содержащие не соответствующие действительности сведения, в том числе оформленные на основании измененных анкетных данных. Недействительными являются также документы с истекшим сроком действия.

5. Если лицо осуществляет подделку документа, предоставляющего право въезда или выезда, а впоследствии использует его при пересечении Государственной границы, его действия следует квалифицировать по соответствующей части ст. 322 и ч. 1 ст. 327 УК РФ.

6. Незаконное пересечение Государственной границы РФ, совершенное с использованием изготовленного другим лицом поддельного документа, предоставляющего право въезда или выезда, полностью охватывается соответствующей частью ст. 322 УК РФ и дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ не требует.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Указ* Президента РФ от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
2. *Постановление* Правительства РФ от 31.05.2005г. № 341 «О взаимных поездках граждан Российской Федерации и граждан Республики Казахстан» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
3. *Соглашение* между Правительством Республики Белоруссия, Правительством Республики Казахстан, Правительством Киргизской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимных безвизовых поездках граждан (Минск, 30 ноября 2000 г.) // СЗ РФ.2003. № 37. Ст. 3566 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
4. *Приговор* Петуховского районного суда Курганской области № 1-127/2016 от 1 ноября 2016 г. по делу № 1-127/2016 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 27.05.2017).
5. *Уголовный* кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 27.05.2017).
6. *Пичугин Д.Г.* Правовые и процессуальные проблемы производства дознания по уголовным делам о незаконном пересечении Государственной границы // Рос. следователь. 2008. № 11. С. 7–9.
7. *Обзор* законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2005 г. (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 марта 2006 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 27.05.2017).
8. *Устинова Т.Д.* Незаконное пересечение государственной границы РФ // Законность. 2006. № 4. С. 15–18.
9. *Ахмедов М.Н.* Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 294 с.
10. *Постановление* Правительства РФ от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
11. *Шервани Э.Н.К.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2. С. 230–237.
12. *Постановление* Печорского районного суда Псковской области № 5-73/2015 от 19 июля 2015 г. по делу № 5-73/2015 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
13. *Уголовный* кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
14. *Кузнецова Н.В.* Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М.: Издательский дом «Городец», 2007. 336 с.

15. *Приговор* Суземского районного суда Брянской области от 29 мая 2012 г. по делу 1-48-2012 г. [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru; *Приговор* Красноярского районного суда Астраханской области от 8 декабря 2016 г. по делу № 1-289/2016 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные и акты РФ [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).
16. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 г. Москва «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 28.05.2017).

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE NORM SETTING LIABILITY FOR ILLEGAL CROSSING OF THE STATE BORDER

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 30–36. DOI 10.17223/23088451/9/6
Margarita N. Urda, South-Western State University (Kursk, Russia). E-mail: urda.ru@rambler.ru

Keywords: invalid documents, illegal crossing of state border, illegal migration.

The definition of the crime under Article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation “Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation” is considered a legal means of countering illegal migration, designed to ensure the struggle with illegal entry of foreign citizens and stateless persons into the territory of the Russian Federation. Based on the analysis of doctrinal sources and precedents, the author proposes measures to improve the construction of the norm by including alternative signs of illegality of the crossing the state border of the Russian Federation in the disposition of the norm. The author also formulates the following recommendations on the application of the rule:

1. responsibility for the commission of the crime under Article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation shall be imposed on persons regardless of their civilian nationality who illegally cross the state border of the Russian Federation in various directions, including foreign citizens and stateless persons who illegally enter the territory of the Russian Federation for the purposes of migration;

2. to apply Part 1 of Article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation, illegal crossing of the state border of the Russian Federation should be understood as its crossing in the designated place of pass with invalid documents or without proper authorisation – the corresponding visa received in accordance with the procedure established by the current legislation of the Russian Federation. Crossing the state border of the Russian Federation with another person's passport is also considered illegal.

3. to apply Part 2 of Article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation, illegal crossing of the state border of the Russian Federation should be understood as its crossing at the entrance to the Russian Federation by a foreign citizen or stateless person whose entry into the Russian Federation is not permitted on the grounds provided by Federal Law No. 114-FZ of August 15, 1996, “On the procedure for exit from the Russian Federation and entry into the Russian Federation” both at the designated point of entry and not at it, with or without invalid documents, and which fact should be known to the perpetrator.

4. Documents with traces of forgery (corrections, erasures, pasting of photographs, etc.) as well as forged documents containing information that is not correlated with reality including those made on the basis of altered personal data should be considered void. Documents with expired validity are also invalid.

5. If a person forges a document granting the right to enter or exit, and subsequently uses it when crossing the state border, their actions should be qualified according to the relevant part of Article 322 and Part 1 of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation.

6. Illegal crossing of the state border of the Russian Federation committed with the use of a counterfeit document made by another person and granting the right to enter or exit, is fully covered by the corresponding part of Article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation and does not additional qualification under Part 3 of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Pichugin, D.G. (2008) Pravovye i protsessual'nye problemy proizvodstva doznaniya po ugolovnym delam o nezakonnom peresechenii Gosudarstvennoy granitsy [Legal and procedural problems of the investigation of criminal cases on illegal crossing of the state border]. *Rossiysky sledovatel' – Russian Investigator*. 11. pp. 7–9.
2. Simakov, A.A. & Tashbekova I.Yu. (2012) Legal responsibility for illegal crossing the state border: qualifications. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Istoriya i pravo – Proceedings of the South-West State University. History and Law*. 1(2). pp. 149–154. (In Russian).
3. Ustinova, T.D. (2006) Nezakonnoe peresechenie gosudarstvennoy granitsy RF [Illegal crossing of the state border of the Russian Federation]. *Zakonnost'*. 4. pp. 15–18
4. Akhmedov, M.N. (2015) *Protivodeystvie nelegal'noy migratsii: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty* [Counteraction to illegal migration: Legal and criminological aspects]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Shervani, E.N.K. (2013) Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym peresecheniem Gosudarstvennoy granitsy Rossiyskoy Federatsii [Criminal and legal characteristic of crimes connected with illegal crossing of the state border of the Russian Federation]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and Legal Sciences*. 2. pp. 230–237
6. Kuznetsova, N.V. (2007) *Problemy kvalifikatsii prestupleniy* [Problems of the qualification of crimes]. Moscow: Gorodets.
7. Bukalerova, L.A. (2006) *Ugolovno-pravovaya okhrana ofitsial'nogo informatsionnogo oborota* [Legal protection of the official information turnover]. Moscow: Yurlitinform
8. Kurgan Region. (2016) *Decision No. 1-127 / 2016 of the Petukhov District Court of Kurgan Region of November 1, 2016, Case No. 1-127*. [Online] Available from: http://sudact.ru/. (Accessed: 28th May 2017). (In Russian).

9. The Republic of Kazakhstan. (2016) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 09.04.2016 g.)* [The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of July 3, 2014, No. 226-V (with amendments and additions as of April 9, 2016)]. [Online] Available from: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. (Accessed: 28th May 2017).
10. Supreme Court of the Russian Federation. (2005) *Legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2005 (approved by resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of March 1, 2006)*. [Online] Available from: http://sudact.ru/. (Accessed: 29th May 2017). (In Russian).
11. Pskov Region. (2015) *Decision No. 5-73 / 2015 of the Pechora District Court of Pskov Region of July 19, 2015, on Case No. 5-73 / 2015*. [Online] Available from: http://sudact.ru/. (Accessed: 29th May 2017). (In Russian).
12. Bryansk Region. (2012) *Decision of the Suzemsky District Court of Bryansk Region of May 29, 2012, on Case 1-48-2012*. [Online] Available from: http://sudact.ru/. (Accessed: 29th May 2017). (In Russian).
13. Supreme Court of the Russian Federation. (2007) *Resolution N 51 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2007, Moscow, "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement"*. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus.

УДК 343.56 DOI 10.17223/23088451/9/7

В.В. Усынин

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «НЕЗАКОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР В РОССИИ»

Рассмотрены общественно-опасные последствия при совершении преступления – незаконные проведение и организация азартных игр. Автор приходит к выводу о необходимости установления дополнительной ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр, где основным объектом будет являться здоровье и нравственность граждан. В связи с этим предлагается внести изменения в уголовное законодательство, закрепив ответственность, в частности, за преступление, повлекшее патологическое расстройство здоровья.

Ключевые слова: *азартные игры, незаконные организация и проведение азартных игр, противодействие преступной деятельности.*

Учитывая негативные последствия от проведения азартных игр на территории России, законодателем был принят Федеральный закон № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» [1], который ввел строгие требования к организации и проведению азартных игр. Однако граждане продолжили осуществление азартных игр вне установленных законом игорных зон, что повлекло за собой появление неограниченного количества неподконтрольных игорных заведений. В связи с этим была введена уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр, которая была закреплена ст. 171.2 УК РФ.

При рассмотрении ст. 171.2 УК РФ в научно-исследовательских работах авторы исследуют вопрос, связанный с объектом данного состава преступления. По нашему мнению, данный вопрос является весьма актуальным, однако он до настоящего времени не раскрыт в полном объеме, не учтены все факторы, влияющие на преступность.

Законодателем ст. 171.2 УК РФ заложена в главу 22 УК РФ «преступления в сфере экономической деятельности», что, по нашему мнению, исключает рассмотрение основного объекта преступления как здоровье, а также права и законные интересы граждан, общественная нравственность, что, в свою очередь, закреплено Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ [1]. Данное мнение основано на тех обстоятельствах, что до введения в действие запрета по организации и проведению азартных игр игорная деятельность осуществлялась в свободной форме, азартные игры могли проходить в различных общедоступных заведениях, в частности в ресторанах, закусочных, рынках или клубах. Данные обстоятельства порождали рост преступности в местах проведения азартных игр. Кроме того, контроль над игорными заведениями, в частности игорным оборудованием, не производился, не все игорные заведения были зарегистрированы надлежащим образом. В заведениях организаторы использовали игорное оборудование, которое умышленно приводило к гарантированному убытку всем игрокам. В связи с данными обстоятельствами и необходимо было ввести контроль над проведением азартных игр. Для этих целей было решено создать отдельные игорные зоны, которые были бы подконтрольны государственным органам. Таким образом, объектом рассматриваемого вида преступления признаются общественные отношения, складывающиеся по поводу организации и проведения азартных игр.

Именно наличие ст. 171.2 УК РФ в главе «Преступления в сфере экономической деятельности» повлекло за собой многочисленную критику. Так, авторы юридических исследований Г.Ф. Лукьяница [2] и Р.А. Севостьянов [3] указывали на необходимость рассмотрения ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр как преступление, совершенное в сфере «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

По нашему мнению, данная критика является обоснованной. Так, согласно Федеральному закону от 29.12.2006 № 244-ФЗ [1], с 1 июля 2009 г. на территории России была запрещена деятельность по организации и проведению азартных игр вне законодательно установленных игорных зон в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан. Данные обстоятельства указывают на то, что действия лиц, осуществляющих незаконные организацию и проведение азартных игр, негативно влияют на общество, что также находит свое подтверждение как в истории отечественного права, так и в различных исследовательских работах.

Многочисленными исследованиями доказано, что азартные игры представляют собой опасность для всего общества, поскольку привычка к азартным играм формирует у человека психологическую зависимость — лудоманию, которая порождает как социальную, так и медицинскую проблему [4, с. 3]. Н.И. Бумаженко [5] также указывает, что азартные игры являются патологией, и люди, страдающие от этого увлечения, в большей мере являются «психо-

зависимыми». Также автор выделяет, что азартные игры относятся к группе, объединенной занятием, которая не одобряется обществом. Психолог И.Г. Малкина-Пых указывает, что «у мужчин расстройство начинается в подростковом возрасте, у женщин – во второй половине жизни, при этом у новичка оно может возникнуть после первой игры при крупном выигрыше. Затем периодические выигрыши и проигрыши играют роль прерывистого подкрепления – самого мощного режима подкрепления при оперантном обусловливании» [6]. Данный автор также указывает на негативный характер азартных игр, при которых азартное поведение принимает хронический и прогрессирующий характер. Кроме того, согласно Международной классификации болезней (10-й пересмотр) [7], при классификации психических и поведенческих расстройств выделяется раздел F 63.0 – патологическая склонность к азартным играм, согласно которому суть расстройства заключается в частых повторных эпизодах азартной игры, которые доминируют в жизни пациента в ущерб социальным, профессиональным, материальным и семейным ценностям и обязательствам.

В таком случае определяется необходимость внесения изменений в законодательные акты. В научных работах уже имеется ряд предложений в данной области. Так, О.А. Иванова указывает на необходимость отнесения азартных игр к угрозам общественной нравственности [8, с. 299]. Также имеется законопроект Генеральной прокуратуры РФ о включении статьи по проведению азартных игр в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», которым предлагалось дополнить УК РФ ст. 241.1 «Незаконные организация игорного заведения или проведение азартных игр», где под незаконной организацией игорного заведения будет считаться организация либо содержание игорного заведения, организация проведения азартных игр, совершенные в нарушение установленного порядка осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр, а равно систематическое предоставление помещений для незаконного проведения азартных игр. Полагаем, что при внесении данных изменений возникнет вопрос о квалификации деяний по ст. 171.2 и 241.1 УК РФ, что, в свою очередь, создаст необходимость и изменения ст. 171.2 УК РФ.

Полагаем, что данные изменения не сделают эффективнее борьбу с незаконными азартными играми, а также не окажут и в полной мере защиту прав нравственности. С учетом указанных выше предложений авторов, с учетом положения Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ [1], который прямо указывает на то, что запрещена деятельность по организации и проведению азартных игр вне законодательно установленных игорных зон в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан, возникает вопрос по обоснованности создания каких-либо игорных зон, поскольку сам факт наличия игорных зон, в том числе и создание игорной зоны на территории Республики Крым, не указывает на защиту нравственности со стороны государства.

По нашему мнению, законодательные изменения должны вноситься с учетом существующего законодательного закрепления положения об азартных играх, которое предусматривает возможность создания и ликвидации игорных зон. Так, Федеральным законом от 22.07.2014 № 278-ФЗ [9] в Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения, согласно которым на территории Республики Крым разрешено создание игорной зоны. При этом в соответствии с Федеральным законом от 01.05.2016 № 121-ФЗ [10] игорная зона, созданная на территории Краснодарского края до 23 июля 2014 г., подлежит ликвидации до 1 января 2019 г. Деятельность по организации и проведению азартных игр в указанной игорной зоне может осуществляться организаторами азартных игр на основании разрешений на осуществление такой деятельности, выданных до 23 июля 2014 г.

В связи с данными обстоятельствами в целях защиты общества от негативного влияния азартных игр на психику человека, его материального и семейного положения, необходимо установить жесткие требования к лицам (игрокам), посещающим легальные заведения, расположенные на территории игорных зон. В настоящее время различные игорные заведения устанавливают минимальный возраст посещения казино. Так, согласно информации казино «ORACUL», расположенному в игорной зоне Азов-Сити Краснодарского края, установлен возраст 18 лет. Стоит отметить, что указанные требования строго основаны на Федеральном законе от 29.12.2006 № 244-ФЗ [1], который в ч. 2 ст. 7 указывает, что посетителями игорного заведения не могут являться лица, не достигшие возраста 18 лет.

В Соединенных Штатах Америки регулирование азартных игр возложено на штат, что указано в п. 1 ч. «а» параграфа 3001 «Congressional findings and policy» Свода законов Соединенных Штатов Америки [11]. В большинстве штатов возраст, с наступлением которого разрешается посещение азартных игр, установлен в 21 год. Законом Республики Казахстан от 12 января 2007 г. № 219-III «Об игорном бизнесе» установлен запрет на участие в азартных играх граждан Республики Казахстан в возрасте до 21 года [12]. Кроме того, в таких странах, как Латвия, Литва и Бельгия, также установлен возрастной ценз в 21 год. В большинстве случаев данный возраст объясняется тем, что совершеннолетним считается лицо, достигшее 21 года, либо связано с тем, что употребление спиртных напитков разрешено с 21 года. Учитывая, что азартные игры – особая категория игр, которая может вызвать привычку, следо-

вало бы установить возрастной ценз в 21 год. Также полагаем необходимым установить входной ценз, где вход будет осуществляться при внесении денежных средств на депозит игорного заведения в сумме 15 000 руб., которые при выходе из игорного заведения будут возращены игроку обратно. Данное нововведение исключит полный проигрыш всех денежных средств, на оставшиеся денежные средства игрок сможет покинуть заведение и уехать домой, обезопасив себя от негативных последствий.

Поскольку азартные игры в большом количестве проводятся вне игорных зон, куда допускаются лица разного возраста, материального положения и психологического состояния, то в данном случае игрок является более уязвимым и способен не только потратить все свои сбережения, но и получить патологическую зависимость. Учитывая основные положения уголовного закона, направленного на защиту прав и свобод человека и гражданина, полагаем необходимым изменить норму уголовного закона, установив дополнительную ответственность за совершение преступления, повлекшего за собой общественно-опасные последствия в виде образования патологического расстройства, связанного с психическим расстройством.

Еще в Соборном уложении 1649 г. в главе X «О суде» [13] законодатель внес кардинальные изменения в законодательство «Московского государьства», определив одной из целей деятельности судов защиту прав потерпевшего, которого указывал как челобитчика. Также в ч. 1 главы X «О суде» Соборного уложения 1649 г. указывается принцип неотвратимости и равенства всех перед законом «делати всякие государевы дела, не стыдяся лица сильных, и избавляти обидящаго от руки неправеднаго», тем самым законодатель указывал на существенное значение пострадавшего от какого-либо деяния. В ст. 48 гл. 2 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [14] законодатель указывает лиц, потерпевших от преступного действия, тем самым закрепляя статус пострадавших от преступных посягательств.

Учитывая необходимость введения ст. 171.2 УК РФ, связанную с контролем деятельности азартных игр, а также учитывая те обстоятельства, что азартные игры негативно влияют на человека, полагаем необходимым внести изменения в УК РФ таким образом, что основная статья по незаконным азартным играм должна остаться в разд. 22 УК РФ, а специальная норма, которая будет содержать основной объект – здоровье граждан, нравственность общества, – будет содержаться в гл. 25 «преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Указанная дополнительная статья должна установить следующее общественно опасное деяние: незаконные организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, повлекших за собой общественно опасные последствия в виде образования патологического расстройства, связанного с психическим расстройством.

Еще одним важным аспектом в данной сфере будет являться деятельность организаторов либо лиц, осуществляющих проведение азартных игр по склонению граждан к участию в азартных играх. Данные выводы основаны на изученных материалах уголовного дела Республики Хакасия. Так, лица, которые играют в азартные игры, привлекаются третьими лицами с целью увеличения количества игроков и как результат получения большей прибыли.

В связи с этим следует установить ответственность за склонение игроков к азартным играм в заведениях, расположенных вне игорной зоны, либо в заведениях игорной зоны без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр с целью получения прибыли данных заведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федеральный* закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: ред. от 22.07.2014 № 278-ФЗ // Российская газета. 31.12.2006. № 297; 30.07.2014. № 169.
2. *Лукьяница Г.Ф.* Уголовно-правовые меры борьбы с азартными играми: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 1993. С. 13.
3. *Севостьянов Р.А.* Проблемы уголовной ответственности за организацию и ведение игорного бизнеса: автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2009. с. 26.
4. *Синицына Л.В., Бурдюг Д.Л.* Игровая зависимость в противоправном поведении // Юридическая психология. 2008. № 2.
5. *Бумаженко Н.И.* Виктимология. Учеб.-методич. пособие. Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. 115 с.
6. *Малкина-Пых И.Г.* Виктимология. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2010. 864 с.
7. *Международная* классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств / ВОЗ; Россия, СПб., 1994. 303 с.
8. *Иванова О.А.* Азартные игры как угроза общественной нравственности // Молодой ученый. 2013. № 9. С. 299–302.
9. *Федеральный* закон от 22.07.2014 № 278-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 30.07.2014. № 169.

10. *Федеральный* закон от 01.05.2016 № 121-ФЗ «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 06.05.2016. № 97.
11. *United* States Code / официальный сайт Службы советника по ревизии законодательства [Электронный ресурс]. URL: http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=Gambling&f=treesort&fq=true&num=15&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title15-section3001. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 24.09.2016).
12. *Сайт* правовой информации (законодательства) Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085891#pos=252;-219. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 24.09.2016).
13. *Соборное* Уложение 1649 года // Официальный сайт Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 25.09.2016).
14. *Устав* уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Официальный сайт системы «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/57791498/#ixzz4LMMtYFLy. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. Б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 26.09.2016).

PUBLIC HEALTH AND PUBLIC MORALITY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION FROM ILLEGAL ORGANISATION AND CONDUCT OF GAMBLING IN RUSSIA

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 37–41. DOI 10.17223/23088451/9/7
Vladislav V. Usynin, Khakas State University (Abakan, Russia). E-mail: msosuskrh@mail.ru

Keywords: gambling, illegal organisation of gambling, counteraction to criminal activity.

Nowadays the Russian legislator seeks to protect the society from dangerous effects of gambling. On December 29, 2006, the President of the Russian Federation signed Federal Law No. 244-FZ “On State Regulation of Activities on Organisation and Conducting of Gambling and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation”, which introduced strict requirements to the organisation of gambling as well as to the organisers and visitors of gambling establishments. The unlimited number of illegal gambling establishments entailed the introduction of the Federal Law of July 20, 2011, that provided for criminal liability for the organisation and conduct of gambling. It was enshrined in the Criminal Code in Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation “Illegal Organisation and Conduct of Gambling”. Amendments to the legislation after adoption of this law did not affect all areas of legal protection of the population from the negative consequences of gambling. Nowadays, a very important problem in this perspective is to determine the object of crime. The paper discusses legislative definition of the object of crime in question and the shortcomings of the current norm. The author analyses the reasons for the legal prohibition and concludes that the legislator has correctly formulated the object of crime. It is suggested to consider the additional criminal liability for illegal organisation and conduct of gambling as of a crime that entails socially dangerous consequences of a pathological disorder connected with mental disorders. As far as it is possible to open legal gambling establishments, the author also proposes to introduce more stringent requirements for gamplers in legal institutions located in gambling zones. Having analysed the legislation of foreign countries, the author concludes that it is necessary to establish an age limit of 21 years and an entry qualification with the entry will be allowed upon depositing the return sum of 15,000 rubles. This innovation will exclude the complete loss of all funds, as for the remaining money the gambler will be able to leave the institution and go home without negative consequences.

The author also suggests to establish liability for encouraging players to gamble in institutions located outside the gambling zone or in institutions within the gambling zone without obtaining permission in accordance with the established procedure to conduct activities for organising and conduct gambling in order to profit from these establishments. Only taken together, these changes can reduce the crime rate.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2014) Federal Law No. 244-FZ of December 29, 2006, “On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”: amended as of July 22, 2014, No. 278-FZ. *Rossiyskaya gazeta*. 30th July 2014. (In Russian).
2. Lukyanitsa, G.F. (1993) *Ugolovno-pravovye mery bor'by s azartnymi igrami* [Legal measures to combat gambling]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
3. Sevostyanov, R.A. (2009) *Problemy ugolovnoy otvetstvennosti za organizatsiyu i vedenie igornogo biznesa* [Problems of criminal liability for the organisation and conduct of gambling]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
4. Sinitsyna, L.V. & Burdyug, D.L. (2008) Igrovaya zavisimost' v protivopravnom povedenii [Game dependence in delinquent behaviour]. *Yuridicheskaya psikhologiya – Juridical Psychology*. 2.
5. Bumazhenko, N.I. (2010) *Viktimologiya* [Victimology]. Vitebsk: Vitebsk State University.
6. Malkina-Pykh, I.G. (2010) *Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy* [Victimology. Psychology of victim’s behaviour]. Moscow: Eksmo.
7. WHO. (1994) *Mezhdunarodnaya klassifikatsiya bolezney (10-y peresmotr). Klassifikatsiya psikhicheskikh i povedencheskikh rasstroystv* [International Classification of Diseases (10th revision). Classification of mental and behavioural disorders]. St. Petersburg: [s.n.].
8. Ivanova, O.A. (2013) Azartnye igry kak ugroza obshchestvennoy nravstvennosti [Gambling as a threat to public morality]. *Molodoy uchenyy*. 9. pp. 299–302.

9. Russian Federation. (2014) Federal Law No. 278-FZ of July 22, 2014, "On Amendments to the Federal Law On State Regulation of Activities on the Organisation and Conduct of Gambling and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Rossiyskaya gazeta*. 30th July 2014. (In Russian).
10. Russian Federation. (2016) Federal Law No. 121-FZ of May 1, 2016, "On Amendments to Article 9 of the Federal Law On State Regulation of Activities on the Organisation and Conduct of Gambling and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Rossiyskaya gazeta*. 6th May 2016. (In Russian).
11. United States Code. (n.d.) *Congressional findings and policy*. [Online] Available from: http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=Gambling&f=treesort&fq=true&num=15&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title15-section3001. (Accessed: 24th September 2016).
12. The Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Sayt pravovoy informatsii (zakonodatel'stva) Respubliki Kazakhstan* [The site of legal information (legislation) of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085891#pos=252;-219. (Accessed: 24th September 2016).
13. Russia. (1649) *Sobornoe Ulozhenie 1649 goda* [Council Code of 1649]. [Online] Available from: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm. (Accessed: 25th September 2016).
14. Russia. (1864) *Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva ot 20.11.1864* [The Charter of Criminal Proceedings of November 20, 1864]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/57791498/#ixzz4LMMtYFLy. (Accessed: 26th September 2016).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1 DOI 10.17223/23088451/9/8

А.В. Пиюк

К ВОПРОСУ О РОЛИ СУДА В ДОКАЗЫВАНИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается проблема обоснованности приговора суда. Действующий УПК РФ не предусматривает полномочий суда по самостоятельному истребованию каких-либо доказательств и требует от судьи лишь обеспечить состязательность и равноправие сторон и оценить совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств. Представляется, что суд не должен быть связан позицией «состязающихся» субъектов процесса (сторон) и ограничиваться лишь исследованием представленных ими доказательств. Право суда по истребованию недостающих, по его мнению, доказательств нельзя трактовать исключительно как продолжение обоснования обвинительного тезиса, суд как орган правосудия должен с несомненностью устанавливать реальные обстоятельства деяния. УПК РФ необходимо дополнить нормой, предусматривающей право суда по окончании судебного следствия, после представления обвинителем и защитником доказательств, поставить на обсуждение вопрос об истребовании каких-либо доказательств, представляющихся судье необходимыми для правильного разрешения уголовного дела и устранения сомнений относительно каких-либо обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также наделить суд правом истребования письменных и вещественных доказательств, необходимых для правильного разрешения уголовного дела, и правом вызова свидетеля совершенного (либо несовершенного) деяния по собственной инициативе.

Ключевые слова: *уголовный процесс, активность суда, доказательства и доказывание, исследование доказательств судом, общий порядок судебного разбирательства.*

Как известно, согласно ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., действовавшего до принятия УПК РФ 2001 г., суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, были «обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства». Статья 71 УПК РСФСР также устанавливала, что основой оценки доказательств судом, прокурором, следователем, органом дознания выступает «всестороннее, полное и объективное рассмотрение всех обстоятельств дела в их совокупности».

В УПК РФ законодатель закрепил иной подход, указав в ст. 17 УПК РФ, что судья и иные субъекты судопроизводства оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному «на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Известно также, что ч. 3 ст. 15 УПК РФ гласит, что суд не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, он создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Частью 1 ст. 243 УПК РФ закреплено, что председательствующий судья руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные Кодексом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон. Согласно ст. 274 УПК РФ, доказательства представляются сторонами, первой представляет доказательства сторона обвинения. В соответствии с ч. 3 ст. 278 УПК РФ судья задает вопросы свидетелю после допроса его сторонами, правом вызова свидетеля по своей инициативе суд при этом не наделен.

Таким образом, прежним законодательством суду, как и иным субъектам процесса, наделенным государственно-властными полномочиями, предписывалось принимать все предусмотренные законом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины, действующий же УПК РФ требует от судьи лишь обеспечить состязательность и равноправие сторон и оценить совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств.

Значит ли это, что суд должен быть связан лишь позицией «состязающихся» субъектов процесса (сторон) и ограничиваться только совокупностью представленных ими доказательств?

Нам представляется, что нет, поскольку суд – это орган, отвечающий за законность и справедливость приговора.

Посмотрим на требования, предъявляемые законодателем к приговору. Согласно ч.1 ст. 297 УПК РФ, приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. Частью 4 ст. 302 УПК РФ установлено, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью иссле-

дованных судом доказательств. Согласно ст. 299 УПК РФ, к числу вопросов, которые суд должен разрешить при постановлении приговора, относится и вопрос о доказанности вины лица в совершении преступления.

Более того, в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу среди всех законов Российской Федерации, закреплено, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке.

Приговор суда всегда должен оставаться актом правосудия, лишь такой приговор будет уважаем в обществе. Профессор М.К. Свиридов, проанализировав нормы УПК РФ непосредственно после его принятия, абсолютно справедливо, на наш взгляд, указал, что в части общего порядка, в отличие от порядка особого, регламентированного гл. 40 УПК РФ, Кодекс ориентирован на установление материальной истины [1, с. 3].

Да, возможно, с учетом позиции законодателя, что это, в определенной мере, попытка выдать «желаемое за действительное», однако трудно отрицать очевидную схожесть норм УПК РФ и УПК РСФСР в части непосредственного исследования доказательств судом в общем порядке. Согласно положений ст.ст. 287, 288, 289, 290 УПК РФ, суд может инициировать и провести с участием сторон осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование, согласно ст. 283 УПК РФ, он также вправе назначить судебную экспертизу, в том числе и по своей инициативе. Если рассматривать вопрос об активности суда в исследовании доказательств, то очевидно, что в отношении рассмотрения дел в общем порядке Кодекс во многом воспроизводит положения, ранее присущие УПК РСФСР и в целом характерные для континентального типа процесса, к которому исторически относится российский уголовный процесс. Вместе с тем в УПК РФ отсутствует право суда на вызов свидетелей по собственной инициативе и право истребования каких-либо сведений, тогда как частью 4 ст. 276 УПК РСФСР, посвященной порядку разрешения ходатайств, было установлено, что суд вправе, независимо от того, заявлено ли об этом ходатайство участником процесса, вынести определение о вызове новых свидетелей, назначении экспертизы, истребовании документов и других доказательств, необходимых для правильного разрешения уголовного дела.

Известно, что незадолго до принятия УПК РФ конституционность данной нормы была оспорена в Конституционном Суде РФ, который в Определении от 23.01.2001 г. № 21-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Якурина Константина Андреевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 276 Уголовно-процессуального кодекса РФ» указал, что «...осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия не исключает наличия у него права в рамках предъявленного подсудимому обвинения истребовать и исследовать доказательства, необходимые для проверки приводимых сторонами в обоснование своих позиций доводов… Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость суда при отправлении правосудия» [2].

Полагаем, что пришла пора привести несколько примеров.

Так, при рассмотрении уголовного дела по обвинению Р. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, следователем СУ СК РФ был допрошен лишь один из четырех свидетелей произошедшего деяния, причем находившийся на значительном расстоянии от места совершения преступления, допрос остальных следователь посчитал «нецелесообразным». Р. и его защитник настаивали, что Р. совершил убийство в состоянии аффекта. Несмотря на имевшееся в уголовном деле заключение судебно-психиатрической экспертизы, для правильной квалификации содеянного и устранения сомнений суду требовалось выслушать и оценить показания и иных очевидцев, однако следователь (и прокурор) суду их не представили, не ходатайствовал об их вызове и адвокат-защитник, считавший, что и так все ясно и все сомнения следует трактовать в пользу его подзащитного [3].

При рассмотрении уголовного дела по обвинению пенсионера Б. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 207 УК РФ, было установлено, что лицо, звонившее в дежурную часть ОМВД и сообщившее ложные сведения о заложенном в помещении Сбербанка РФ взрывном устройстве, активировало сим-карту, с которой был осуществлен звонок, путем перевода на нее средств в помещении управления соцзащиты населения, оборудованном камерами видеозаписи. Б. свою виновность в инкриминируемом деянии категорически отрицал, ходатайства же об истребовании видеозаписей от сторон не поступило и у суда также были определенные сомнения [4].

Сделаем небольшое отступление. Представляется, что в случаях, изложенных выше, суд мог вынести приговоры, основываясь на имеющихся доказательствах, причем приговоры эти были бы обвинительными, так как в деле по обвинению Р. имелась, помимо прочего, экспертиза, в которой указывалось, что он в момент убийства не находился в состоянии аффекта, а в деле по обвинению Б. наличествовали показания свидетелей, видевших Б. неподалеку от места, с которого был произведен звонок, а также свидетелей, показавших, что Б. покупал сим-карту оператора, из сотовой сети которого поступило сообщение. Мог суд также и объявить перерыв и в непроцессуальном порядке «понудить» какую- либо из так называемых «сторон» заявить соответствующее

ходатайство. Именно так многие судьи, не видя возможности в установленном УПК РФ порядке устранить сомнения, и поступают на практике.

Не оправдывая подобное, полагаем, что УПК РФ должен предоставить судье возможность прийти к несомненному выводу. Думается также, что право суда по истребованию недостающих, по его мнению, доказательств нельзя трактовать исключительно как продолжение обоснования обвинительного тезиса, суд, как орган правосудия, прежде всего, должен устанавливать реальные обстоятельства деяния, устанавливать истину.

Данного термина бояться не следует. В Федеральных правилах о доказательствах США, страны, как считается, с исключительно состязательным построением процесса, к примеру, термин «истина» употребляется более сотни раз. Так, Правило 102 гласит: «Настоящие правила следует толковать в интересах обеспечения беспристрастного отправления правосудия… с целью установления истины и справедливого производства». Согласно Правилу 611, суд осуществляет контроль над способом и порядком допроса свидетелей и представления доказательств, в соответствии с Правилом 614 судья имеет право вмешиваться в представление доказательств сторонами, чтобы способствовать окончательному установлению истины, он имеет в том числе и право вызвать какое-либо лицо в качестве свидетеля по собственной инициативе [5].

Конечно, идеальным представляется вариант, при котором суд не истребовал бы никаких сведений и не вызывал бы никаких свидетелей, однако практика показывает, что идеала в реальной жизни достигнуть чрезвычайно сложно, таких дел, к сожалению, немного, в связи с чем суды и вынуждены прибегать к непроцессуальным мерам воздействия на защитников и прокуроров.

Представляется, что УПК РФ следовало бы дополнить нормой, предусматривающей право суда по окончании судебного следствия, после представления обвинителем и защитником доказательств, поставить на обсуждение вопрос об истребовании каких-либо доказательств, представляющихся судье необходимыми для правильного разрешения уголовного дела и устранения сомнений относительно каких-либо обстоятельств, подлежащих доказыванию. Данное предложение не ново, тот же профессор М.К. Свиридов еще в 2002 г., высказавшись против самостоятельного устранения пробелов судом, предложил при недостаточности доказательств предоставить суду право воздействовать на стороны, предложив им представить недостающие, по мнению суда, доказательства[1, с. 6].

Представляется также, что, сказав «а», следует сказать и «б». Что делать суду, если стороны все же не представят доказательства или откажутся выполнять какие-либо предложения суда? Исходя из того, что суд не имеет права вынести приговор, исчерпывающим образом не исследовав всю необходимую совокупность доказательств, следует, на наш взгляд, предоставить суду и право преодолеть пассивность либо несогласие субъектов процесса с истребованием каких-либо сведений или с вызовом свидетелей, обладающих сведениями об обстоятельствах деяния. Для этого суд необходимо наделить правом истребования письменных и вещественных доказательств, необходимых для правильного разрешения уголовного дела, а также предоставить суду право вызвать и допросить свидетеля совершенного (либо несовершенного) деяния по собственной инициативе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свиридов М.К.* Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск: Изд-во Том ун-та, 2002. С. 3–6.
2. *Определение* Конституционного Суда РФ от 23.01.2001 г. № 21-О // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
3. *Архив* Мегионского городского суда ХМАО-Югры. Уголовное дело № 1-67/16.
4. *Архив* Мегионского городского суда ХМАО-Югры. Уголовное дело № 1-5/17.
5. *Federal* Rules of Evidens. Historical notes and legislative commentary // Published by the Legal Information Institute. Cornell Law School. 1999.

ON THE ROLE OF THE COURT IN PROVING IN THE MODERN CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 42–45. DOI 10.17223/23088451/9/8
Aleksey V. Piyuk, Megion City Court, (Megion, Russian Federation). E-mail: avaleks2@yandex.ru

Keywords: criminal procedure, activity of the court, evidence and proof, investigation of evidence by court, general procedure for litigation.

The paper dwells on the problem of reasonableness of a court decision. The current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not provide for the powers of the court to independently demand any evidence and requires the judge only to ensure adversariality and equality of the parties and to evaluate the totality of evidence in the criminal case. It seems that the court should not be bound by the position of “adversarial” subjects of the process (parties) and confine itself to examining the evidence presented by them. The court's right to demand missing evidence can not be interpreted solely as a continuation of the justification of the accusational thesis. The court as an organ of justice must definitely determine the real circumstances of the act. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should be supplemented with a rule providing for the right of the

court at the end of the judicial investigation, when the prosecutor and defender have presented evidence, to discuss the issue of demanding any evidence that the judge deems necessary to properly resolve the criminal case and to remove doubts about any circumstances subject to proof, and also give the court the right to demand written and material evidence necessary for the correct resolution of the criminal offense and to summon a witness of the act on its own initiative.

REFERENCES

1. Sviridov, M.K. (2002) Sostyazatel'nost' i ustanovlenie istiny v ugolovnom sudoproizvodstve [Adversariality and the establishment of truth in criminal proceedings]. In: Yakimovich, Yu.K. (ed.) *Problemy ugolovnogo protsessa v svete novogo Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Problems of the criminal process in the light of the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–6.
2. Constitutional Court of the Russian Federation. (2001) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.01.2001 g. № 21-O* [Definition № 21-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2001]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40011/.
3. Khanty-Mansiisk Autonomous District. (n.d.) Archive of the Megion City Court of KhMAD-Ugra. Criminal case No. 1-67.
4. Khanty-Mansiisk Autonomous District. (n.d.) Archive of the Megion City Court of KhMAD-Ugra. Criminal case No. 1-5/17.
5. Legal Information Instittute. (1999) *Federal Rules of Evidens. Historical notes and legislative commentary*. Cornell Law School.

УДК 343.131 DOI 10.17223/23088451/9/9

В.В. Ясельская

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Анализируются изменения уголовно-процессуального законодательства, расширяющие возможности защитника в доказывании и направленные на обеспечение состязательности сторон в уголовном процессе. Намечены дальнейшие пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данном направлении.

Ключевые слова: *принцип состязательности, предварительное расследование, защитник, разрешение ходатайств.*

28 апреля 2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ», который направлен, в том числе, и на обеспечение состязательности сторон в уголовном процессе [1]. Адвокатское сообщество высоко оценило данный закон. Так, в резолюции VIII Всероссийского съезда адвокатов, который состоялся 20 апреля 2017 г., было отмечено: «…это замечательный профессиональный подарок VIII Всероссийскому съезду адвокатов и всем российским адвокатам» [2]. У практикующих адвокатов вновь появилась надежда, как и после принятия УПК РФ, что у защитника появятся новые процессуальные возможности в доказывании и уголовный процесс станет реально состязательным. В СМИ данные поправки называют «адвокатским законом» [3].

Так, наряду с другими важнейшими изменениями, которые содержатся в данном законе, расширен перечень случаев обязательного удовлетворения ходатайств, заявленных стороной защиты или потерпевшим на стадии предварительного расследования. Определенные шаги законодателем в этом направлении были сделаны еще в марте 2013 г. Так, в соответствии с п. 1.2 ч. 1 ст. 144 УПК РФ (в ред. ФЗ от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ) подлежат обязательному удовлетворению ходатайства, заявленные после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим о производстве повторной или дополнительной экспертизы. Согласно же последним изменениям УПК РФ от 17 апреля 2017 г., подлежит обязательному удовлетворению ходатайство стороны защиты о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 58 УПК РФ). Также ст. 159 УПК РФ дополнена ч.2.1, согласно которой защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, а согласно ч. 2.2 данной статьи, подлежат удовлетворению ходатайства, заявленные стороной защиты или потерпевшим о приобщении доказательств, в том числе заключения специалиста.

Данные нововведения в целом следует оценить с положительной стороны, они, безусловно, будут способствовать осуществлению активной защиты в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ закреплено право защитника привлекать специалиста, а заключение специалиста – один из видов доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), на практике у защитников до внесения соответствующих поправок возникали сложности как в получении сведений, так и в преобразовании их в доказательства. Так, доказательства могут быть получены только способом и в порядке, предусмотренном УПК РФ, а назначение экспертизы – прерогатива следователя. На этом основании следователь и суд отказывали защитникам в удовлетворении ходатайств о приобщении в качестве доказательств заключений специалистов. Выход из сложившейся ситуации еще в 2003 г. был предложен Е.Ю. Львовой. Так, для того чтобы полученный защитником документ (заключение специалиста) попал в материалы уголовного дела, ею было рекомендовано практикующим адвокатам оформлять его как приложение к ходатайству о назначении повторной или дополнительной экспертизы, поскольку приложение – составная часть ходатайства. Будучи приложенным к ходатайству, такой документ не может уже быть возвращен защитнику [4, с. 47]. Как показало изучение практики, несмотря на пробелы в законодательстве, адвокаты обращаются в негосударственные экспертные учреждения для проведения экспертных исследований в рамках уголовных дел. Так, по данным экспертно-правового центра «Регион 70» (ООО «Судебная экспертиза») в период с января 2014 г. по февраль 2016 г. инициаторами 56 независимых экспертиз выступали защитники обвиняемых (подозреваемых).

В настоящее же время проблема использования сведений, полученных защитником в доказывании, решена на законодательном уровне. Так, в ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ устанавливается, что подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами. Таким образом, заключение специалиста стало полно-

ценным доказательством, что существенно расширяет возможности защитника в доказывании по уголовному делу и способствуют более активному использованию права на привлечение специалиста.

В остальном же новые положения ст. 159 УПК РФ носят половинчатый характер и не решают многих проблем, связанных с реализацией прав защитника, в том числе и на привлечение специалиста.

Одной из таких проблем является отсутствие гарантий в объективности и достоверности заключения специалиста. Как верно отмечает С.А. Шейфер, заключение специалиста может быть получено защитником фактически только в непроцессульном порядке, кроме того, оно составляется без учета прав противоположной стороны, которыми она наделена при проведении экспертизы [5, с 148].

Кроме того, нечеткость и противоречивость предписаний, содержащихся в ч. 2.2. ст. 159 УПК РФ, вызывают ряд вопросов и лишь запутывают ситуацию. Так, совершенно не ясно, что законодатель имеет в виду под термином «доказательства». Какие еще доказательства, кроме заключения специалиста может представить сторона?

Так, например, если защитник заявляет ходатайство о приобщении объяснений лиц, полученных им в ходе их опроса или фотографий, сделанных им лично с места происшествия, или записи бесед и т.п., обязано ли должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, удовлетворять подобные ходатайства?

Представляется, что данные материалы, не обладают свойством допустимости, поскольку они получены защитником непроцессуальным путем, и для преобразования этих сведений в доказательства необходимо получить их способом, предусмотренным в УПК РФ. Какое именно ходатайство необходимо заявить защитнику, зависит от способа получения им сведений. Если, например, защитник опросил лиц с их согласия и каким-либо способом зафиксировал значимую для защиты информацию в документе, назвав его протоколом опроса, или объяснением лиц, далее он вправе заявить ходатайство о вызове и допросе свидетеля. В обосновании же данного ходатайства защитник может приложить изготовленный им лично протокол опроса или объяснение лица. Подобные разъяснения содержатся и в рекомендациях ФПА о проведении адвокатского опроса [6]. В случае удовлетворения следователем ходатайства о допросе свидетеля защитник в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ вправе участвовать в допросе этого свидетеля. Данному праву корреспондирует обязанность следователя обеспечить его участие (известить о времени и месте проведения допроса, допустить его к участию в допросе). Поэтому представляется излишним включение в ст. 159 УПК РФ ч. 2.1, в соответствие с которой, защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого.

Кроме того, требование об обязательности удовлетворения ходатайств может остаться очередной декларацией. Фраза, которая содержится в ч.2.2. ст. 159 УПК РФ: «…если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела», может свести на нет право защитника на привлечение специалиста. Решать вопрос, имеет ли значение для дела обстоятельства, об установлении которых ходатайствует защитник, будет следователь – представитель стороны обвинения, поэтому результат разрешения такого ходатайства вполне предсказуем. Ходатайства защитника могут восприниматься им лишь как злоупотребление правом в целях затягивания предварительного следствия. Кроме того, следователь связан установленным законом сроком расследования и сроком содержания обвиняемого под стражей, и он, естественно, стремится их соблюдать. Между тем, если следователь будет основательно, без спешки проверять обстоятельства, на которые ссылается сторона защиты, возникает опасность затягивания срока предварительного расследования.

В связи с вышеизложенным, требуется четкая регламентация порядка разрешения ходатайств, заявленных стороной защиты. Представляется обоснованным предложение С.А. Шейфера установить обязанность органов расследования удовлетворять любое ходатайство о пополнении доказательственной базы путем проведения органом расследования необходимых защите следственных действий [5, с. 154].

Однако в данном случае возникает новая проблема – злоупотребление стороной защиты субъективным правом. На практике, требование об обязательности удовлетворения ходатайств, в частности о приобщении заключения специалиста, может привести к тому, что малоимущие обвиняемые не смогут воспользоваться данным правом, поскольку привлечение специалиста стороной защиты связано не только с временными, но и материальными затратами, а состоятельные обвиняемые и недобросовестные защитники будут злоупотреблять правами. Проблематика злоупотреблением субъективным правом в уголовном процессе в настоящее время активно обсуждается в науке уголовного процесса, ученые ищут пути ее разрешения [7, с. 9–14; 8, с. 65–78; 9 с. 1–26; 10, с. 116–121]. VIII Съезд адвокатов также обратил внимание на то, что нельзя допустить злоупотреблений нормами Закона со стороны недобросовестных адвокатов, использования законодательных новелл в целях иных, чем те, ради которых введены эти нормы [2].

Для того чтобы защитник смог реализовать право на представление доказательств, необходимо на законодательном уровне комплексное разрешение обозначенных выше проблем. От бессистемных, точечных изменений УПК РФ будет больше вреда, чем пользы. Они приведут лишь к неоднозначному толкованию положений закона и нарушению единства правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федеральный* закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 19.04.2017. № 83.
2. *Резолюция*, принятая VIII Всероссийским съездом адвокатов «О Федеральном законе от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ». URL: http://fparf.ru/documents/congress_documents/congress_resolutions/37742/
3. *Президент* РФ подписал «адвокатский» закон. URL: http://www.advgazeta.ru/publ/posts/118
4. *Львова Е.Ю.* Взаимодействие специалиста и защитника в рамках уголовного процесса // Возможности защиты в рамках нового УПК России. Материалы науч.-практич. конф. адвокатов, проведенной Адвокатской палатой города Москвы при содействии Коллегии адвокатов «Львова и партёнеры» 17 апреля 2003 г. М.: ЛексЭст, 2003. 304 с.
5. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.
6. *Методические* рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», одобрены советом ФПА РФ 22.04 2004 г., протокол № 5. URL: http://fparf.ru/documents/council_documents/council_recommendations/1520/
7. *Андреева О.И.* Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2015. № 2 (16). 148 с.
8. *Трубникова Т.В.* Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №3 (17). 126 с.
9. *Даровских О.И.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
10. *Желева О.В.* Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. 260 с.

NEW OPPORTUNITIES OF THE DEFENDER IN PROOF. OLD PROBLEMS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 46–48. DOI 10.17223/23088451/9/9
Veronika V. Yaselskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yaselskaya@mail.ru

Keywords: principle of adversariality, preliminary investigation, defense counsel, permission for petitions.

The latest changes in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are aimed at ensuring adversariality. The requirement for compulsory approval of petitions declared by the defense counsel enhances his/her ability to prove and promotes effective defense. However, the new provisions require more precise regulation. The contradictory nature of the provisions regarding the procedure for petitions by the defense will raise a number of questions and lead to ambiguous interpretation and violation of the unity of law enforcement practice. Compulsory satisfaction of petitions may remain another declaration. The decision of this issue entirely depends on the investigator – the representative of the prosecution. The problem of abuse of the subjective law by the defense party, including the application of petitions during the preliminary investigation, also requires resolution.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2017) Federal Law N 73-FZ of April 17, 2017, “On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation”. *Rossiyskaya gazeta*. 19th April. (In Russian).
2. Russian Federation. (2017) *Resolution adopted by the 8th All-Russian Congress of Advocates “On Federal Law No. 73-FZ of April 17, 2017, On Amendments and Additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*”. [Online] Available from: http://fparf.ru/documents/congress_documents/congress_resolutions/37742/. (In Russian).
3. Kuznetsov, G. (2017) *Prezident RF podpisal “advokatskiy” zakon* [The President of the Russian Federation signs a “advocacy” law]. [Online] Available from: http://www.advgazeta.ru/publ/posts/118.
4. Lvova, E.Yu. (2003) [Interaction between the specialist and the defender within the criminal process]. *Vozmozhnosti zashchity v ramkakh novogo UPK Rossii* [Possibilities of protection within the framework of the new Criminal Procedure Code of Russia]. Proc. of the Conference. April 17, 2003. Moscow: LeksEst. (In Russian).
5. Sheifer, S.A. (2008) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and Proof in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation]. Moscow: Norma.
6. Russian Federal Chamber of Lawyers. (2004) *Methodological recommendations for the implementation of the rights of defense counsel under Paragraph 2 of Part 1 of Article 53, Part 3 of Article 86 of the Code of Criminal Procedure and Paragraph 3 of Article 6 of the Federal Law On Advocacy in the Russian Federation, approved by the Russian Federal Chamber of Lawyers on April 22, 2004, Protocol No. 5*. [Online] Available from: http://fparf.ru/documents/council_documents/council_recommendations/1520/. (In Russian).
7. Andreeva, O.I. (2015) Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom v ugolovnom protsesse: problemy pravovogo regulirovaniya [Abuse of subjective law in criminal proceedings: Problems of legal regulation]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2(16).
8. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3(17). (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/17/8
9. Darovskikh, O.I. (2013) *Zloupotreblenie pravom v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [Abuse of the right in Russian criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
10. Zheleva, O.V. (2015) The concept and characteristics of abuse of right in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gos. universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/21

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.823 DOI 10.17223/23088451/9/10

И.С. Мирусин

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ

Рассматриваются проблемы обязательности труда осужденных, сущности правоотношений с использованием такого труда на примере советского исправительно-трудового законодательства, опыта международно-правового регулирования. Оценивается перспектива исключения обязательности труда в настоящее время.

Ключевые слова: *труд осужденных, обязательность труда, добровольность труда.*

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 23.09.2015 № 1877-р) дополнилась задачей проработки вопроса об исключении из законодательства обязательности труда осужденных к лишению свободы. Данный вопрос следует решать, учитывая историю отечественной пенитенциарной системы и сложившийся облик учреждений, исполняющих наказания, как исправительно-трудовых.

Известно, что обязательность труда всегда закреплялась в ранее действующих советских исправительно-трудовых кодексах, исходя из закрепленного в Конституции РСФСР положения «кто не работает, тот не ест», и конституционной обязанности советских граждан трудиться. Труд признавался обязательным для всех способных к нему заключенных (ст. 52 ИТК РСФСР 1924 г., ст. 4 ИТК РСФСР 1933 г.; ст. 37 ИТК РСФСР 1970 г.). Устанавливалось, что условия труда лишенных свободы регулируются общими правилами Кодекса законов о труде, о рабочем времени, отдыхе, труде женщин и несовершеннолетних и об охране труда и что изъятия из этих правил допускаются, если они установлены в определенном законом порядке. Указанная норма свидетельствовала о распространении трудового законодательства на труд осужденных. Возобладало мнение, что труд осужденных в советских исправительно-трудовых учреждениях по его сути ничем не отличается от труда свободных тружеников [1, с. 34].

В итоге, обязанность осужденных трудиться, которая была заложена уже с первых лет Советской власти, сохранилась и до наших дней. Статья 103 УИК РФ определяет, что «каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений». В то же время обязанность труда осужденных всегда была сопряжена с принятием во внимание их трудоспособности. Об этом свидетельствовали формулировки: «способных к труду», «с учетом их трудоспособности». В этой связи считалось, что труд осужденных в местах лишения свободы, не являясь принудительным, является трудом обязательным; а принудительность и обязательность – понятия не равнозначные [2, с. 49].

Позднее, при разработке различных вариантов проектов исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) кодексов вопрос обязательности труда также решался неоднозначно. Одна группа ученых (А.С. Михлин, В.И. Селиверстов, А.И. Зубков, Н.А. Стручков, В.Д. Филимонов и др.) считала, что обязанность труда осужденных к лишению свободы необходимо сохранить, причем труд должен выполняться на местах и видах работ, определяемых администрацией исправительного учреждения.

Другие ученые (В.А. Уткин, Н.И. Ланкин, А.К. Музеник, Л.М. Прозументов и др.) предлагали реализовать идею добровольности труда осужденных (при содействии администрации ИУ в их трудоустройстве). Предлагалось установить, что право осужденного на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор профессии, рода занятий и места работы ограничено условиями отбывания лишения свободы. Осужденным предлагалось гарантировать свободу трудового и хозяйственного договора, а равно свободу занятий индивидуальной трудовой деятельностью. Одновременно предусматривалась широкая система мер позитивного стимулирования трудовой занятости осужденных.

Сходная точка зрения была изложена в проекте УИК РСФСР от 12.12.1991 г., предложенном Комитетом Верховного Совета РСФСР по законодательству. Труд осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительных колониях и тюрьмах признавался добровольным. Привлечение осужденных к труду должно было осуществляться на контрактной основе.

Как известно, в основу действующего УИК РФ легла точка зрения об обязательности труда осужденных. К моменту его принятия становилось понятно, что сложившаяся уголовно-исполнительная (исправительно-трудовая) система не готова наделить осужденных свободой труда или правом на

труд, так как этого не позволял не только уровень её развития, исторический опыт построения исправительно-трудового законодательства, но и отсутствие права на труд у заключенных в международно-правовых актах, которые претерпели множественно изменений к концу XX века.

На международном уровне путь от обязательности труда осужденных и несвободы труда до признания этой свободы, но не права на труд, занял значительный период времени. Еще в 1930 г. (Конвенция № 29 Международной организации труда) определила, что «термин “принудительный или обязательный труд” не включает в себя всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей, и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ» [3]. В ст. 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. закреплялось, что «никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду» [4]. Термин «принудительный или обязательный труд» не включал в себя «всякую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям ст. 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения». В соответствии с п. 3 ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. «никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду». Подпункт b закрепляет: «в тех странах, где в виде наказания за преступление может назначаться лишение свободы, сопряженное с каторжными работами, п. 3 не считается препятствием для выполнения каторжных работ по приговору компетентного суда, назначившего такое наказание». Термином «принудительный или обязательный труд» в настоящем пункте также не охватываются «какая бы то ни была не упоминаемая в подпункте b работа или служба, которую, как правило, должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, или лицо, условно освобожденное от такого заключения» [5]. Закреплялось правило, по которому работа, выполняемая на основании приговора, не признавалась принудительным трудом.

Особое место заняли Стандартные минимальные правила обращения с заключенными 1934 г. и Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. Правила устанавливали общие рекомендации «минимального» уровня, которые по возможности должны были быть реализованы повсеместно. Прежде всего – с целью обеспечения базовых, основных правовых установок, гарантий в отношении осужденных [6]. «Все осужденные заключенные обязаны трудиться в соответствии с их физическими и психическими способностями, удостоверенными врачом. Организация и методы работы в заведениях должны максимально приближаться к тем, которые приняты за их стенами, чтобы заключенные приучались таким образом к условиям труда на свободе» (ст. 71–76 Правил). Указанные нормы более детально регулируют труд осужденных, в сравнении с более общими международными актами.

В советский период труд заключенных постепенно приближался к принципам Минимальных стандартных правил. Уже ИТК РСФСР 1970 г. содержал немалое количество положений, соответствующих положениям Правил. По мнению В.А. Уткина, эти правила «в целом стали ядром того, что получило международное признание как приемлемая практика в уголовно-исполнительной системе» [7, с. 14].

Вслед за Минимальными правилами были приняты Европейские тюремные правила 1973 и 1987 гг. Европейские тюремные правила формулируют требование о привлечении заключенных к труду гораздо менее категорично, нежели Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Согласно п. 71.2 Правил 1987 г. было установлено, что «осужденных можно обязать трудиться, если по заключению врача их физическое и психическое здоровье позволяет это» [8]. Налицо императивно-диспозитивная конструкция, поскольку усмотрение администрации учреждения отводилось решение вопроса – обязать или не обязать осужденного трудиться. Европейские тюремные правила также закрепили важное положение, согласно которому не допускается использование труда осужденных для обслуживания исправительного учреждения в форме дисциплинарного наказания.

Новой версией Правил стали Европейские тюремные правила 2006 г. Согласно им, труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент внутреннего режима, но никогда не применять в качестве наказания (п. 26). Администрация пенитенциарного учреждения должна стремиться предоставить осужденным достаточно полезной работы. Насколько возможно, характер предоставляемой работы должен поддерживать или развивать навыки, которые позволят заключенному зарабатывать себе на жизнь после освобождения. Осуждённые заключённые, не достигшие обычного пенсионного возраста, могут привлекаться к работе при условии их физической и психической пригодности, которую определяет врач (п. 105) [9].

Очевидно, что если в Правилах ООН 1955 г. закреплялась императивная конструкция «обязаны трудиться», основанная на праве администрации учреждения требовать от осужденных трудиться, в дальнейшем этот вопрос демократично решался более гибко в виде нормы «администрация пенитенциарного учреждения должна стремиться предоставить достаточно полезной работы». В сравнении с Минимальными стандартами 1955 г. право администрации «требовать трудиться» было заменено значительно более мягким «должна стремиться предос-

тавлять». Обязанность осужденных трудиться в качестве общей обязанности была формально вовсе исключена.

В итоге, отходя от императивных указаний «обязаны трудиться», международное право фактически допускает свободу труда осужденных.

В принятых в 2015 г. Правилах Манделы (Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными) [10] правило 96 закрепляет, что осужденные заключенные должны иметь возможность работать и/или принимать активное участие в своей реабилитации при условии установления врачом или другими квалифицированными медицинскими специалистами их физической и психической пригодности. На заключенных следует возлагать полезную работу, достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день. Труд заключенных не должен приносить им страданий. Заключенные не должны содержаться в рабстве или подневольном состоянии. Ни один заключенный не обязан работать ради личной или частной выгоды кого-либо из тюремного персонала (Правило 97). Заключенные должны иметь возможность выполнять работу по своему выбору, если это совместимо с правильным выбором ремесла и требованиями администрации дисциплины в соответствующем учреждении (Правило 98).

Как видно, по сравнению с Минимальными стандартными правилами 1955 г., которые закрепляли императивную конструкцию «обязаны трудиться», современное международное сообщество в Правилах Манделы безусловно приняло курс на закрепление свободы труда осужденных. Это вытекает из формулировок «иметь возможность работать», «следует возлагать полезную работу», «должны иметь возможность выполнять работу по своему выбору». При этом, избегая непосредственного указания на то, что труд является добровольным, и на то, что осужденные имеют право на труд. Это примечательное изменение позиции в вопросе о возможном исключении обязательности труда.

Как справедливо отмечает Е.В. Емельянова, в настоящее время многие положения российского уголовно-исполнительного законодательства, в том числе в области привлечения осужденных к труду, приведены в соответствие с международными стандартами, и часть из них уже реализуется на практике [11, с. 144]. Но, исходя из существовавшего советского исправительно-трудового законодательства, текущего уголовно-исполнительного законодательства, обязанность осужденных трудиться объективно главенствует над идеей добровольности труда. По мнению Т.Н. Минязевой, трудовые отношения осужденных в отличие от свободных граждан вытекают не из гарантированного Конституцией РФ права на труд, а из установленной УИК РФ обязанности трудиться [12, с. 134]. Однако на международном уровне всё иначе: признается свобода труда осужденных.

Известно, что труд осужденных в местах лишения свободы может осуществляться как бесплатный и оплачиваемый (ст.ст. 103, 106 УИК РФ).

Бесплатный труд, по мнению В.А. Уткина, разделяется на добровольный (без угрозы применения каких-либо санкций) и обязательный (под угрозой применения мер принуждения). К первому его виду могут относиться: 1) труд как вид занятости осужденных – членов самодеятельных организаций и иных общественных формирований; 2) труд как форма реализации права на свободу вероисповедания (например, строительство часовни, оформление молельной комнаты); 3) добровольное выполнение незанятым на производстве осужденным отдельных поручений администрации с целью обнаружения «добросовестности» отношения к труду как критерия позитивного изменения личности осужденного. Ко второму виду: 1) труд осужденных как дисциплинарное взыскание; 2) труд по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий [13, с. 76–77].

Оплачиваемый труд предполагает привлечение осужденных к труду с последующей его оплатой в соответствии со ст. 103 УИК РФ. В этой норме заложена конструкция двойной обязанности: обязанности осужденного трудиться и обязанности администрации исправительного учреждения привлекать его к труду.

Налицо ограничение свободы труда осужденных условиями отбывания наказания в виде лишения свободы. Провозглашенная Конституцией РФ в статье 37 свобода труда (то есть отсутствие принуждения к труду, возможность свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать ряд деятельности и профессию, не быть принужденным к труду) изменяется под влиянием ограничений, установленных УИК РФ. Согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В данном случае свобода труда осужденного правомерно ограничена нормой ст. 103 УИК РФ. Однако из указанного правила есть исключения. Свободой труда обладают только лица, указанные в ч. 2 ст. 103 УИК РФ: осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет, а также осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы и несовершеннолетние (для которых законодательством о труде установлен ряд ограничений, в том числе по рабочему времени в неделю, и поэтому свободу несовершеннолетнего осужденного не трудиться 40 часов в неделю, как совершеннолетние осужденные, можно рассматривать как свободу труда в пределах, установленных трудовым законодательством). Указанные лица также обладают свободой труда и при работах по бла-

гоустройству территории исправительного учреждения (ч. 2 ст. 106 УИК РФ).

Очевидно, что право на труд в условиях лишения свободы у осужденных отсутствует. В Советский период такое право определялось Конституцией. Было установлено, что граждане имеют право на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Праву на труд неизбежно корреспондировала обязанность трудиться (ст. 58 Конституции РСФСР 1978 г.).

Сейчас же закрепление права на труд означало бы обязанность государства предоставить этот труд каждому, кто желал бы его получить. В рыночной экономике это едва ли возможно. Нынче ни международно-правовые акты, ни уголовно-исполнительное законодательство РФ не наделяют осужденного правом на труд, ограничиваясь лишь определением пределов свободы труда.

Осужденный, действуя в рамках предоставленной ему свободы труда, может быть трудоустроен как в обязательном порядке (вследствие издания приказа администрации исправительного учреждения, без учета его желания), так и добровольно (в том случае, если осужденный обращается к администрации с собственным волеизъявлением и желанием трудиться). При этом администрация учреждения не обязана учитывать желания осужденного быть трудоустроенным на ту или иную работу, должность. В обоих случаях за добровольным или недобровольным устройством на работу следует обязанность осужденного трудиться, исходя из нормы ст. 103 УИК РФ.

Работы без оплаты труда (ст. 106 УИК РФ) также, как правило, не предполагают свободного распоряжения осужденным своими способностями к труду. Так, из содержания ст. 106 УИК РФ следует, что подобная деятельность, именуемая как «работы», направлена только на благоустройство исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий и не предполагает вознаграждения за труд.

Для труда большинства осужденных свойственен императивный характер привлечения к труду (по распоряжению – приказу администрации ИУ), оплачиваемость, подчинение правилам внутреннего трудового распорядка, соблюдение рабочего времени и времени отдыха и т.д. Разумеется, условия труда в условиях несвободы значительно у́же, чем аналогичные условия, определенные в трудовом законодательстве. Это, по нашему мнению, обусловлено правоограничениями, которые содержатся в уголовно-исполнительном законодательстве. Условия труда, предусмотренные трудовым законодательством, ограничиваются в условиях режима отбывания наказания в виде лишения свободы.

В условиях исполнения наказания не реализуется свобода трудового договора. Подобное наблюдается не только в связи с правовыми факторами (ограничениями, установленными уголовно-исполнительным законодательством), но и экономическими (отсутствие производственной базы, вакантных мест работы), личностно-субъективными факторами (например, нежеланием осужденным трудиться). Справедливой представляется позиция А.И. Зубкова, согласно которой возможности исправительных учреждений, выраженные в ограниченности профиля производственной базы, часто не совпадают с видами труда и трудовыми операциями, соответствующими субъективным устремлениям самих осужденных, что делает невозможным применение для них полной свободы трудового договора [14, с. 26].

При таких обстоятельствах в отношениях, связанных с привлечением осужденных к труду, отсутствуют некоторые существенные признаки трудовых правоотношений (например, добровольность трудоустройства, изменения места работы, прекращения труда). Признак добровольности может и присутствовать, в отдельно взятом случае. Однако объективно есть и те, что им свойственны: возмездный характер, выполнение определенной трудовой функции, личный характер работы, подчинение правилам трудового распорядка, распространение трудового законодательства в некоторой его части.

По мнению ряда авторов, отношения в сфере труда осужденных не должны регулироваться трудовым законодательством. По мнению С.В. Чубракова, следует считать уголовно-исполнительными любые отношения по труду осужденных, возникающие в результате соединения этой некарательной исправительной меры с наказанием. В силу этого, данные отношения должны быть упорядочены прежде всего уголовно-исполнительными предписаниями [15, с. 105]. Указанное следует из неоднородности признаков уголовно-исполнительных и трудовых правоотношений. Поскольку практически во всех случаях трудоустройства осужденного «наложения» признаков не происходит, делается вышеназванный вывод о уголовно-исполнительной природе отношений по привлечению к труду осужденных.

Данная точка зрения, безусловно, заслуживает внимания, поскольку она основана на сравнении признаков правоотношений в разрезе каждого вида труда (принудительный оплачиваемый труд, добровольный оплачиваемый труд, работы без оплаты труда).

Однако, по нашему мнению, достижение абсолютного тождества признаков уголовно-исполнительных и трудовых правоотношений является слабо выполнимой задачей в условиях текущего уровня развития уголовного исполнительного и трудового законодательства. Для констатации факта трудовых правоотношений достаточно наличия хотя бы одного существенного признака (добровольность, возмездность) и любого количества факультативных признаков (например, включение в трудовой кол-

лектив, подчинение правилам внутреннего трудового распорядка, выполнение лично трудовой функции и т.д.). Если такая комбинация признаков существует, то можно говорить о том, что отношения в сущности являются трудовыми.

Вместе с этим нельзя отнести к трудовым правоотношениям обязательные работы (глава 4 УИК РФ) и бесплатные работы (в том числе, ст. 106 УИК РФ, работы по благоустройству территории исправительного учреждения), ибо в данных случаях отсутствует и добровольность, и возмездность труда осужденных.

Перечисленное выше позволяет сделать вывод, что отношения, связанные с трудом осужденных в местах лишения свободы, являются трудовыми, но специальные основания их возникновения, развития (изменения) и прекращения должны быть установлены в УИК РФ. Закрепление названных оснований позволит привести отношения по привлечению к труду осужденных к содержанию трудовых правоотношений, ограничив их форму изъятиями, сделанными в уголовно-исполнительном законодательстве.

На наш взгляд, в настоящий момент исключение обязательности труда осужденных при текущем уровне развития уголовно-исполнительной системы (определенном в Концепции), производственной и имущественной базы исправительных учреждений, правового сознания и воспитательного уровня осужденных преждевременно.

Для мотивации и побуждения осужденных к труду на субъективном уровне требуется наличие широких объективных факторов, таких, как значительное количество рабочих мест. Необходима правовая разработка стимулов, которые бы применялись для лиц, положительно относящихся к труду. Для осуществления добровольности труда на условиях свободных трудовых договоров требуется продвинуться еще дальше и разработать ряд правовых, экономических, социальных, воспитательных инструментов для внедрения их в уголовно-исполнительную систему.

Обратившись к опыту кодификации уголовно-исполнительного законодательства начала 90-х годов прошлого века, отметим, что при разработке проекта Уголовно-исполнительного кодекса коллективом под руководством В.А. Уткина предлагалось следующее. Право осужденных на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор профессии ограничивалось условиями лишения свободы. Однако отказ трудоспособного осужденного от избрания рода занятий или места работы не должен быть основанием для применения к нему мер взыскания, но лишал осужденного права на улучшение условий содержания, условное и условно-досрочное освобождение, замену наказания более мягким. Отказ же от работ по самообслуживанию и обеспечению жизнедеятельности исправительных учреждений мог повлечь меры дисциплинарного взыскания.

Предлагалась широкая система стимулирования осужденных к добросовестному труду, добровольному волеизъявлению и желанию трудиться. Ранее в ИТК РСФСР содержались положения, что условно-досрочному освобождению, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условному осуждению мог подлежать только осужденный, добросовестно относящийся к труду. В настоящее время ст. 175 УИК РФ содержит ссылку на то, что администрация исправительного учреждения обязана предоставить характеристику на осужденного, в которой должны содержаться сведения о его отношении к труду. То есть добросовестное отношение к труду является одним из условий условно-досрочно освобождения; одним, но не единственным и не исчерпывающим, как ранее.

Сейчас реализация таких стимулов, как предлагалось в упомянутом выше проекте УИК РФ, представляется целесообразной, но едва ли выполнимой ввиду наличия слабой производственной базы и нехватки мест для трудоустройства осужденных. Потенциально возможно возникновение ситуаций, когда осужденный реально желал бы трудиться, однако возможности принять его на работу нет. В этой связи невозможно оценить его добросовестное отношение к труду, а следовательно, применимость стимулов, названных выше. При таких обстоятельствах, для реализации стимулов необходима реально функционирующая система привлечения к труду осужденных:

1) в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских учреждений, исполняющих наказания;

2) на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы;

3) на объектах организаций любых организационно-правовых форм, расположенных на территориях учреждений, исполняющих наказания, и вне их (этот вариант представляется наиболее перспективным для проработки и развития: требуется проведение активной работы по поиску и привлечению коммерческих и некоммерческих организаций, заключению договоров о совместной деятельности по привлечению осужденных к труду);

4) по хозяйственному обслуживанию учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов.

В настоящий момент практически отсутствует развитая система многообразных рабочих мест, что делает затруднительным реализацию стимулов к добросовестному отношению к труду. Их отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве не побуждает осужденных проявлять желания трудиться, добровольность и мотивация к труду утрачиваются. При таком уровне развития уголовно-исполнительной системы едва ли продуктивно прорабатывать вопрос об исключении обязательности труда. Такое возможно реализовать только в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, модернизации материально-производственной базы учреждений, проведении масштабной

воспитательной работы, внесении изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство, в частности, добавлении системы мер стимулирования добросовестного отношения к труду осужденных.

Таким образом, в настоящий момент ни Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 23.09.2015 N 1877-р), ни текущий уровень развития уголовно-исполнительной системы не позволяет сделать вывод о готовности законодателя к исключению из УИК РФ обязательности труда осужденных в местах лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зубков А.И.* Теоретические вопросы правового регулирования труда осужденных в советских исправительно-трудовых учреждениях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 34.
2. *Там же*. С. 49.
3. *Конвенция* № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 24.04.2016).
4. *Council* of Europe. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс]. URL: http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/005.htm. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 27.04.2016).
5. *Организация* Объединенных Наций (ООН). Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 25.04.2016).
6. *Организация* Объединенных Наций (ООН). Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 25.04.2016).
7. *Уткин В.А.* Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации: учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. С. 14.
8. *Европейские* тюремные правила 1987 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901732870. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 27.04.2016).
9. *Европейские* тюремные правила 2006 года. Совет Европы [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/EPR/EPR-RU.pdf. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 28.04.2016).
10. *Правила* Манделы. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными / сост. А.П. Букалов. Харьков: ООО «Издательство права человека», 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://kvs.gov.ua/zmi/PravylaMandely211220151505.pdf. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 30.04.2016).
11. *Емельянова Е.В.* Международные стандарты в области привлечения осужденных к труду и их реализация в уголовно-исполнительном законодательстве России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 144.
12. *Минязева Т.Н.* Правовое положение осужденных в РФ. М., 2003. С. 134.
13. *Уткин В.А.* Бесплатный труд осужденных в местах лишения свободы // Вестник ТГПУ. 2006. № 11. С. 76–77.
14. *Зубков А.И.* Социально-правовые, экономические и воспитательные проблемы труда осужденных в условиях развития рыночных отношений // Проблемы труда осужденных в условиях становления рыночной экономики: материалы науч.-практич. семинара. Домодедово, 1996. С. 26.
15. *Чубраков С.В.* Отношения в сфере труда осужденных: правовая природа и проблемы регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 105.

ON COMPULSORY LABOUR OF PRISONERS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 49–55. DOI 10.17223/23088451/9/10
Ilya S. Mirusin, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crimjust@mail.ru

Keywords: labour of convicts, compulsory labour, voluntary labour.

The concept of the development of the penal system in the Russian Federation until 2020 (as amended by Order No. 1877-r of the Government of the Russian Federation of September 23, 2015) was supplemented with the task of working out the issue of excluding the compulsory labour of convicts from the legislation. The duty of convicts to work, established from the first years of Soviet power, has survived to this day. Developing various versions of penal codes resulted in ambiguous decisions of the labour compulsion issue. Some scholars (A.S. Mikhlin, V.I. Seliverstov, A.I. Zubkov, N.A. Struchkov, V.D. Filimonov and others) believed that convicts sentenced to deprivation of liberty must work. Other scientists (V.A. Utkin, N.I. Lankin, A.K. Muzenik, L.M. Prozumentov, etc.) suggested the idea of volunteer work of prisoners. The Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners of 1955 has refused from the formula that “convicts must work” and stated that “convicts should be able to work and / or take an active part in their rehabilitation; convicts should be given useful work sufficient to fill a normal working day” (Mandela's Rules of 2015). It is obvious that the convicts do not have the right to work in conditions of deprivation of liberty. In the Soviet period, this right was determined by the Constitution. Nowadays, neither international legal acts nor the executive legislation of the Russian Federation provide the convict with the right to work and only determine the limits of freedom of

labour. Absolute identity of the penal and labour relations is a poorly achievable task. It is sufficient to have at least one significant (voluntariness, reimbursement) and any number of optional features to ascertain the fact of labour relations. If such a combination is achieved, we can say that it is essentially labour relations. Relations connected with the labour of convicts in places of deprivation of liberty are labour relations, the Penal Code of the Russian Federation must establish special grounds for their occurrence, development (changes) and termination. It will bring the relations connected with the labour of convicts close to labour relations, limiting their form to exemptions made in the penal legislation. At the moment, there is no developed system of diverse jobs, which makes it difficult to implement incentives for conscientious attitude to work. Neither the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2020 nor the current level of development of the penal system makes it possible to conclude that the legislator is ready to exclude compulsory labour of convicts in places of deprivation of liberty from the Penal Code.

REFERENCES

1. Zubkov, A.I. (1974a) *Teoreticheskie voprosy pravovogo regulirovaniya truda osuzhdennykh v sovetskikh ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Theoretical problems of legal regulation of labour of convicts in Soviet corrective labour institutions]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ibid. p. 49.
3. International Labour Organisation. (n.d.) *Konventsiya N 29 Mezhdunarodnoy organizatsii truda "Otnositel'no prinuditel'nogo ili obyazatel'nogo truda"* [Convention No. 29 of the International Labour Organization "Concerning Forced or Compulsory Labour"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/. (Accessed: 24th April 2016).
4. Council of Europe. (1950) *Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod 1950 g.* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 1950]. [Online] Available from: http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/005.htm. (Accessed: 27th April 2016).
5. UNO. (1966) *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh 1966 g.* [International Covenant on Civil and Political Rights 1966]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (Accessed: 25th April 2016).
6. UNO. (n.d.) *Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi* [Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml. (Accessed: 25th April 2016).
7. Utkin, V.A. (1998) *Mezhdunarodnye standarty obrashcheniya s osuzhdennymi i problemy ikh realizatsii* [International standards for the treatment of convicts and the problems of their implementation]. Tomsk: NTL.
8. EU. (1987) *Evropeyskie tyuremnye pravila 1987 goda* [European Prison Rules of 1987]. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/901732870. (Accessed: 27th April 2016).
9. EU. (2006) *Evropeyskie tyuremnye pravila 2006 goda* [European Prison Rules of 2006]. [Online] Available from: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/EPR/EPR-RU.pdf. (Accessed: 28th April 2016).
10. UNO. (2015) *Pravila Mandely. Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi* [Mandela's rules. The United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners]. Kharkov: Izdatel'stvo prava cheloveka. [Online] Available from: http://kvs.gov.ua/zmi/PravylaMandely211220151505.pdf. (Accessed: 30th April 2016).
11. Emelyanova, E.V. (2009) International standarts in the sphere of prisoner's labour and it's realization in Russian penal law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 318. p. 143–145. (In Russian).
12. Minyazeva, T.N. (2003) *Pravovoe polozhenie osuzhdennykh v RF* [The legal status of convicts in the Russian Federation]. Moscow: [s.n.].
13. Utkin, V.A. (2006) Besplatnyy trud osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody [Free work of convicts in places of deprivation of liberty]. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11. pp. 76–77.
14. Zubkov, A.I. (1996) [Socio-legal, economic and educational problems of labour of convicts in the conditions of development of market relations]. *Problemy truda osuzhdennykh v usloviyakh stanovleniya rynochnoy ekonomiki* [Problems of labour of convicts in the conditions of market economy formation]. Proc. of the Seminar. Domodedovo. p. 26. (In Russian).
15. Chubrakov, S.V. (2014) Relations in the sphere of convicts' labor: legal nature and regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(14). pp. 99–110. (In Russian).

УДК 343.126 DOI 10.17223/23088451/9/11

Д.А. Ольховик

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Рассматриваются основные положения международно-правовых документов относительно наказаний и мер, не связанных с лишением свободы, в части регламентации правового статуса и деятельности служб пробации по исполнению наказаний и мер без изоляции осужденного от общества. Анализируются вопросы подбора кадров для служб пробации, их профессиональной подготовки, продвижения по службе. В международных документах определяется, что службы пробации должны обеспечиваться всеми необходимыми ресурсами, их сотрудники должны отвечать самым высоким национальным и международным этическим и профессиональным стандартам, взаимодействовать с государственными или частными организациями и местными органами самоуправления, подвергаться инспектированию и общественному мониторингу. Не все из перечисленных требований предъявляются к уголовно-исполнительным инспекциям и их сотрудникам в настоящее время. Формулируются предложения по совершенствованию правового статуса и деятельности уголовно-исполнительных инспекций в России.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительное право, альтернативы лишению свободы, служба пробации, правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной инспекции.*

Исходя из положений Конституции Российской Федерации, органы, исполняющие наказания, должны руководствоваться не только национальным законодательством, но, по мере возможности, должны учитывать нормы международного права, следовать выработанным международным сообществом рекомендациям, а также использовать опыт, накопленный зарубежными странами. Целями проводимой реформы уголовно-исполнительной системы являются не только обеспечение законных прав и интересов осужденных в процессе отбывания наказания, но и ее приведение в соответствии с международными стандартами. Наряду с этим необходимость развития уголовно-исполнительной системы за счет применения наказаний и мер без изоляции от общества вытекает из обязательств, принятых на себя Россией при ратификации документов Организации Объединенных Наций и Совета Европы, и, как правильно указывает В.А. Уткин, по-прежнему высокой доли осужденных, изолированных от общества по статьям Уголовного кодекса, которые предусматривают иные наказания, а не только лишение свободы [1, с. 5–12]. В связи с этим, анализ международных документов поможет сформулировать основные направления по совершенствованию организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций в России, которые исполняют подавляющее большинство наказаний и мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. В юридической литературе анализ международных документов относительно наказаний и мер без изоляции от общества рассматривался в основном применительно к деятельности службы пробации [2, с. 52–55] либо в свете исследования зарубежного опыта организации и деятельности этой службы [3, с. 39–51; 4, с. 21–25].

На международном уровне основные положения по организации деятельности органов, исполняющих наказания и меры, не связанные с лишением свободы, сформулированы, как в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с лишением свободы (Токийских правилах), 1990 г., так и в документах Совета Европы: Рекомендации Комитета Министров Совета Европы о Европейских правилах в отношении общественных санкций и мер, 1992 г., Рекомендации Комитета Министров Совета Европы о персонале, исполняющем альтернативные санкции и меры, 1997 г., Рекомендации Комитета Министров Совета Европы в отношении медиации в уголовно-правовой сфере, 1999 г., Рекомендации Комитета Министров Совета Европы о совершенствовании применения Европейских правил в отношении общественных санкций и мер, 2000 г., Рекомендации Комитета Министров Совета Европы об условном освобождении, 2003 г., Рекомендации Комитета Министров Совета Европы о правилах Совета Европы о пробации, 2010 г. В настоящей статье наиболее подробно проанализированы только некоторые из перечисленных документов.

Одним из таких документов являются Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (далее – Токийские правила, Правила) [5, с. 100–113]. Рекомендации, указанные в Токийских правилах, играют важную роль при конструировании положений законодательства РФ и практики в области основ организации служб пробации. Раздел 10 Токийских правил указывает на то, что если какая-либо не связанная с тюремным заключением мера предусматривает надзор, то он осуществляется компетентным органом в соответствии с конкретными условиями, предусмотренными законом (п. 10.2). Цель надзора состоит в том, чтобы сократить рецидивы правонарушений и содействовать такому включению правонарушителя в жизнь общества, который свел бы к минимуму вероятность повторного совершения преступлений (п. 10.1).

Определяя режим обращения, Токийские правила указывают, что обращение обеспечивается про-

фессиональными работниками, имеющими надлежащую подготовку и практический опыт (п. 13.2). При принятии решения о необходимости соответствующего обращения прилагаются усилия для ознакомления с биографией, личностью, наклонностями, уровнем умственного развития, системой ценностей и особенно с обстоятельствами, которые привели к совершению правонарушения (п. 13.3). Требования к сотрудникам определены Главой VI Токийских правил. В частности, предусматривается, что лица, назначаемые для применения не связанных с тюремным заключением мер, должны обладать соответствующими личными качествами и, по возможности, надлежащей профессиональной подготовкой и практическим опытом. Такие требования должны быть четко определены (п. 15.2). До поступления на службу персонал проходит подготовку, включающую инструктаж о характере мер, не связанных с тюремным заключением, о целях надзора и различных способах применения не связанных с тюремным заключение мер (п. 16.2). После поступления на службу персонал поддерживает и совершенствует свои знания и профессиональные навыки путем прохождения подготовки без отрыва от службы и на курсах повышения квалификации. Для этой цели обеспечиваются необходимые условия (п. 16.3).

При наборе персонала не допускается какая-либо дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, религии, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения или иного статуса. Политика набора персонала должна учитывать национальную политику квотного набора и отражать разнообразие правонарушителей, подлежащих надзору.

Международно-правовые документы предусматривают и положения, касающиеся нагрузки персонала. Так, п. 13.5 Токийских правил устанавливает, что число находящихся на рассмотрении дел по возможности поддерживается на поддающемся контролю уровне для обеспечения эффективного выполнения программ, связанных с обращением с правонарушителями.

Важно разъяснить персоналу его обязанности в отношении возвращения правонарушителя к нормальной жизни в обществе, обеспечения прав правонарушителя и защиты общества. Подготовка также должна способствовать пониманию персоналом необходимости взаимодействия и координации деятельности с соответствующими учреждениями, которым поручено применение не связанных с тюремным заключением мер, другими органами, учреждениями социального развития и обеспечения.

В Токийских правилах также указывается на необходимость участия общественности в реализации мер без изоляции осужденных от общества. Компетентный орган может привлекать общественность и системы общественной поддержки к применению мер, не связанных с тюремным заключением (п. 13.4). Права и пособия, предоставляемые существующими системами социальной защиты, не должны ограничиваться наложением или применением общинных наказаний или мер (правило 28). Если исполнительный орган имеет право привлекать для оказания ему помощи в форме надзора на платной основе организации или частных лиц из соответствующей общины, ответственность за обеспечение выполнения настоящих Правил лежит на исполнительном органе. Исполнительный орган решает, какие следует предпринять шаги, если оказанная таким образом помощь не отвечает его требованиям.

Немаловажно уделять внимание развитию научного сотрудничества между странами в области применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, которое бы проявлялось в проведении совместных исследований, подготовке кадров, оказании информационной и технической помощи. Следует регулярно проводить конференции, семинары, симпозиумы и другие мероприятия, чтобы содействовать осознанию общественностью необходимости ее участия в деле применения не связанных с тюремным заключением мер (п. 18.2).

Следующим документом являются принятые 19 октября 1992 г. Комитетом Министров Рекомендации R(92)16 о Европейских правилах исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителя от общества [6, с. 114–132]. Широкий круг вопросов, затронутых в этих Правилах, свидетельствует о его значимости и месте в системе международных стандартов. Особое внимание уделяется социальным преимуществам и недостаткам использования мер без изоляции правонарушителя от общества, предлагаются правила поведения персонала, который ответствен за их исполнение. Некоторые положения, получившие свое закрепление в Европейских правилах исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителя от общества, уже упоминались в этой работе ранее. При наборе, отборе и продвижении по службе персонала не должно быть дискриминации из-за расовой принадлежности, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических или иных убеждений, этнического или социального происхождения, статуса, связанного с имуществом или рождением, а также иного статуса. Работники должны обладать необходимыми качествами и квалификацией для выполнения своих обязанностей (правило 37). Персонал, ответственный за исполнение наказаний, должен пройти соответствующее обучение и владеть информацией, что поможет ему адекватно относиться к специфической сфере своей деятельности, ежедневным обязанностям и этическим требованиям, предъявляемым работой. Персонал обязан регулярно повышать свою профессиональную компетентность с помощью дальнейшего обучения и системы оценки и анализа качества его работы (правило 39). В дополнение к ним, Правила устанавливают, что:

- штатный персонал, ответственный за исполнение наказаний, должен быть достаточным в количе-

ственном отношении для эффективного выполнения, возложенных на него обязанностей (Правило 38);

- должна обеспечиваться профессиональная и личностная преемственность кадров (Правило 40);

- статус с учетом условий работы должен быть равным статусу других профессиональных сотрудников (Правило 40);

- персонал должен быть подотчетен установленному законом органу власти, ответственному за исполнение судебных решений (Правило 41).

Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 10.09.1997 N R(97)12 «О персонале, исполняющем общественные санкции и меры» [7, с. 133–145]. Несмотря на то, что в документе упоминаются сотрудники тюремных учреждений, он в целом имеет непосредственное отношение к исполнению альтернативных наказаний. Рекомендация закрепляет, что удовлетворительное исполнение общественных санкций и мер требует наличия компетентного, квалифицированного и преданного своей работе персонала для достижения целей применяемых санкций и мер. Также указывается, что численность персонала должна быть достаточной, но какой именно каждое государство решает самостоятельно, учитывая те или иные факторы. Это, на мой взгляд, правильное установление, позволяющее варьировать отношение количества персонала к количеству лиц, к которым применяются меры без изоляции от общества, в каждом отдельном случае.

Достижение различных целей санкций и мер требует более тесного сотрудничества между персоналом, ответственным за их осуществление, поэтому набирать и отбирать персонал желательно в соответствии с квалификацией и качествами личности и характера, которые подходят для выполнения различных задач. Персонал должен иметь возможность постоянно повышать уровень своих знаний и профессионального мастерства, в том числе за счет привлечения специалистов, не принадлежащих к структуре, организующей обучение сотрудников. Это очень важно, так как привлечение специалистов извне способствует достижению наиболее беспристрастного, объективного, творческого и компетентного результата.

Сотрудничество между служащими различных учреждений, ответственными за осуществление наказаний и мер, будет более плодотворным, если они будут обмениваться опытом, который в дальнейшем найдет применение в их работе.

И наконец, важно точно определить этические основы работы персонала, который отвечает за исполнение мер, не связанных с изоляцией правонарушителя от общества.

Ряд норм, содержащихся в Рекомендации, уже внедрены в российское законодательство, а остальные могут стать частью нашей правовой системы при наличии соответствующих социально-правовых и экономических условий.

Завершающим документом будет Рекомендация No Rec (2010)1 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о Правилах Совета Европы о пробации [8, с. 625–648]. Эти правила являются руководством для создания и эффективного функционирования служб пробации, что делает их обязательными при изучении вопросов исполнения альтернативных видов наказаний.

В соответствии с Правилами о пробации службы пробации должны соответствовать ряду требований: иметь определенный статус и признание в обществе; обеспечиваться всеми необходимыми ресурсами; находиться в подчинении государственных органов; взаимодействовать с государственными или частными организациями и местными органами самоуправления; подвергаться инспектированию и общественному мониторингу; деятельность служб должна отвечать самым высоким национальным и международным этическим и профессиональным стандартам.

Примечательно, что Правила предусматривают наличие объективной процедуры обжалования деятельности служб пробации. Такой своего рода «сдерживающий» механизм минимизирует возможность принятия несправедливых, поспешных и не соответствующих действительности решений, повышая эффективность работы службы. Служба пробации должна работать так, чтобы завоевать уважение других правоохранительных органов и общества благодаря статусу и работе сотрудников службы пробации. Соответствующие органы должны способствовать достижению этой цели, обеспечивая службу необходимыми ресурсами, качественным подбором и комплектованием кадрами, адекватным денежным содержанием сотрудников и хорошим руководством.

Сотрудники должны получить соответствующую подготовку и использовать в работе знания в области юриспруденции, этики, организации, современные методики и кодекс поведения.

Сотрудники, которые работают или будут работать с осужденными, совершившими специфические преступления, должны получить специальную подготовку. Очевидно, что в таких случаях как раз и потребуются специальные навыки и умения в разных областях знаний, которые можно получить за счет привлечения специалистов извне.

В процессе подготовки следует уделять особое внимание осужденным и по возможности жертвам, которые могут создавать определенные проблемы или испытывают некоторые трудности.

Руководство должно обеспечить качество работы службы пробации путем организации работы персонала, должным вниманием и его мотивацией. Сотрудники должны нести ответственность за свою работу.

В учреждениях должна быть создана обстановка, при которой руководители советуются с сотрудниками по вопросам, касающимся профессиональной деятельности и условий работы.

Все службы пробации должны составлять официальные, точные и своевременные отчеты о своей

работе, которые являются важным средством обеспечения подотчетности.

Учитывая задачи, решаемые персоналом, и роль в обеспечении общественной безопасности, условия их работы признаются исключительно сложными, а труд весьма важным и нужным. Поэтому службы пробации должны заботиться о тщательном отборе персонала всех категорий, поскольку хорошая работа структур зависит от добросовестности, гуманности, компетентности и личных качеств сотрудников.

Государство должно выделять средства, необходимые для проведения исследований и оценки эффективности деятельности служб пробации, осознавая необходимость их существования. Именно при наличии должного внимания со стороны государства, службы пробации смогут адекватно существовать в условиях постоянного изменения общественных потребностей.

Таким образом, анализ рассмотренных международных документов позволяет сформулировать основные направления по совершенствованию организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций в России. Во-первых, следует разработать и нормативно закрепить правовой статус сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Во-вторых, штатная численность сотрудников уголовно-исполнительных инспекций должна рассчитываться не только в зависимости от среднесписочной численности осужденных. В основу расчета штатной численности должна быть заложена и трудоемкость выполняемых сотрудниками функций. Штатное расписание уголовно-исполнительных инспекций должно предусматривать не только инспекторов, исполняющих приговор суда, но и социальных работников, психологов, а также инженерно-технический персонал [9, с. 70–75]. В-третьих, следует возродить существовавшее в советское время тесное взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с общественностью, в том числе и общественное инспектирование [9, с. 70 -75].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уткин В.А.* Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: первоначальный этап проекта. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации. Материалы Международной конференции. М.: PRI, 2001. 267 с.
2. *Уткина С.С.* Органы «пробации» в контексте международно-правовых стандартов. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации. Материалы Международной конференции. М.: PRI, 2001. 267 с.
3. *Хуторская Н.Б.* Организация и деятельность службы пробации за рубежом. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации. Материалы Международной конференции. М.: PRI, 2001. 267 с.
4. *Коровин А.А., Хуторская Н.Б.* Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций на основе реализации европейских стандартов и зарубежного опыта. М.: PRI, 2011. 151 с.
5. *Стандартные* минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: сб. нормативно-правовых актов / под ред. О.В. Филимонова. М.: PRI, 2002. 332 с.
6. *Рекомендация* Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания. Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: сб. нормативно-правовых актов / под ред. О.В. Филимонова. М.: PRI, 2002. 332 с.
7. *Рекомендации* Комитета Министров Совета Европы о персонале, исполняющем альтернативные санкции и меры, 1997 г. Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: сб. нормативно-правовых актов / под ред. О.В. Филимонова. М.: PRI, 2002. 332 с.
8. *Рекомендации* Комитета Министров Совета Европы о правилах Совета Европы о пробации, 2010 г. Российское уголовно-исполнительное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / Е.А. Антонян, А.В. Бриллиантов, А.Я. Гришко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2011. 792 с.
9. *Ольховик Н.В.* Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Уголовная юстиция. 2013. № 1(1). С. 70–75.

INTERNATIONAL LEGAL BASIS OF PROBATION SERVICE ACTIVITY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 56–60. DOI 10.17223/23088451/9/11

Daniil A. Olkhovik, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mr.olxov@mail.ru

Keywords: penal law, alternatives to imprisonment, probation service, legal status of probation officer.

The author has studied the main provisions of international legal documents on punishments and measures not related to deprivation of liberty in terms of the regulation of the legal status and activities of probation services for the execution of punishments and measures without isolating the convict from society. The problems of recruitment for probation departments as well as professional training and promotion of probation officers have also been analysed. According to international documents, probation services should be provided with all the necessary resources, interact with public or private organisations and local governments, undergo public inspections and monitoring, and their employees must meet the highest national and international ethical and professional standards. Nowadays, probation services and their employees do not have to meet all of the listed requirements. The author brings up proposals on development and normative consolidation of the legal status of probation officers, their selection and placement, as well as retraining and advanced training. The author reaffirms the existing opinion on the need to increase the number of probation services, which should be calculated not only according to the average number of convicts, but also considering employees' labour intensity. The paper also substantiates the necessity to revive close interaction of the probation services with the public, including public inspections.

REFERENCES

1. Utkin, V.A. (2001) Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Rossiyskoy Federatsii: pervonachal'nyy etap proekta [Alternatives to imprisonment in the Russian Federation: the initial phase of the project]. In: *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Rossiyskoy Federatsii* [Alternatives to imprisonment in the Russian Federation]. Moscow: PRI.
2. Utkina, S.S. (2001) Organy "probatsii" v kontekste mezhdunarodno-pravovykh standartov [The probation bodies in the context of international legal standards]. In: *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Rossiyskoy Federatsii* [Alternatives to imprisonment in the Russian Federation]. Moscow: PRI.
3. Khutorskaya, N.B. (2001) Organizatsiya i deyatel'nost' sluzhby probatsii za rubezhom [Organisation and operation of the probation service abroad]. In: *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Rossiyskoy Federatsii* [Alternatives to imprisonment in the Russian Federation]. Moscow: PRI.
4. Korovin, A.A. & Khutorskaya, N.B. (2011) *Pravovoe regulirovanie i organizatsiya deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy na osnove realizatsii evropeyskikh standartov i zarubezhnogo opyta* [Legal regulation and organisation of activity of probation services on the basis of the European standards and foreign experience]. Moscow: PRI.
5. UNO. (2002) Standartnye minimal'nye pravila Organizatsii Ob"edinennykh natsiy v otnoshenii mer, ne svyazannykh s tyuremnym zaklyucheniem (Tokiyskie pravila) [United Nations Standard Minimum Rules for Non-Custodial Measures (Tokyo Rules)]. In: Filimonov, O.V. (ed.) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy* [Organizational and legal bases of the probation service activity]. Moscow: PRI.
6. EU. (2002a) Rekomendatsiya Komiteta ministrov gosudarstvam – chlenam otnositel'no Evropeyskikh pravil po primeneniyu obshchestvennykh sanktsiy i mer vzyskaniya [Recommendation of the Committee of Ministers to member-states on the European Regulations on the Application of Public Sanctions and Penalties]. In: Filimonov, O.V. (ed.) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy* [Organizational and legal bases of the probation service activity]. Moscow: PRI.
7. EU. (2002b) Rekomendatsii Komiteta ministrov Soveta Evropy o personale, ispolnyayushchem al'ternativnye sanktsii i mery, 1997 g. [Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe on personnel carrying out alternative sanctions and measures, 1997]. In: Filimonov, O.V. (ed.) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy* [Organizational and legal bases of the probation service activity]. Moscow: PRI.
8. EU. (2011) Rekomendatsii Komiteta ministrov Soveta Evropy o pravilakh Soveta Evropy o probatsii, 2010 g. [Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the rules of the Council of Europe on probation, 2010]. In: Antonyan, E.A., Brilliantov, A.V., Grishko, A.Ya. et al. *Rossiyskoe ugolovno-ispolnitel'noe pravo. V 2-kh t.* [Russian penal law. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Kutafin Moscow State Law University.
9. Olkhovik, N.V. (2013) Organization of penal inspectorate activities. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 1(1). pp. 70–75. (In Russian).

УДК 343.81 DOI 10.17223/23088451/9/12

А.М. Репьева

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Проводится исследование понятийного аппарата воздействия на осужденного, проблематика его содержательной части и особенностей применения в отношении несовершеннолетних осужденных с учетом личностных характеристик.

Ключевые слова: *меры воздействия, исправление, личность, несовершеннолетний осужденный.*

Проблематика эффективного применения мер воздействия на несовершеннолетнего осужденного в целях его исправления в местах лишения свободы на протяжении многих лет не раз становилась предметом научных изысканий [1–3]. Характерно, что в каждый временной период, указанный процесс осложнялся рядом объективных проблем. К примеру, в 2000–2006 гг. количество осужденных, находящихся в воспитательных колониях, превышало все разумные лимиты. Реформирование пенитенциарной системы позволило улучшить возможность более качественного, персонифицированного подхода к осужденным несовершеннолетним. Приведем пример. В 2003 г. в 62 воспитательных колониях содержался 16491 осужденный (в среднем порядка 250–300 человек в колонии), тогда как по состоянию на 1 января 2017 г. в 24 местах лишения свободы для несовершеннолетних – 1638 человек (в среднем 50–70 человек в колонии) [4].

Несмотря на такое сокращение количества несовершеннолетних, находящихся в изоляции, существующая система наказания по-прежнему вызывает нарекания. Обусловлено это, полагаем, излишней гуманизацией законодательства в отношении несовершеннолетних. Справедливо замечено, что «негативное влияние на уровень повторной преступности несовершеннолетних оказывает недостаточная эффективность мер государственного принуждения, в том числе действующей системы наказаний в отношении несовершеннолетних» [5, с. 70].

Необходимо отметить, что за сухой формулировкой «меры воздействия на несовершеннолетнего осужденного в местах лишения свободы» лежит целый комплекс проводимых мероприятий.

Полагаем необходимым определиться с понятийным аппаратом. Что же такое воздействие на осужденного и какова его содержательная особенность? Изучив нормативную правовую базу функционирования системы исполнения наказания, мы не встретили законодательного закрепления понятия меры воздействия и его составных элементов. Предположим, что начать стоит с осмысления данной категории с точки зрения этимологии и словообразования. Воздействовать – значит оказать влияние, добиться (-ваться) необходимого результата (к примеру, исправиться под воздействием коллектива) [6, с. 84]. Д.Н. Ушаков понимает под воздействием систему действий, имеющих целью повлиять на кого-либо, что-либо [7, с. 67].

Соответственно любое влияние, которое скажется на положительных изменениях в поведении подростка в местах лишения свободы, – это и будет одна из мер воздействия. Совокупность этих мер образует комплекс, систему воздействия. Стоит оговориться, что в качестве прямого указания Уголовно-исполнительный кодекс РФ [8] (далее – УИК РФ) в главе 15 закрепляет меры воспитательного воздействия, к которым относит: воспитательную работу (нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание), образование, применение мер поощрения и взыскания. Об остальных мерах можно судить лишь исходя из формулировки тех или иных статей и целей их применения.

В пенитенциарном словаре мы встретили определение мер профилактического воздействия, под которыми понимается правовое воспитание и обучение, профилактические беседы, официальное предостережение, профилактический учет, помощь в паспортизации предприятий, учреждений и организаций, криминологическая экспертиза, профилактическое предписание [9, с. 77]. Таким образом, не до конца понятно, какие же группы входят в меры воздействия на осужденного. Логично, что разработка подхода к их классификации будет положительно сказываться и на содержательном аспекте данных мер и их воплощении в жизнь.

Полагаем, воздействие на личность несовершеннолетнего в местах лишения свободы должно осуществляться на двух уровнях: общесоциальном и специально-криминологическом [10, с. 30–31]. В специально-криминологическом воздействии на преступность возможно выделить три формы воздействия, а именно: криминологическое предупреждение (профилактику) преступлений, уголовно-исполнительное, постпенитенциарное.

В дальнейшем, определившись с комплексом мер воздействия, для того чтобы понять, какие из них конкретно и в каком объеме необходимо применять к осужденному-индивиду, необходимо глубокое изучение его личности. Этому вторит ряд положений нормативных правовых актов. Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний

уголовно-исполнительной системы (далее – Правила) [11] содержат норму, что процесс отбывания наказания подростком начинается с необходимости изучения его личности. К примеру, решение о распределении несовершеннолетних осужденных по отрядам принимается с учетом полученных данных об индивидуально-психологических особенностях.

В сфере криминологов общеизвестно, что личность преступника выступает в совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в ней в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми [12, с. 108].

Следовательно, все меры воздействия, осуществляемые в отношении несовершеннолетнего в местах лишения свободы, должны исходить из формирования мировоззрения подростка на присущих психологических особенностях трем основным социальным «Я»:

- Я – индивид;
- Я – подросток;
- Я – преступник.

И если первые две «Я» с помощью мер воздействия необходимо просто корректировать, то последнее «Я» должно быть полностью ликвидировано. Данный довод подтверждается тем фактом, что итогом работы сотрудников системы исполнения наказания в виде лишения свободы с подростком должна быть подготовка и введение в социум вне колонии полноправного его члена. И именно этот факт, как указывает ряд ученых [13, с. 121], говорит о положительных результатах деятельности воспитательных колоний.

Итак, составляющую «Я – индивид» можно уяснить, исходя из уровня образования подростка, его отношений в семье, воспитания, круга общения, интересов и стремлений.

«Я – подросток» – наиболее сложная составляющая, ей присущи эмоциональная нестабильность, неудовлетворенность собой [14, с. 49], депрессия, давление сверстников, стремление к подражанию, участие, зачастую, в преступных группах заодно.

«Я – преступник» – формируется исходя из поведения в местах лишения свободы, факторов, влияющих на исправление:

- участие в самодеятельности;
- положения, занимаемого в иерархии несовершеннолетних осужденных;
- стремления к условно-досрочному освобождению;
- содержанию переписки с семьей и друзьями и др.

Как указывают психологи, характер человека определяется следующим образом: 50 % обусловлено генетическим «наследством», 50 % зависит от воспитания. Между тем есть объемная составляющая факторов извне, окружающей среды, которые влияют на формирование особенностей характера ребенка. Соответственно выстраивать комплекс мер воздействия необходимо с учетом исследования вышеуказанных трех составляющих, каждая из которых включается в присущую ей специфику, формируя вкупе характер.

С учетом указанного выше, на наш взгляд, необходимо сформировать ряд предложений, которые бы послужили основой для более детального и глубокого исследования личности несовершеннолетнего в местах лишения свободы и подбора действенных мер воздействия на его исправление:

- тщательная работа сотрудников воспитательной колонии по сбору информации о микроклимате среди осужденных в отрядах, о возникающих конфликтных ситуациях и противоречиях;
- переработка существующих программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала воспитательных колоний (здесь речь должна вестись не только о наличии соответствующего образования, но и о периодической психолого-педагогической подготовке с учетом особенностей личности несовершеннолетнего);
- формирование в сознании сотрудников уголовно-исполнительной системы вдумчивого анализа поведения подростков в местах лишения свободы и с учетом полученных данных – более тщательного подхода к изучения его личности;
- внесение корректировок в пенитенциарное законодательство относительно более детальной регламентации обязанностей учреждений, исполняющих наказание (стоит сказать, что на это уже обращалось внимание учеными) [15, с. 127–130]. К примеру, вызывает удивление оговорка в законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» относительно того, что «сотрудники учреждения уголовно-исполнительной системы проходят подготовку в целях обеспечения соблюдения прав, свобод и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, являющихся инвалидами» [16]. Почему-то данное упоминание лишь в рамках отдельной категории – инвалиды. И понятно, что такое преимущественное право данного, социально незащищенного слоя нашего населения абсолютно оправдано [17, с. 104]. Однако нельзя не обратить внимание на то, что требования по обязательности прохождения подготовки сотрудников, работающих с несовершеннолетними осужденными, необходимо в не меньшей, а может быть даже большей степени;
- «раскрепощение отношений» [18, с. 130–131] между подростком и сотрудником воспитательной колонии с целью формирования системы взаимного доверия.

Стоит сказать, что без учета вышеуказанных мероприятий не представляется возможным поставить в центр внимания личность несовершеннолетнего осужденного и, как следствие, сформировать эффективную систему мер воздействия на несовершеннолетнего осужденного, чтобы добиться самой основной цели, наиболее интересной для общества и го-

сударства – исправления подростка. Отметим, что та работа, о которой идет речь, будет актуальна и в свете реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. [19]. Здесь имеется в виду развитие социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения их ресоциализации, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сизый А. Ф., Синичкин А. А.* Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: монография. Чебоксары: Изд-ль В.С. Шипилевский, 2005. 246 с.
2. *Матвеенко Е.В.* Общественное воздействие как средство исправления несовершеннолетних осужденных: дис. … канд. пед. наук. Рязань, 2000. 242 с.
3. *Гумирова Г.Ф.* Правовые и психологические аспекты оптимизации исправления осужденных к лишению свободы несовершеннолетнего возраста: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2009. 216 с.
4. *Характеристика* лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних [Электронный ресурс]. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka %20v %20VK. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 12.01.2017).
5. *Репьев А.Г.* Правовые запреты и ограничения в отношении несовершеннолетних, помещаемых в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: от теории к практике // Алтайский юридический вестник. 2016. № 14. С. 67–71.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1993. 944 с.
7. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
8. *Уголовно-исполнительный* кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 28.11.2015, с изм. от 15.11.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства. 1997. № 2. Ст. 198; 2016. № 48 (часть III). Ст. 6839.
9. *Юридический* словарь для сотрудников пенитенциарной системы / под ред. А.В. Малько, Р.А. Ромашова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. 210 с.
10. *Варыгин А.Н.* Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 389 с.
11. *Об утверждении* Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 06.10.2006 № 311 (в ред. от 15.08.2016) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 44; 2016. № 37.
12. *Эминов В.Е., Антонян Ю.М.* Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 107–112.
13. *Данилин Е.М., Давыдова Н.В., Евдокимов И.В., Махиборода Н.И.* Как оценить деятельность воспитательных колоний // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 120–125.
14. *Варыгин А.Н., Григорян З.М.* Криминологический анализ убийств, совершаемых несовершеннолетними // Юридическая наука. 2011. № 3. С. 46–53.
15. *Громов В.Г.* Обязанности исправительных учреждений // Современное право. 2013. № 4. С. 127–130.
16. *Об учреждениях* и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (в ред. от 28.12.2016) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; Российская газета. 9 янв. 2017.
17. *Репьев А.Г.* Социальная функция института правовых преимуществ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 4 (36). С. 105–108.
18. *Громов В.Г., Рывкина А.М., Свиркина С.О.* Профилактика преступлений несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях: учеб. пособие. М.: Изд-во «Ирис групп», 2010. 146 с.
19. *О Концепции* развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (в ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544; 2015. № 40. Ст. 5581.

PECULIARITIES OF TREATMENT OF MINORS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 61–64. DOI 10.17223/23088451/9/12

Anna M. Repyeva, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russia). E-mail: anna-repeva@yandex.ru

Keywords: correctional measures, correction, personality, juvenile convict.

Nowadays, gradual decrease of recidivism among minors and improvement of the criminal situation on the whole requires a properly arranged system of correctional measures in places of deprivation of liberty. However, despite the sufficient number of research papers devoted to this issue, there is still no consensus on the conceptual apparatus and the substantive component of the concept of “correctional measures for minor convicts in places of deprivation of liberty.” Basing on etymology, word formation and legislative consolidation, the author comes to the conclusion that any impact that will lead to positive changes in the behaviour of adolescents in places of deprivation of liberty is considered a correctional measure, forming a scope of measures in total. It would be incorrect, within the framework of the issue under consideration, not to dwell on the approach to the scope of correctional measures applied to minors in places of deprivation of liberty, irrespective of individual characteristics. Suppose that the formation of the worldview of a teenager with inherent psychological characteristics occurs within the framework of three basic social “I’s”: I am an individual; I am a teenager; I am a criminal. This approach involves identifying the factors that affect

the change of each "I", their deep analysis and comprehension for the purpose of further elimination or adjustment. Undoubtedly, this goal cannot be achieved without a number of proposals that would serve as the basis for a more detailed and in-depth study of the minor's personality in places of deprivation of liberty. Consequently, this will have a positive effect on the selection of the most effective correctional measures. Such proposals may include: more careful work of the educational staff to collect information on the microclimate among the convicts in the detachments, on emerging conflicts and contradictions; the development of a program of training, retraining and advanced training of the personnel of educational colonies; a more thorough approach to the study of the adolescent's personality in the daily activities of staff of educational colonies; making adjustments to the penal law regarding more detailed regulation of the duties of institutions executing punishment of minors; the formation of a system of mutual trust between a teenager and an employee of an educational colony.

REFERENCES

1. Sizyy, A.F. & Sinichkin, A.A. (2005) *Otsenka stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Estimation of the degree of correction of prisoners sentenced to deprivation of liberty]. Cheboksary: V.S. Shipilevskiy.
2. Matveenko, E. V. (2000) *Obshchestvennoe vozdeystvie kak sredstvo ispravleniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh* [Public influence as a means of correcting juvenile convicts]. Pedagogy Cand. Diss. Ryazan.
3. Gumirova, G.F. (2009) *Pravovye i psikhologicheskie aspekty optimizatsii ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody nesovershennoletnego vozrasta* [Legal and psychological aspects of optimisation of correction of minor convicts sentenced to deprivation of liberty]. Law Cand. Diss. Samara.
4. Federal Penitentiary Service of Russia. (n.d.) *Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh* [Characteristics of persons held in educational colony for minors]. [Online] Available from: http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/. (Accessed: 12th January 2017).
5. Repyev, A.G. (2016) Pravovye zaprety i ogranicheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh, pomeshchaemykh v spetsial'noe uchebno-vospitatel'noe uchrezhdenie zakrytogo tipa: ot teorii k praktike [Legal prohibitions and restrictions in respect of minors placed in a special educational institution of a closed type: from theory to practice]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. 14. pp. 67–71.
6. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1993) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Ushakov, D.N. (2014) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Adelant.
8. Russian Federation. (2016) Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ (v red. ot 28.11.2015, s izm. ot 15.11.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2016) [The Penal Code of the Russian Federation No. 1-FZ of January 8, 1997, (as amended of November 28, 2015, as amended on November 15, 2016) (as amended and supplemented, effective from January 1, 2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 2. Art. 198.
9. Malko, A.V. & Romashov, R.A. (eds) (2013) *Yuridicheskiy slovar' dlya sotrudnikov penitentsiarnoy sistemy* [The Legal Dictionary for the Staff of the Penitentiary System]. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
10. Varygin, A.N. (2003) *Prestupnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del i problemy vozdeystviya na nee* [Criminality of employees of law enforcement bodies and problems of its treatment]. Law Dr. Diss. Saratov.
11. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2016) On approval of the rules of internal regulations of the educational colonies of the penitentiary system: Order No. 311 of the Ministry of Justice of Russia of October 6, 2006, (as amended on August 15, 2016). *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti – Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Bodies*. 44. (In Russian).
12. Eminov, V.E. & Antonyan, Yu.M. (2015) Lichnost' prestupnika i ee formirovanie [The personality of the criminal and its formation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 1. pp. 107–112.
13. Danilin, E.M., Davydova, N.V., Evdokimov, I.V. & Makhiboroda, N.I. (2014) Kak otsenit' deyatel'nost' vospitatel'nykh koloniy [How to evaluate the activity of educational colonies]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology*. 3. pp. 120–125.
14. Varygin, A.N. & Grigoryan, Z.M. (2011) Kriminologicheskiy analiz ubiystv, sovershaemykh nesovershennoletnimi [Criminological analysis of murders committed by minors]. *Yuridicheskaya nauka*. 3. pp. 46–53.
15. Gromov, V.G. (2013) Obyazannosti ispravitel'nykh uchrezhdeniy [Duties of correctional institutions]. *Sovremennoe pravo*. 4. pp. 127–130.
16. Russian Federation. (1993) On institutions and bodies that carry out criminal penalties in the form of deprivation of liberty: Law No. 5473-1 of the Russian Federation of July 21, 1993, (as amended on December 28, 2016)]. *Vedomosti SND i VS RF*. 33. Art. 1316.
17. Repyev, A.G. (2014) Sotsial'naya funktsiya instituta pravovykh preimushchestv [Social function of the institute of legal advantages]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 4(36). pp. 105–108.
18. Gromov, V.G., Ryvkina, A.M. & Svirkina, S.O. (2010) *Profilaktika prestupleniy nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'nykh koloniyakh* [Prevention of crimes of minors in educational colonies]. Moscow: Iris grupp.
19. Russian Federation. (2010) On the concept of the development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020: Decree 1772-r of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 (as amended on September 23, 2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 43. Art. 5544. (In Russian).

УДК 343.8 DOI 10.17223/23088451/9/13

О.Н. Уваров

ОБ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, СВЯЗАННОЙ С УПРАВЛЕНИЕМ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Началом исполнения запрета на занятие деятельностью по управлению транспортными средствами является факт изъятия документа, предоставляющего осужденному право на это занятие (водительского удостоверения). Но в процессе исполнения назначенного судом наказания необходимо учитывать и факты управления осужденным транспортными средствами уже без водительского удостоверения, так как лишь в этом случае будет устранена юридическая и фактическая возможности нарушения запрета, назначенного осужденному судом.

Ключевые слова: *запрет заниматься деятельностью, запрет занимать должности, исполнение наказания, ЗЗД, лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством.*

В соответствии с ч. 1 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью включает в себя запрет занимать должности на государственной, муниципальной службе либо запрет на занятие определенной профессиональной или иной деятельностью. При этом если для своего исполнения запрет на занятие государственных или муниципальных должностей, при условии, что действующее законодательство прямо указывает на такие должности, достаточно конкретен, то запрет на профессиональную или иную деятельность, не имея реального нормативного определения, не предоставляет такой возможности. Однако, учитывая, что в данном случае запрещена может быть профессиональная деятельность вполне логично предположить, что эта деятельность, обусловлена выполнением осужденным определенной трудовой функции. В свою очередь, согласно ст. 15 ТК РФ, трудовыми являются отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о выполнении работником определенной трудовой функции на определенных условиях. При этом такой трудовой функцией может быть деятельность работника, связанная с работой по должности, по профессии или по специальности [1, с. 34]. Таким образом, профессиональная деятельность ничто иное, как род занятий, выполняемый физическим лицом за плату по определенной специальности либо квалификации в соответствии с законодательством о труде. При этом запрет на занятие профессиональной деятельностью исполняется аналогично запрету на занятие должностей на государственной или муниципальной службе. В этом случае имеется в виду запрет на занятие осужденным тех должностей, которые могут исполняться при наличии определенной профессии, занятие которой ему временно запрещено судом.

Таким образом, если профессиональная деятельность непосредственно связана с родом занятий по месту работы осужденного, то его «иная» деятельность может осуществляться соответственно и не в связи с указанными занятиями последнего. Иная деятельность в широком смысле – это любая постоянная или периодическая деятельность осужденного. Однако, как представляется, наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью должно ограничивать осужденного в той деятельности, в которой он проявляет криминальную активность. Исходя из этого понятие «иная деятельность» следует рассматривать в узком смысле [2, с. 4], то есть в этом случае запрещать осужденному следует реализацию определенной части его прав, используя которые он совершил противоправные действия, за которые и получил соответствующее наказание. В таком аспекте «иные» права могут быть объектом наказания только в том случае, когда они были ранее специально предоставлены виновному каким-либо уполномоченным государственным органом [3, с. 125]. Кроме того, под «иной» понимается деятельность, которая требует специальной подготовки, навыков, знаний в конкретной сфере и при этом является нормативно урегулированной [2, с. 6]. Исходя из приведенных дефиниций, в качестве «иной» деятельности, на наш взгляд, должны выступать осуществляемые физическим лицом занятия, требующие специальной подготовки, навыков, знаний в сфере, требующей специального права, предоставленного установленным действующим законодательством порядком. Основное отличие «иной» деятельности от профессиональной заключается в том, что профессиональная деятельность может осуществляться лишь в соответствии с законодательством о труде, иная же деятельность может быть и не отрегулирована трудовым законодательством. Вместе с тем наличие определенных прав на занятие иной, в рассматриваемом аспекте, деятельностью может служить основанием для возникновения и трудовых отношений. Итак, «иная» деятельность, в любом случае, может осуществляться лишь на основе специального права (лицензии, права на ношение оружия, другого специального права) [4, с. 7], иных условий реализации такой деятельности выделено быть не может.

При этом лишение права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами бесспорно относится к «иной» деятельности, запрещаемой судом осужденному. Такой вывод обусловлен теми обстоятельствами, что осужденный, имея

это право, не обязательно будет выполнять работу по управлению транспортными средствами, однако он потенциально может выполнять такую трудовую функцию, но вместе с тем при отсутствии этого права – выполнять ее не может. Иными словами, наличие права на управление транспортными средствами не обусловливается лишь профессией, а может реализовываться и без трудовых отношений, например при управлении личным автомобилем.

Уголовный кодекс Российской Федерации (ч. 1 ст. 264 УК РФ), определяя наказания за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, относит к последним автомобили, трамваи и другие механические транспортные средства. При этом в примечании к статье прямо указано, что под другими механическими транспортными средствами понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право. В свою очередь, ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 10.12.1995 г. №196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» к транспортным средствам, на управление которыми предоставляется специальное право, относит автомобили; автомобили, сцепленные с прицепом; автобусы; сочлененные автобусы; трамваи; троллейбусы; мопеды и легкие квадроциклы; мотоциклы; трициклы и квадроциклы.

Необходимо отметить, что в связи с вопросами, возникающими по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, объединена практика судов и Пленумом Верховного Суда Российской Федерации вынесено постановление «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 9 декабря 2008 г. № 25. Пунктом 2 указанного постановления определено, что под механическими транспортными средствами следует понимать автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, квадрициклы, мопеды, иные транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право, а также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины. При этом в п. 12 постановления определено, что судам надлежит при вынесении приговоров о лишении права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами, указывать это в приговоре и информировать о назначении такого наказания соответствующее управление ГИБДД в субъекте Российской Федерации. Иными словами, понятия механического транспортного средства и транспортного средства, на управление которым в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

Таким образом, в практике применения и исполнения наказаний за нарушения правил эксплуатации транспортных средств легально существует два основных термина: во-первых, это категория транспорта, определяемая как механические транспортные средства, а во-вторых, категория, являющаяся транспортными средствами, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право. При этом термин «механические транспортные средства», определяя более широкое понятие, включает в себя транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право, а также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины. Кроме того, к категории «транспортные средства», в рассматриваемом аспекте, не может быть отнесен железнодорожный, воздушный, морской транспорт, внутренний водный транспорт и метрополитен, а также сюда не может быть причислен «немеханический транспорт», такой, например, как гужевой транспорт или велосипед.

При этом нельзя утверждать, что не предоставляется специальное право на управление тракторами, самоходными дорожно-строительными и иными самоходными машинами, или, например, на управление железнодорожным транспортом, воздушным, морским либо внутренним водным транспортом, а также поездами метрополитена. Однако перечисленные механические средства не относятся к транспортным средствам, на управление которыми специальное право предоставляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения, а исходя из этого, при запрете заниматься деятельностью, связанной непосредственно с этими видами транспорта, необходимо указывать в приговоре суда вид такого транспорта.

Рассматривая вопрос о назначении и исполнении наказания в виде запрета заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на то обстоятельство, что термин «транспортное средство» прямо применен в Постановлении Правительства РФ от 19.01.2008 г. №16, которым утвержден перечень работ, профессий, должностей, непосредственно связанных с управлением транспортными средствами или управлением движением транспортных средств. Однако он имеет совершенно иной правовой смысл. Это Постановление Правительства относится к главе 51 ТК РФ, определяющей особенности регулирования труда работников транспорта. Здесь определяется порядок приема на работу указанных работников, порядок прохождения ими медицинских осмотров, организации их рабочего времени, организации условий труда и возможностей совмес-

тительства, а также обеспечения отдыха. В этом аспекте рассматривается и железнодорожный, и воздушный, и морской транспорт, а также метрополитен, автомобили, трамваи, трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины. Вместе с тем указанные нормы регулируют трудовые отношения работодателя и работника, которые к исполнению наказания в виде запрета заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами отнесены быть не могут.

Исполнение наказания в узком смысле слова предполагает реализацию лишь тех ограничений, которые составляют конкретное содержание того или иного наказания, предусмотренного Уголовным кодексом [5, с. 15]. Наказание в узком смысле является комплексом правоограничений, который определяется правовыми основами как нормативными (групповыми), то есть предусмотренными законодательством, так и индивидуальными, то есть определяемыми приговором суда. Исходя из этого, вид запрещаемой осужденному деятельности должен определяться судом индивидуально в каждом конкретном случае.

В комментарии к ст. 33 УИК РФ, составленном авторским коллективом под руководством А.И. Зубкова [6, с. 300], указано, что если осужденный лишается, например, права управления транспортными средствами, права охоты, то заверенная выписка из приговора или его копия направляется уголовно-исполнительной инспекцией в органы и структуры, правомочные аннулировать разрешение на занятие соответствующим видом деятельности (в службу ГАИ), а также администрации общественных объединений, осуществляющих контроль за некоторыми видами деятельности (общества охотников и рыболовов). Эти структуры изымают у осужденного соответствующие документы (если они не были изъяты ранее) и заносят сведения о лишении права в банк данных. Вместе с тем закон под лишением рассматриваемых прав подразумевает устранение юридической и фактической возможности заниматься определенной деятельностью, а не лишение «прав» как документа.

Следует отметить, что общие идеи организации исполнения запрета на занятие определенной деятельностью, заложенные в УИК РФ, не претерпели кардинальных изменений в течение истекшего времени. Поэтому началом исполнения запрета на занятие деятельностью по управлению транспортными средствами является факт изъятия документа, предоставляющего осужденному право на это занятие (водительского удостоверения). Но в процессе исполнения назначенного судом наказания необходимо учитывать и факты управления осужденным транспортными средствами уже без водительского удостоверения, так как лишь в этом случае будет устранена юридическая и фактическая возможности нарушения запрета, назначенного осужденному судом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедев В.М., Агашев Д.В., Белинин А.А.* Трудовое право: учебник для студентов вузов / под ред. В.М. Лебедева. М.: НОРМА, 2011. 463 с.
2. *Литвина Е.С.* Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 24 с.
3. *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Бек, 1996. 560 с.
4. *Антонов С.М., Кайгородов А.А., Мелихова Т.Н, Ольховик Н.В., Пудовкин В.В., Теущаков Е.В., Уваров О.Н.* Исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 186 с.
5. *Уткин В.А.* Уголовно-исполнительное право: учеб.-методич. комплекс. 3-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 118 с.
6. *Комментарий* к гл. 6 (ст.ст. 33-38) УИК РФ // Комментарий к Уголовно–исполнительному кодексу Российской Федерации / руководитель авторского коллектива А.И. Зубков. М.: Зерцало, 1997. 870 с.

ON EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM DEPRIVATION OF THE RIGHT TO ENGAGE IN ACTIVITIES RELATED TO MOTOR VEHICLE DRIVING

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 65–68. DOI 10.17223/23088451/9/13

Oleg N. Uvarov, Penitentiary Inspections of Federal Penitentiary Service of Russia for Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prohibition to engage in activities, prohibition to occupy posts, execution of punishment, prohibition to be employed, prohibition on motor vehicle driving.

Execution of punishment in a strict sense implies the implementation of only those restrictions that constitute the specific content of a punishment provided for by the Criminal Code. Punishment in a strict sense is a complex of legal restrictions determined by legal bases, both normative (group), stipulated by law and individual, determined by the court decision. Proceeding from this, the type of activity prohibited for the convict must be determined by the court individually in each specific case. The general ideas of organising the implementation of the prohibition on engaging in certain activities according to the Penal Code of the Russian Federation have not undergone drastic changes over the recent time. Therefore, the enforcement of the prohibition on engaging in activities connected with motor vehicle driving starts with the withdrawal of the document granting the convicted person the right to this occupation (driving license). However, while executing the punishment imposed by the court, it is necessary to take into account the facts of the convict's driving without the driver's license, since only in this case the legal and factual possibilities of violating the prohibition imposed by the court will be eliminated.

REFERENCES

1. Lebedev, V.M., Agashev, D.V. & Belinin, A.A. (2011) *Trudovoe pravo* [Labour Law]. Moscow: NORMA.
2. Litvina, E.S. (2003) *Nakazanie v vide lisheniya prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoy deyatel'nost'yu* [Punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
3. Naumov, A.V. (1996) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow: Bek.
4. Antonov, S.M., Kaygorodov, A.A., Melikhova, T.N, Olkhovik, N.V., Pudovkin, V.V., Teushchakov, E.V. & Uvarov, O.N. (2012) *Ispolnenie nakazaniy i inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva* [Execution of punishments and other measures of a legal nature without isolation from society]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Utkin, V.A. (2011) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal Law]. 3rd ed. Tomsk: NTL.
6. Zubkov, A.I. (ed.) *Kommentariy k Ugolovno–ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Penal Code of the Russian Federation]. Moscow: Zertsalo.

УДК 343.8 DOI 10.17223/23088451/9/14

В.А. Уткин

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА: ОЧЕРК ИСТОРИИ

Освещаются основные этапы и особенности развития отечественной науки уголовно-исполнительного (пенитенциарного, исправительно-трудового) права в XX – начале XXI в. в различные социально-политические периоды. Выявляется связь науки и практики в процессе подготовки кодификаций отраслевого законодательства. Характеризуются основные научные школы в области уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: *научные основы исполнения наказаний, кодификации уголовно-исполнительного законодательства, научные школы в уголовно-исполнительном праве.*

В истории науки отечественного уголовно-исполнительного (исправительно-трудового, пенитенциарного) права можно выделить три основных социально-политических периода. Это досоветский (до 1917 г.), советский (с 1917 по 1991 г.) и постсоветский периоды (с 1991 г. и по настоящее время). В рамках каждого из них наука проходила ряд этапов, определявшихся в их основе кодификациями законодательства и изменениями в государственной политике в области применения (назначения и исполнения) уголовных наказаний.

В Российской империи конца XIX – начала XX в. наука об исполнении уголовных наказаний («тюрьмоведение») находилась на периферии отраслей юридических знаний и не представляла сколько-нибудь значимого интереса для общества. Само ее название свидетельствует, что, с одной стороны, она ограничивала свой предмет исполнением только одного из уголовных наказаний – лишения свободы. С другой стороны, эта наука выходила за рамки сугубо юридической, охватывая целый комплекс вопросов «тюремного дела»: от управления местами заключения до архитектуры «тюремных замков».

Узость юридической проблематики дореволюционного тюрьмоведения во многом порождалась тем обстоятельством, что обеспечение прав человека в местах лишения свободы в рассматриваемый период не расценивалось как сколько-нибудь значимое направление научных исследований, оставаясь прерогативой отдельных филантропов и попечительских обществ.

Значительное влияние на становление правовой составляющей российского тюрьмоведения на рубеже веков оказали решения международных тюремных конгрессов, в которых постоянно участвовали представители России. Со времен проведения Первого Международного тюремного конгресса в 1872 г. в Лондоне тюремные конгрессы, зародившиеся поначалу по инициативе частных лиц, приобрели статус формы межгосударственного сотрудничества в совершенствовании пенитенциарных систем, в развитии гуманистических начал деятельности мест заключения.

Второй Международный тюремный конгресс состоялся в 1878 г. в Стокгольме, а в 1840 г. участников Третьего Международного тюремного конгресса принял Санкт-Петербург. Впоследствии российские представители принимали активное участие в конгрессах, проходивших до Первой мировой войны в Париже (1895 г.), Брюсселе (1900 г.), Будапеште (1905 г.) и Вашингтоне (1910 г.) [1, с. 9].

Юридические аспекты тюрьмоведения поначалу исследовались в рамках науки уголовного права, а именно – науки об уголовном наказании – пенологии. Главными ее деятелями в рассматриваемый период стали профессора российских университетов.

Одним из первых российских ученых, рассматривавших вопросы теории уголовного наказания одновременно с проблемами его исполнения, был профессор И.Я. Фойницкий. В фундаментальном труде «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением» (1889 г.) он признавал относительную самостоятельность тюрьмоведения как особой отрасли политико-юридических наук, основанной на практическом опыте и стремящейся к философско-практическому осмыслению тюремной системы [2, с. 285–287].

Существенный вклад в формирование научных взглядов о мерах уголовного наказания и системе их исполнения внесли труды профессора С.В. Познышева. В его работах «Учение о карательных мерах и мере наказания» (1908 г.) и «Очерки тюрьмоведения» (1912 г.) содержится описание различных тюремных систем, предлагается прогрессивная система отбывания лишения свободы, основанная на историческом опыте исполнения этого наказания в разных странах.

Дореволюционные пенитенциаристы по-разному оценивали цели и возможности тюремного заключения и прежде всего применительно к исправлению осужденных. Одни авторы (Н.С. Таганцев, С.П. Мокринский и другие) считали нереальной в условиях тюремного заключения цель нравственного исправления осужденного. В своей работе «Наказание, его цели и предположения» (1902 г.) С.П. Мокринский писал, что по отношению к взрослому преступнику уголовная репрессия должна преследовать лишь цели психологического принуждения (устрашения), социального приспособления и механического обезвреживания [3, с. 23–30].

Другие (А.А. Жижиленко, С.В. Познышев и др.) полагали, что постановка вопроса о достижении цели исправления заключенных в условиях тюрьмы все же оправдана. При этом, как подчеркивал С.В. Познышев, само исправление должно пониматься реалистично: не превращение закоренелого вора в высоконравственного выдающегося человека, а формирование «социально-годного», способного жить непреступно, честным трудом.

Как известно, тема этой дискуссии актуальна и поныне.

В теории пенитенциарного дела в России в начале XX в. начинают формироваться научные основы развития системы мест лишения свободы, разрабатываются основы классификации преступников, принципы и способы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, использования элементов самоуправления осужденных, средств постпенитенциарной адаптации освобожденных.

Научной разработке правовых основ средств воздействия на осужденных был посвящен труд профессора А.А. Жижиленко «Наказание. Его понятие и отличие от иных правоохранительных средств» [4]. Автор убедительно показал, что применяемое в тюрьме воспитание, образование, арестантский труд, меры предупреждения и обеспечения дисциплины отличны от наказания по их правовой природе. Тем самым были заложены теоретические предпосылки того, что позднее в советской науке именовалось «карательно-воспитательным процессом».

Развитие отечественного тюрьмоведения в совокупности с практическими проблемами организации пенитенциарного дела побудили руководство Министерства юстиции организовать при Главном тюремном управлении специальные курсы для профессиональной подготовки руководящих работников тюремной системы. Программа курсов, рассчитанная на срок до полутора месяцев, включала широкий круг вопросов: основы уголовного права, учение о наказании, сравнительный анализ тюремных систем различных государств, основные начала государственного устройства России, организация судебной и тюремной систем, управление различными областями тюремной деятельности. Тем самым были сделаны первые шаги по использованию теоретических знаний в пенитенциарной практике.

Другим, не менее важным аспектом влияния науки на практику стало использование научных подходов в правотворчестве. Свидетельством этому стала, в частности, утвержденная Министерством юстиции в 1915 г. «Общая тюремная инструкция», исходящая в целом из гуманистических начал и основанная на позитивном опыте организации деятельности отечественных и зарубежных пенитенциарных учреждений.

Произошедший после Октябрьской революции слом царской системы тюрем, каторги и ссылки вовсе не означал, что Советская власть отказывается от уголовной репрессии. Многие вопросы науки в этот период возникали из непосредственных задач практики, но в большинстве случаев решались без должной теоретической основы, которая подменялась партийными установками. Впрочем, нельзя отрицать, что ряд таких установок носил гуманистический и весьма прогрессивный характер. Это касается прежде всего некоторых положений в области уголовной и исправительно-трудовой политики, содержавшихся в принятой в 1919 г. Программе РКП(б): осуществление в широких размерах условного осуждения, введение общественного порицания как меры наказания, замена лишения свободы обязательным трудом, замена тюрем воспитательными учреждениями.

Справедливости ради отметим, что применимость указанных выше средств обращения с преступниками оценивалась с позиций классового подхода. Не случайно одной из первых дискуссий, развернувшихся в 1918–1920 гг. (на фоне гражданской войны и «красного террора») на страницах первого советского юридического журнала «Пролетарская революция и право», была дискуссия о возможности исправления представителей эксплуататорских классов [5, с. 72–73].

Особенностью этапа становления советской науки об исполнении наказания в 20-е годы прошлого столетия было присутствие в ней двух групп пенитенциаристов. Первая – представители «старой школы», к числу которых относились профессора С.Я. Булатов, М.Н. Гернет, М.М. Исаев, С.В. Познышев. Перу последнего принадлежит, в частности, изданный в 1924 г. обширный труд «Основы пенитенциарной науки» [6]. М.М. Исаев в 1927 г. издал монографию «Основы пенитенциарной политики» [7].

Другая группа – практические работники, занимавшиеся одновременно вопросами теории, в том числе начальник Главного управления мест заключения НКВД РСФСР Е.Г. Ширвиндт, сотрудники ГУМЗ Ю. Бехтерев, М. Кесслер, Б. Утевский, В. Якубсон и другие.

В середине 20-х годов XX в. теоретические проблемы пенитенциарного дела, исправительно-трудовой политики и права довольно широко освещались в периодической печати, в том числе в журналах «Еженедельник советской юстиции», «Право и жизнь», «Рабочий суд», «Вестник советской юстиции». С 1923 г. НКВД РСФСР стал издавать журнал «Административный вестник», сыгравший важную роль в развитии науки исправительно-трудового права [8, с. 77].

Теоретические вопросы, возникавшие из потребностей практики, широко обсуждались и на съездах работников мест заключения. Первый Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела, состоявшийся в 1923 г. в Москве, обобщил и систематизировал достижения исправительно-трудовой науки и практики, рассмотрел и в целом одобрил проект первого советского Исправительно-трудо-

вого кодекса, принятого ВЦИК РСФСР в октябре 1924 г.

Вопросам проведения в жизнь положений этого кодекса был посвящен Второй Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела, проходивший в Москве в конце 1924 г.

Благодаря проведенной кодификации перед наукой исправительно-трудового права открылись новые перспективы. Существенно расширился ее предмет, поскольку ИТК 1924 г. наряду с лишением свободы, отбываемом в исправительно-трудовых учреждениях, регулировал также исполнение принудительных работ без содержания под стражей.

Дальнейшему развитию науки исправительно-трудового права способствовало создание в 1925 г. Государственного института по изучению преступности и преступника, в состав которого входила пенитенциарная секция. Результаты проводимых научных исследований публиковались в издаваемых в 1926–1929 гг. сборниках «Проблемы преступности». На базе одного из московских мест заключения было организовано экспериментальное пенитенциарное отделение по изучению преступности и преступника. Его задачей было установление научно-практическим путем наиболее рациональных методов воздействия на различные типы преступников применительно ко всем видам мест заключения, предусмотренным ИТК РСФСР.

Научные результаты, полученные институтом, имели важное значение для классификации осужденных и изучения их личности, для дифференциации и индивидуализации исполнения лишения свободы, в том числе в рамках прогрессивной системы его отбывания. Кроме того, изучались проблемы организации и эффективности принудительных работ, а также перспективы наказаний в виде высылки и ссылки для преступников-рецидивистов.

Развитию науки и привлечению к ней новых ученых способствовало введение в 1925–1926 гг. в число учебных дисциплин в юридических вузах курса пенитенциарного права. Этот шаг получил одобрение на Первом Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей в октябре 1928 г. В 1927 г. вышло первое учебное пособие Е.Г. Ширвиндта и Б.С. Утевского «Советское пенитенциарное право» [9]. Основное внимание в нем уделялось правовому регулированию деятельности исправительно-трудовых учреждений в соответствии с нормами ИТК РСФСР 1924 г., использованию труда, режима и культурно-воспитательной работы, а также правовому положению заключенных.

К началу 30-х годов в ходе научной работы по проблемам исполнения наказания окончательно определились наименование отрасли права – «советское исправительно-трудовое право» и соответствующей юридической науки – «наука советского исправительно-трудового права». С тех пор термин «пенитенциарный» не использовался в науке советского периода.

В подготовке проекта Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г. активное участие приняли ученые, в особенности – Б.С. Утевский. Научная идеология Кодекса была отражена в изданной в 1934 г. монографии «От тюрем к воспитательным учреждениям», подготовленной коллективом автором в составе Н.Д. Дурманова, Б.С. Утевского, А.Я. Эстрина и других. Общий фонд научной и учебной отечественной литературы по проблемам исполнения наказания к 1935 г. включал свыше 500 названий.

В последующий период, начиная с середины 30-х годов прошлого столетия, развитие науки исправительно-трудового права приостановилось. На все материалы в области исполнения наказаний (включая нормативные акты, данные статистики) ставились грифы ограниченного пользования. Прекратились плановые научные исследования, а центр разработки этих проблем – Институт уголовной и исправительно-трудовой политики – в 1935 г. был переименован в Институт уголовной политики [8, с. 85]. В 1937 г. его реорганизовали во Всесоюзный институт юридических наук, деятельность которого сводилась к комментированию правовых норм.

Отдельные ученые-пенитенциаристы (в том числе Е.Г. Ширвиндт) сами были репрессированы и попали в места заключения. Оставшиеся переключились на другую работу, поскольку доступ в систему ГУЛАГа и к материалам его деятельности был закрыт, а проявление к ней какого-либо интереса само по себе уже вызывало подозрения. Из учебных планов гражданских юридических учебных заведений курс исправительно-трудового права был исключен.

За эти годы в открытой печати не было опубликовано ни одной работы по проблемам исполнения наказания. Закрытой была и вся литература в учебных заведениях НКВД, МВД СССР. Немногие оставшиеся ученые-пенитенциаристы сосредоточили внимание на истории царской тюрьмы (М.Н. Гернет), буржуазной тюремной системе (Б.С. Утевский), вопросах Общей части уголовного права (Н.Д. Дурманов и др).

Развитие исправительно-трудового права как самостоятельной науки возобновилось во второй половине 50-х годов прошлого века в условиях восстановления начал законности и ликвидации наиболее одиозных и мрачных сторон ГУЛАГа.

Возобновлению научных исследований в области исполнения наказаний способствовало создание научно-исследовательского отдела МВД СССР и кафедры исправительно-трудового права в Высшей школе МВД СССР (1956 г.). Исправительно-трудовое право как учебная дисциплина стало преподаваться в отдельных общегражданских вузах (Саратовском юридическом институте, Томском государственном университете и др.). В 1958 г. исправительно-трудовое право было введено в качестве факультативной учебной дисциплины во всех юридических вузах.

Важным шагом в воссоздании науки исправительно-трудового права стала проведенная в 1957 г. в Высшей школе МВД СССР первая научно-практическая конференция с участием широкого круга ученых и практических работников. Аналогичные конференции были проведены в Томске (1959 г.) и Саратове (1960 г.). В середине 60-х годов подобные конференции и семинары общегосударственного или регионального уровня вошли в повседневную научную жизнь.

Принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1958 г.) и республиканских уголовных кодексов (УК РСФСР 1960 г.) поставило перед учеными и практиками цель разработки теоретических основ кодификации исправительно-трудового законодательства. В связи с этим активно обсуждались задачи и предмет будущего законодательства, его принципы, соотношение между общесоюзным и республиканским правовым регулированием, виды и задачи исправительно-трудовых учреждений, классификация осужденных, их правовое положение, порядок и условия отбывания наказаний, «связанных с исправительно-трудовым воздействием», перспективы «прогрессивной системы» отбывания наказаний.

Наряду с представителями «старой школы» (Б.С. Утевским, Е.Г. Ширвиндтом и др.) к исследованию проблем исполнения уголовных наказаний активно подключаются ученые нового поколения, в том числе бывшие фронтовики (В.П. Артамонов, Н.А. Беляев, И.С. Ной, Н.А. Стручков, А.Л. Ременсон, Ю.М. Ткачевский и др.) [10, с. 9,23,71,76,88].

Научные основы кодификации исправительно-трудового законодательства 1969–1971 гг. наиболее обстоятельно были разработаны Н.А. Стручковым и А.Е. Наташевым в монографии «Основы теории исправительно-трудового права» (1967 г.), Н.А. Беляевым в монографии «Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях» (1963 г.) и в докторской диссертации А.Л. Ременсона «Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных» (1965 г.).

Кодификация способствовала дальнейшему развитию исследований исправительно-трудовой проблематики [11, с. 42–48]. В исследования юристов все шире внедряются социологические методы (при том, что статистика и ряд нормативно-правовых актов оставались закрытыми для широкой общественности). Повсеместно возрастает внимание к педагогическому наследию А.С. Макаренко, начинают формироваться исправительно-трудовая педагогика и исправительно-трудовая психология.

В конце 60 – начале 70-х годов теория исправительно-трудового права окончательно сформировалась как отраслевая юридическая наука. Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР была сформирована единая научная специальность – уголовное право и криминология; исправительно-трудовое право.

Исследования проблем исполнения уголовных наказаний проводились в ряде научных учреждений и учебных заведений. Большинство из них находилось в системе МВД СССР. Координационным центром таких исследований (включая согласование тем докторских и кандидатских диссертаций) выступал ВНИИ МВД СССР, в составе которого работала лаборатория по проблемам исполнения наказаний и исправления осужденных («НИЛ-5»). Исправительно-трудовая проблематика находилась в центре научных изысканий кафедры управления органами, исполняющими наказания Академии МВД СССР.

Научные основы уголовно-исполнительной деятельности и распространение передового опыта исправительно-трудовых учреждений стояли в центре внимания Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников ИТУ (г. Домодедово).

Образованная в 1971 г. Рязанская высшая школа МВД СССР (ныне – Академия ФСИН России) сразу заняла одно из ведущих мест в исследованиях по исправительно-трудовой тематике. С середины 80-х годов научная работа развертывается в Уфимской высшей школе МВД СССР.

В разработке теоретических и отдельных прикладных проблем исполнения уголовных наказаний все более активное участие начинают принимать гражданские научно-исследовательские учреждения: ВНИИ советского законодательства (ВНИИ СЗ); ВНИИ Прокуратуры СССР; ряд высших учебных заведений. Среди последних ведущее место занял Томский государственный университет, в составе которого в 1972 г. была образована проблемная лаборатория по вопросам борьбы с рецидивной преступностью в Сибири – первое и единственное в системе гражданских вузов научное подразделение со столь специфическим направлением исследований [12, с. 459–460]. В 1978 г. появилась кафедра исправительно-трудового права и криминологии во главе с проф. А.Л. Ременсоном. Под его руководством здесь сложилось относительно самостоятельное и авторитетное научное направление – томская школа исправительно-трудового права. К числу ее представителей принадлежат такие известные ученые, доктора юридических наук, как В.А. Елеонский, Ю.В. Голик, А.И. Зубков, В.И. Зубкова, В.И. Селивёрстов, Л.М. Прозументов, В.А. Уткин, А.В. Усс, О.В. Филимонов, Н.В. Щедрин и другие.

Изучение проблем исполнения уголовных наказаний велось также в Московском и Ленинградском государственных университетах, Свердловском и Саратовском юридических институтах.

Особенностью научных исследований 70 – 80-х годов прошлого века было широкое использование экспериментов как в масштабе МВД в целом, так и на уровне отдельных регионов или даже отдельных учреждений в частности. При хороших результатах локальный или региональный опыт рекомендовался ко внедрению в общегосударственном масштабе. К

наиболее известным экспериментам такого рода следует отнести «Вологодский опыт» (система промежуточной педагогической аттестации осужденных), «Ярославский опыт» (создание укрупненных отрядов в исправительно-трудовых учреждениях), «Челябинский» (организация воспитательной работы в отдельном звене), «Кемеровский» (отработка строгого регламентированного внутреннего распорядка ИТУ), «Томский» (развитие трудовой и общественной активности осужденных на основе коллективных форм организации и оплаты труда) и другие.

Об интенсивности научных исследований в области исполнения наказания в рассматриваемый период говорит, в частности, то, что опубликованная в 1990 г. далеко не полная библиография изданных в 1969–1988 гг. в открытой печати научных работ по исправительно-трудовому праву содержит свыше 4,5 тыс. наименований. Среди наиболее значимых трудов нельзя не отметить двухтомник Н.А. Стручкова «Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части (1984 г.)» и «Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части (1985 г.)».

Требования исправительно-трудовой политики, запросы практики и перспективы развития исправительно-трудового законодательства определяли в тот период основные направления науки исправительно-трудового права. Теоретические основы исправительно-трудового законодательства, его принципы, структура и функции стали предметом основных научных изысканий В.П. Артамонова, Н.А. Беляева, Л.Г. Крахмальника, М.П. Мелентьева, А.Е. Наташева, Н.А. Стручкова, И.А. Сперанского. Коренные вопросы уголовной ответственности и ее реализации освещались в трудах Л.В. Багрий-Шахматова, В.А. Елеонского, В.И. Гуськова. И.С. Ноя, Ю.М. Ткачевского. Идеи А.Л. Ременсона о соединении наказания с мерами исправительно-трудового воздействия, о понятии и содержании карательно-воспитательного процесса оказали заметное влияние на теорию и последующее развитие исправительно-трудового права. Г.А. Туманов сосредоточил внимание на проблемах режима исполнения лишения свободы и управления в уголовно-исполнительной системе. Задачи научного обеспечения повышения эффективности исправительно-трудовых учреждений, предупреждения рецидивной преступности ставились и решались И.В. Шмаровым.

Значительный вклад в развитие науки исправительно-трудового права внес профессор А.И. Зубков, поначалу сосредоточивший свои главные научные интересы в сфере трудового перевоспитания осужденных в ИТУ. Углубленная научная разработка социологических аспектов исполнения лишения свободы велась А.С. Михлиным, Ф.Р. Сундуровым и И.С. Дементьевым. Психолого-педагогические стороны карательно-воспитательного процесса нашли отражение в трудах Ю.М. Антоняна, Л.А. Высотиной, М.П. Стуровой, А.В. Шамиса. Научные труды М.Г. Деткова и С.И. Кузьмина посвящались истории уголовно-исполнительной системы. З.А. Астемиров исследовал особенности исполнения лишения свободы в воспитательно-трудовых колониях для несовершеннолетних. Научные труды М.П. Журавлева и В.Д. Филимонова были посвящены специфике исполнения наказания в отношении рецидивистов.

Сравнительно-правовые исследования в области исполнения наказания и службы пробации в развитых капиталистических странах осуществлял В.П. Шупилов.

Приведенный обзор, конечно, не охватывает всех, внесших вклад в развитие научных основ отечественного правотворчества и правоприменительной практики в 60 – 80-е годы прошлого века. Практически за каждым из упомянутых выше ученых стоят их ученики и последователи.

Период конца 80 – 90-х годов для науки исправительно-трудового права, как и для всей отечественной науки, был весьма непрост. С одной стороны, сопровождавшие «перестройку» демократизация, гласность, устранение идеологического давления объективно способствовали развитию научных дискуссий, расширению спектра направлений теоретических исследований. Кардинально улучшились возможности непредвзятого изучения зарубежного опыта, сотрудничества с зарубежными учеными и неправительственными правозащитными организациями, использования в научной деятельности международных стандартов обращения с осужденными. Вступление России в 1996 г. в Совет Европы придало этой работе четкие юридические ориентиры.

Открылась ведомственная статистика (включая статистику прошлых лет). Значительное число закрытых нормативных актов МВД по вопросам исполнения наказания, а также основанные на них и на статистике научные исследования утратили ограничительные грифы и были введены в открытый научный оборот после выхода Указа Президента РФ от 23 июня 1992 г. [13]. Данный Указ постановил рассекретить, в частности, все нормативные акты «по вопросам организации и деятельности ИТУ, администрации мест поселения, режима отбывания различных видов наказания» независимо от времени их издания. При этом не допускалось снятия ограничительных грифов с нормативных и методических материалов в области оперативно-розыскной деятельности.

Отдельные стороны уголовно-исполнительной деятельности становились предметом широких общественных дискуссий, в конечном итоге повышая интерес общества к ранее закрытой проблематике исправительно-трудовых учреждений.

Наиболее интенсивно проблемы исполнения наказания в рассматриваемые годы разрабатывались во ВНИИ МВД СССР (ВНИИ МВД России), Академии МВД, Рязанском институте права и экономики МВД, Уфимском юридическом институте МВД, Томском государственном университете. Активность в исследовании ряда концептуальных вопросов исправительно-трудового права проявлялась и в

подготовке монографий и докторских диссертаций. За эти годы докторские диссертации защитили В.А. Уткин (1990 г.), О.В. Филимонов, П.Г. Пономарёв (1991 г.), В.И. Селиверстов (1992 г.), М.Г. Детков (1994 г.), А.Ф. Сизый (1995 г.), В.Е. Южанин (1996 г.). По совокупности опубликованных работ ученая степень доктора юридических наук была присуждена И.С. Кузьмину (1992 г.), А.А. Рябинину (1995 г.), А.В. Шамису (1992 г.).

С другой стороны, кризисные социально-экономические условия 90-х годов, рост социально-политической напряженности, инфляция и связанное с ней снижение государственного финансирования исправительно-трудовой системы, а также разрыв многочисленных хозяйственных связей ИТУ привели к тому, что учреждения и органы, исполняющие наказания, фактически поставленные на грань «выживания», были вынуждены сосредоточить их внимание на неотложных, повседневных, жизненно важных задачах, не предполагавших научного обеспечения.

Помимо этого по указанным причинам ряд перспективных ученых – кандидатов наук (прежде всего – из числа научной молодежи) – были вынуждены оставить эту стезю, переходя в другие, более «прибыльные» сферы деятельности. В итоге в науке исправительно-трудового права в 90-е годы произошел своего рода «разрыв поколений», последствия которого, к сожалению, сказываются и поныне.

Основное внимание ученых в этот период было сосредоточено на подготовке новой кодификации исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) законодательства. Исторически сложилось так, что разработка научных основ этой кодификации началась в одних социально-политических условиях и в союзном государстве, а завершилась в совершенно иной политической обстановке и в суверенной России.

Уже на начальном этапе этой работы необходимо было решить целый ряд методологических и дискуссионных вопросов: наименование и предмет будущего законодательства, его принципы; соотношение общесоюзного и республиканских законов, законодательного и подзаконного нормативно-правового регулирования; принципиальные подходы к правовому статусу осужденных; основные средства исправления и степень их отражения в законе; возможности реализации в новом законодательстве международных стандартов обращения с осужденными, прогрессивного зарубежного опыта и др. При этом следовало учитывать ход и результаты подготовки нового уголовного законодательства, которое (особенно, в части системы наказаний) в данном случае было определяющим.

В 1988 г. в трудах ВНИИ МВД СССР была впервые опубликована Структура доктринального проекта Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об исполнении наказаний, разработанная авторским коллективом под руководством проф. М.П. Журавлёва. В том же году в ведомственном журнале «Воспитание и правопорядок» увидела свет Доктринальная модель Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик. Научно-теоретическая модель Основ уголовно-исполнительного закона законодательства Союза ССР и союзных республик, подготовленная под руководством проф. А.И. Зубкова, активно обсуждалась в 1990 г. в Рязанской Высшей школе МВД СССР в рамках дискуссии о «Концепции перестройки исправительно-трудовой деятельности». Аналогичная работа велась в Томском университете, где в 1991 г. состоялась научно-практическая конференция «Проблемы кодификации исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) законодательства» с широким участием ученых и практиков.

В связи с изменением политической обстановки и распадом СССР позднее было принято решение сосредоточить внимание на подготовке нового республиканского законодательства об исполнении уголовных наказаний на уровне Кодекса. Социальный заказ на его разработку, сформированный в Верховном Совете РСФСР, предполагал исключение из Кодекса политико-идеологической окраски, которой отличалось предшествующие законодательство. Предписывалось максимально учесть международные стандарты обращения с осужденными, гарантировать общепризнанные права и законные интересы осужденных, расширить контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Учитывая неоднозначность и дискуссионность возникших в ходе кодификации вопросов, Комитет по законодательству Верховного Совета РСФСР в 1991 г. принял решение о научной разработке проекта нового Кодекса в двух вариантах. Первый разрабатывался коллективом под руководством проф. А.И. Зубкова на базе ВНИИ МВД. Второй, альтернативный вариант, был подготовлен коллективом ученых Томского университета под руководством проф. В.А. Уткина.

Оба проекта в начале 1992 г. были представлены в Верховный Совет. По результатам их обсуждения Комитет по законодательству принял решение образовать депутатскую комиссию с участием представителей двух авторских коллективов, а также руководства ГУИН МВД РФ, Генеральной прокуратуры и правозащитников. Интенсивная работа комиссии в итоге привела к появлению доработанного проекта Уголовно-исполнительного кодекса, который в марте 1992 г. был передан в Верховный Совет РСФСР.

Между тем разработка проекта Уголовного кодекса затягивалась, и рассмотрение Уголовно-исполнительного кодекса в законодательных органах откладывалось. Отразить происходящие в обществе изменения должны были свыше шестидесяти законодательных новелл, внесенных в действовавший ИТК РСФСР 1970 г. Законом Российской Федерации от 12 июня 1992 г. Практически все они были взяты из проекта УИК РФ 1992 г.

В рассматриваемый период проблемы кодификации нового законодательства обсуждались в рамках целого ряда научных и научно-практических конференций и семинаров. Среди них особое место занимает проведенная осенью 1992 г. в Москве (Петрово-Дальнее) по инициативе неправительственных организаций международная конференция «Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма». В ней приняли участие народные депутаты, представители Президента РФ и Правительства РФ, руководители ГУИН МВД РФ, а также эксперты, работники уголовно-исполнительной системы и ученые ряда стран Европы, США, стран СНГ и России, правозащитники и бывшие осужденные (причем не только «узники совести»).

Весьма интересными и конструктивными были также конференции на эту тему, проводившиеся в Рязанской высшей школе МВД (1993, 1995 гг.), в Республиканском институте повышения квалификации МВД России (1994 г.), в Томском университете (1994, 1995 гг.). На теоретическом семинаре во ВНИИ МВД РФ (1996 г.) был обсужден проект модельного Уголовно-исполнительного кодекса стран СНГ, подготовленный коллективом под руководством В.И. Селиверстова. В его основу был положен проект российского УИК.

После принятия новой Конституции РФ и перехода к кодификации уголовного законодательства в завершающую стадию было решено возобновить работу над проектом Уголовно-исполнительного кодекса. Работу над проектом осуществлял авторский коллектив под руководством проф. В.Н. Селивёрстова. Курировали ее депутаты Государственной Думы В.И. Илюхин и В.Д. Филимонов. Последние и представили окончательный проект Уголовно-исполнительного кодекса для его принятия Государственной Думой в третьем чтении 18 декабря 1996 г.

Как указано в ч. 2 ст. 2 УИК РФ, «уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказания, применение иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации; порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных; порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления; иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; порядок освобождения от наказания; порядок оказания помощи освобождаемым лицам». Таким образом, предмет уголовно-исполнительного права заметно расширился по сравнению с ранее действовавшим исправительно-трудовым законодательством прежде всего – за счет ряда наказаний и мер, не связанных с реальным лишением свободы. Уже само по себе это существенно расширило предмет науки уголовно-исполнительного права, побуждая ее к преодолению традиционно сложившегося «пенитенциарного уклона».

Закономерно, что на рубеже столетий в науке все более значительную роль приобретают исследования эффективности альтернативных санкций. Некоторые из них реализуются на экспериментальной базе. Как пример можно привести масштабный научно-внедренческий проект «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации», осуществлявшийся в 2000–2002 гг. по согласованию с руководством уголовно-исполнительной системы при поддержке международной неправительственной организации Penal Reform International. В проекте принимали участие ученые Томского университета, Академии ФСИН России и Самарского юридического института. Значительная часть проекта предполагала экспериментальную апробацию отдельных элементов наказания в виде обязательных работ на основе условного осуждения в трех регионах России. Положительные результаты эксперимента позволили позднее (с 2005 г.) обеспечить уголовно-исполнительными инспекциями эффективное исполнение этого наказания, которое ранее было отсрочено.

Передача уголовно-исполнительной системы в 1998 г. из ведения МВД РФ в ведение Минюста России внесло коррективы в организацию ведомственной науки. Поскольку Уфимская высшая школа и Республиканский институт повышения квалификации (г. Домодедово) остались в ведении МВД, в них, как и в Академии МВД и ВНИИ МВД, плановые научные исследования по уголовно-исполнительной политике и уголовно-исполнительному праву фактически прекратились. Недостатки научного обеспечения уголовно-исполнительной деятельности призван восполнить созданный в 1999 г. Научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы (ныне НИИ ФСИН России).

Главную роль среди ведомственных учебных заведений в этом плане ныне играет Академия ФСИН России, на базе которой регулярно проводятся представительные международные форумы и научно-практические конференции.

Научные исследования по проблемам исполнения уголовных наказаний проводятся и в учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России (Вологда, Владимир, Воронеж, Новокузнецк, Пермь, Псков, Самара), в институтах повышения квалификации (Киров, Санкт-Петербург, Томск).

В числе университетов ведущее место в разработке проблем уголовно-исполнительного права сохраняет Томский государственный университет [14, с. 42]. Следует отметить и роль ученых Московского государственного университета, где в 2016 г. на юридическом факультете был образован Научно-образовательный центр по проблемам уголовно-исполнительного права им. профессора Ю.М. Ткачевского.

Современная наука уголовно исполнительного права призвана обеспечивать осуществление правовой реформы в сфере исполнения уголовных наказаний, а также вырабатывать для практики обоснованные и приемлемые с социально-экономических позиций пути развития уголовно-исполнительной системы. К числу ее задач относится и определение концептуальных, стратегических путей развития системы исполнения наказаний.

Важной задачей является работа по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, в том числе по подготовке научных основ его новой кодификации [15, с. 14–29].

Для науки уголовно-исполнительного права остаются актуальными дальнейшая разработка ее общей теории, связанной с определением предмета, методов и объема правового регулирования: теория уголовно-исполнительных правоотношений, их субъектов и участников; правовой статус лиц, отбывающих различные виды наказаний, прежде всего впервые введенных в УК; правовое регулирование режима отбывания различных видов наказаний и реализация иных мер уголовно-правового характера, а также повышение их эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стручков Н.А., Бажанов О.И., Ускова И.Б.* Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне. Рязань: РВШ МВД СССР, 1977. 65 с.
2. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет; Городец, 2000. 464 с.
3. *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предположения. Часть 1. М.: 1902, 157 с.
4. *Жижиленко А.А.* Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914. 676 с.
5. *Криминология.* Исправительно-трудовое право. История юридической науки. М.: Наука, 1977. 192 с.
6. *Познышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. М., 1924. 331 с.
7. *Исаев М.М.* Основы пенитенциарной политики. М.; Л., 1927. 196 с.
8. *Артамонов В.П.* Наука советского исправительно-трудового права. М.: Академия МВД СССР, 1974. 130 с.
9. *Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С.* Советское пенитенциарное право. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.
10. *Ведущие* ученые-пенитенциаристы России. Биографический сборник. М.: НИИ ФСИН РФ, 2009. 144 с.
11. *Крахмальник Л.Г.* Кодификация исправительно-трудового законодательства. М.: Юрид. лит., 1978. 191 с.
12. *Уголовно-исполнительное* право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика. М.: Норма, 2005. 720 с.
13. *О снятии* ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 26. Ст. 1510.
14. *Уголовно-исполнительное* право России. Учебник для вузов. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 544 с.
15. *Общая* часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Результаты теоретического моделирования. М.: Юриспруденция, 2016. 77 с.

RUSSIAN SCIENCE OF PENAL LAW: A HISTORICAL ESSAY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 69–77. DOI 10.17223/23088451/9/14
Vladimir A. Utkin, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: utkin@ui.tsu.ru

Keywords: scientific foundations for the execution of punishments, codification of the penal enforcement legislation, scientific schools of penal law.

Modern science of penal law is designed to ensure the implementation of legal reform in the execution of penalties as well as to develop ways of developing the penal system reasonable and acceptable in social and economic terms. Its tasks include the definition of conceptual, strategic ways of penal system development. An important task is to improve the penal legislation, including the preparation of the scientific basis for its new codification. The penal law considers it relevant to develop its general theory related to the definition of the subject, methods and scope of legal regulation: the theory of penal legal relations, their subjects and participants; the legal status of persons serving various punishments that are introduced to the Criminal Code for the first time; legal regulation of the regime of serving various punishments and implementation of other legal measures as well as increasing their effectiveness.

REFERENCES

1. Struchkov, N.A., Bazhanov, O.I. & Uskova, I.B. *Obsuzhdenie penitentsiarnykh problem na mezhdunarodnom urovne* [Discussion of penitentiary problems at the international level]. Ryazan: RVSh MVD SSSR.
2. Foynitskiy, I.Ya. (2000) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow: Dobrosvet.
3. Mokrinskiy, S.P. (1902) *Nakazanie, ego tseli i predpolozheniya. Chast' 1* [Punishment, its goals and assumptions]. Moscow: [s.n.].
4. Zhizhilenko, A.A. (1914) *Nakazanie. Ego ponyatie i otlichie ot drugikh pravookhranitel'nykh sredstv* [Punishment. Its concept and difference from other law enforcement means]. Petrograd: [s.n.].
5. Shlyapochnikov, A.S. & Kudryavtsev, V.N. (eds) (1977) *Kriminologiya. Ispravitel'no-trudovoe pravo. Istoriya yuridicheskoy nauki* [Criminology. Corrective labour law. History of jurisprudence]. Moscow: Nauka.
6. Poznyshev, S.V. (1924) *Osnovy penitentsiarnoy nauki* [Fundamentals of Penitentiary Science]. Moscow.
7. Isaev, M.M. (1927) *Osnovy penitentsiarnoy politiki* [Fundamentals of Penitentiary Policy]. Moscow, Leningrad.

8. Artamonov, V.P. (1974) *Nauka sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava* [Soviet Correctional Labour Law]. Moscow: Akademiya MVD SSSR.
9. Shirvindt, E.G. & Utevskiy, B.S. (1927) *Sovetskoe penitentsiarnoe pravo* [Soviet Penitentiary Law]. Moscow: NKYu RSFSR.
10. Danilin, E.M., Zubkov, A.I., Karmovskiy, V.V., Pervozvanskiy, V.B., Sturova, M.P., Khutorskaya, N.B., Fedorova, E.M. & Fedosova, E.V. (2009) *Vedushchie uchenye-penitentsiaristy Rossii. Biograficheskiy sbornik* [Leading Russian Penitentiarists. Biographical collection]. Moscow: Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.
11. Krakhmalnik, L.G. (1978) *Kodifikatsiya ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva* [Codification of Correctional Labour Legislation]. Moscow: Yurid.lit.
12. Zubkov, A.I. (ed.) (2005) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika* [Penal law of Russia: Theory, legislation, international standards, practice]. Moscow: Norma.
13. Russian Federation. (1992) O snyatii ogranichitel'nykh grifov s zakonodatel'nykh i inykh aktov, sluzhivshikh osnovaniem dlya massovykh repressiy i posyagatel'stv na prava cheloveka [On the removal of restrictive vultures from legislative and other acts that served as the basis for mass repressions and encroachments on human rights]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF*. 26. Art. 1510.
14. Seliverstov, V.I. (ed.) (2012) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [Russian Penal Law]. Moscow: Norma, Infra –M.
15. Russian Federation. (2016) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. Rezul'taty teoreticheskogo modelirovaniya* [General Part of the New Penal Code of the Russian Federation. Results of Theoretical Modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.985 DOI 10.17223/23088451/9/15

Д.Г. Киселев

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

Рассматриваются криминалистические особенности возбуждения уголовного дела и специфика обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, по делам о преступлениях, совершенных в отношении представителей власти.

Ключевые слова: *представитель власти, расследование преступлений в отношении представителя власти, возбуждение уголовного дела.*

Криминалистические особенности возбуждения уголовного дела обусловлены спецификой вида преступления. Знание криминалистической характеристики преступления и уголовно-правовой характеристики рассматриваемого вида преступлений, анализ правоприменительной практики позволяет выявить специфику возбуждения уголовного дела и дать некоторые тактические рекомендации [1, с. 94].

Так, порядок возбуждения любого уголовного дела, в том числе и о преступлении в отношении представителя власти, предусматривает производство ряда как процессуальных (установленных уголовно-процессуальным законом) и организационных (определенных ведомственными нормативными актами) действий, требующих и соответствующего криминалистического сопровождения, например тактических рекомендаций по производству неотложных следственных действий. Процессуальная деятельность по возбуждению уголовного дела включает в себя вынесение постановления и направление копии постановления прокурору. Организационная деятельность предполагает регистрацию постановления в журнале учета уголовных дел, присвоение делу номера, заполнение и направление в информационный центр карточки формы 1 на совершенное преступление.

Очевидно, что выполнение всего комплекса процессуальных и организационных действий по возбуждению уголовного дела требует времени и определенных условий. Преимущественно же на практике по рассматриваемой категории дел приходится безотлагательно фиксировать фактические данные путем производства неотложных, в том числе следственных, действий, в частности задержание преступника, осмотр места происшествия и др. Такие действия необходимы в ситуации, например, когда представителю власти причинены тяжкие телесные повреждения, грозящие летальным исходом, или в ситуации, когда преступники пытаются скрыться.

Так, например, следователю поступили материалы проверки по факту применения насилия и оскорбления в отношении сотрудников полиции: в период с 20 часов 19 апреля 2010 г. до 3 часов 20 апреля 2010 г. оперуполномоченный отдела по борьбе с организованными преступными группами и преступными сообществами, лидерами уголовно-преступной среды Д. находился в кафе «К». В указанный период времени там же находился Г., который в общественном месте нарушал общественный порядок, что выражалось в агрессивном поведении и причинении телесных повреждений К.

Увидев это, Д., исполняя возложенные на него законом обязанности по пресечению преступлений и административных правонарушений, охране общественного порядка и общественной безопасности, подошёл к Г., представился и потребовал прекратить противоправные действия.

В это время находившийся в вышеуказанном кафе совместно с Г. А., не желая пресечения сотрудником Д. нарушения общественного порядка, нанёс представителю власти несколько ударов стулом по голове и ногой в область туловища [2].

Представляется, что тактически правильным решением будет сразу же, не дожидаясь окончания осмотра места происшествия и установления всех признаков преступления, следователю или по поручению следователя оперативному сотруднику рекомендуется приступить к немедленному опросу очевидцев, если таковые имеются. Делать это после осмотра места происшествия зачастую бывает уже поздно.

После того как следователь изучил все предоставленные материалы (в указанном примере это были: рапорт, объяснение, акт медицинского освидетельствования, характеристика лица, совершившего преступление, сопроводительное письмо) и опросил очевидцев, в тот же день он вынес постановление о возбуждении уголовного дела, заполнил статистическую карточку на преступление, зарегистрировал уголовное дело в журнале учета уголовных дел, направил прокурору копию постановления о возбуждении уголовного дела.

Законность и обоснованность действий следователя определяется тем, что он, правильно оценив первоначальные фактические данные, принял решение о возбуждении уголовного дела и в дальнейшем действовал в соответствии с ним.

Анализ практики раскрытия и расследования уголовных дел данной категории показал, что обстоятельства, подлежащие установлению в рамках проверки поступивших материалов в стадии возбуждения уголовного дела по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 318 и 319 УК РФ, обладают своей спецификой. Так, к ней необходимо относить выяснение следующих обстоятельств:

- находился ли сотрудник правоохранительного органа при исполнении своих служебных обязанностей в момент совершения в отношении него противоправных действий;
- представился ли сотрудник правоохранительного органа перед тем, как начал требовать прекратить противоправные действия;
- в гражданской или форменной одежде находился на момент требования о прекращении противоправных действий сотрудник правоохранительного органа;
- наличие очевидцев преступления, в т.ч. для установления признака публичности во время оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ);
- какими именно словами ругался в адрес сотрудника правоохранительного органа подозреваемый (ст. 319 УК РФ);
- чем наносились удары сотруднику правоохранительного органа, сколько раз.

Как правило, на практике, материалы о совершенном преступлении собираются тем органом, в отношении сотрудника которого это преступление было совершено. Например, если насильственные действия были совершены в отношении сотрудника ОБ ГИБДД при УВД Калининградской области, то правонарушитель задерживается и доставляется этими сотрудниками в соответствующее РОВД, где в отношении него составляется протокол об административном правонарушении.

Сотрудники ГИБДД составляют рапорт о произошедшем событии. Указанные материалы затем передаются по подследственности. Следователь (дознаватель) на основании изучения поступивших материалов либо принимает решение о возбуждении уголовного дела, или же, если материалов недостаточно для принятия такого решения, проводит опрос работников ГИБДД и затем принимает окончательное решение о возбуждении уголовного дела.

Также поводом к возбуждению уголовного дела может послужить заявление потерпевшего, например, если преступление было совершено в отношении родственников представителя власти в связи с осуществлением последним его должностных обязанностей.

Достаточно часто в стадии возбуждения уголовного дел данной категории возникает необходимость в проведении медицинского освидетельствования (если имело место применение насилия – для определения тяжести вреда здоровью и соответственно подследственности). Кроме того, в стадии возбуждения уголовного дела устанавливается, велась ли видеозапись в месте совершения преступления. Впоследствии эта видеозапись может быть изъята в рамках уже производства следственных действий.

В случае же, если имело место оскорбление представителя власти, то в обязательном порядке должны быть предприняты действия по установлению признака публичности. Как правило, достаточно установить наличие хотя бы одного свидетеля, не являющегося сотрудником правоохранительного органа, который слышал, как произошло указанное правонарушение. Такая информация обычно содержится в поступивших следователю материалах (рапорт, объяснения очевидцев в письменном виде, отобранные на месте происшествия).

Если сразу не были отобраны письменные объяснения у очевидцев преступления (с указанием их фамилии, имени и отчества, адреса), то затем, когда следователь оценивает поступившие материалы в рамках их проверки, практически уже невозможно установить тех лиц, которые наблюдали и слышали, как происходило преступление. В такой ситуации следователь зачастую просто не может установить признак публичности. Так, даже если оскорбление представителя власти произошло в поезде, то впоследствии представляет значительную сложность установить, кто именно из пассажиров мог все слышать, поскольку единая система сбора, обработки и поиска данных о пассажирах на поездах дает информацию, но пассажиры часто меняются местами и т.п. Все необходимые запросы и опросы, которые нужно было бы провести, занимают значительное количество времени, поэтому, как правило, их просто не проводят, признак публичности не усматривают, что приводит к тому, что впоследствии не может быть установлен и состав преступления.

Еще одной особенностью стадии возбуждения уголовного дела по делам о преступлениях в отношении представителя власти является необходимость установить, знал ли преступник о том, что прекратить противоправные действия от него требует именно представитель власти. Выяснение данного факта является существенным по данной категории дел, поскольку незнание правонарушителем статуса потерпевшего исключает наличие состава преступления. Согласно Закону о полиции, по общему правилу представитель власти должен представиться, предъявив служебное удостоверение, и уже затем только требовать исполнения его законных требований.

Анализ практики показал, что достаточно велик процент материалов проверок, при изучении которых было приято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, анализ 70 отказных материалов и опрос более 150 человек по данным материалам, проведенный нами в период с 2012 по 2016 г., позволил сделать вывод о том, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено в связи с:

- отсутствием оснований возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ) – в 45 % случаев;

- наличием оснований отказа в возбуждении уголовного дела (ст. 24 УПК РФ) – приблизительно в 55 % случаев, из которых

- за отсутствием состава преступления приблизительно в 85 % случаев и

- за отсутствием события преступления – в 15 % случаев.

Большинство решений об отказе в возбуждении уголовного дела принимаются следователями, на наш взгляд, преждевременно. Связано это, в первую очередь, со сжатыми сроками проверки и большим количеством материалов, аналогичных тому, которое рассмотрено выше. В результате неполноты проверки в 70 % случаев материалы возвращаются прокурором или начальником следственного органа на дополнительную проверку. Например, в течение месяца следователь СО по г. Калининграду СУ СК при прокуратуре РФ должен сдать в среднем от 2 до 3 уголовных дел, и, кроме того, каждый день, помимо этих дел, он получает от 3 до 5 материалов проверки. Несложно посчитать, что в течение месяца следователь должен проверить порядка 150 сообщений о преступлениях и принять по ним соответствующие решения. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ни о какой «полноте проверки» речи быть не может.

Анализ практики также показал, что одной из самых распространенных технических ошибок следователя на стадии возбуждения уголовного дела является опечатка в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела в части основания отказа [3, с. 84]. Так, постановления об отказе в возбуждении уголовного дела выносятся на основании ст. 24 УПК РФ, т.е. за отсутствием события преступления п. 1, ч. 1, ст. 24 УПК РФ и за отсутствием в деянии состава преступления п. 2, ч. 1, ст. 24 УПК РФ. Вышеуказанная ошибка состоит в том, что следователи путают п.1 и п.2 ч.1 ст. 24 УПК РФ. По этой причине в 15–20 % случаев данные материалы также возвращаются на дополнительную проверку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волчецкая Т.С., Осипова Е.В., Киселев Д.Г.* Структура и особенности криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении представителей власти // Вестник БФУ им. И. Канта. № 9. 2011. С. 93–99.
2. *Уголовное* дело № 003271/10. Архив СО по г. Калининграду СУ СК при Прокуратуре РФ за 2010 г.
3. *Крамаренко В.П.* Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок: дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2012. 182 с.

FORENSIC PECULIARITIES OF CRIMINAL CASE INITIATION ON CRIMES AGAINST PUBLIC AUTHORITY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 78–80. DOI 10.17223/23088451/9/15

Dmitry G. Kiselev, Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Kaliningrad Region (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: minregist@mail.ru

Keywords: public authority, investigation of crimes against public authority, initiation of criminal case.

Forensic peculiarities of criminal case initiation are determined by the specific features of the crime type. The analysis of disclosure and investigation practices of this type of crime has shown the specificity of the circumstances to be determined within the verification of the received materials in the stage of the initiation of a criminal case on the basis of the elements of crimes under Articles 318 and 319 of the Criminal Code of the Russian Federation. It includes the clarification of the following circumstances: whether the law enforcement officer was performing his/her duties at the time of illegal actions against him/her; whether he/she introduced himself/herself before demanding to stop the unlawful actions; whether he/she was in or out of uniform, whether there were eyewitnesses to a crime, who are not members of the law enforcement agency; what invectives the suspect used to address the law enforcement officer, what weapon the suspect used to attack the law enforcement officer, and how many times the suspect gave to the law enforcement officer. Since crimes of this category are committed against public authority who is exercising his/her official powers, it is necessary to immediately record factual data through the production of urgent investigative actions (detention of the offender, inspection of the crime scene). The tactically correct decision will be for the investigator or operational officer by order of the investigator to begin an interrogation of eyewitnesses, if any, immediately, without waiting for the end of the crime scene investigation, as doing this after crime scene investigation might be too late. At the initiation of criminal cases of this category, there is a need for a medical examination (in case violence has been used). In addition, it is necessary to find out whether whether there was video recording at the crime scene. Subsequently, this record must be withdrawn as part of investigative actions, for example, seizures. In case there was an insult of public authority, it is necessary to take actions to establish the sign of publicity. As a rule, it is sufficient to establish the presence of at least one witness who is not a law enforcement officer who heard how the above-stated offense had occurred.

REFERENCES

1. Volchetskaya, T.S., Osipova, E.V. & Kiselev, D.G. (2011) Struktura i osobennosti kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy, sovershennykh v otnoshenii predstaviteley vlasti [Structure and features of the forensic characterization of crimes committed against public authority]. *Vestnik BFU im. I. Kanta*. 9. pp. 93–99.
2. Kaliningrad Office of Investigations at the Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2010) *Criminal case no. 003271/10. Archive of Investigation Department of the city of Kaliningrad Office of Investigations at the Prosecutor's Office of the Russian Federation for 2010*.
3. Kramarenko, V.P. (2012) *Situatsionnyy podkhod k vyyavleniyu i preodoleniyu sledstvennykh oshibok* [Situational approach to the identification and overcoming of investigative errors]. Law Cand. Diss. Kaliningrad.

УДК 343.98 DOI 10.17223/23088451/9/16

А.С. Князьков, А.В. Польгерт

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ НАЧАЛА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Рассматриваются проблемные положения организации расследования преступлений в контексте криминалистической деятельности по делам о незаконном сбыте наркотических средств, осуществляемом путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. Предлагается понятие предмета организации расследования преступлений. Акцентируется внимание на особое место современного способа совершения преступления как критерия криминалистической сложности его расследования. Анализируется соотношение методико-криминалистического и тактико-криминалистического уровней организации расследования преступлений. Исследуется вопрос о соотношении принципов организации расследования преступлений и принципов взаимодействия следователя с иными субъектами. Уточняется место координации деятельности по расследованию преступления в элементном составе организации его расследования. Отграничивается властное распоряжение следователя от его распоряжения-указания.

Ключевые слова: *криминалистическая деятельность, организация расследования преступления, криминалистическое взаимодействие и координация, способ преступления, электронные и информационно-телекоммуникационные сети, незаконный сбыт наркотических средств.*

Специфический характер деятельности по расследованию преступлений, требующей учета закономерностей преступной деятельности, делает вопросы организации производства по делу весьма актуальными. Многоаспектность расследования преступления находит отражение в его организационных началах. Степень многосторонности организации расследования такова, что отдельные авторы считают необходимым, с учетом разноуровневой, сложноструктурной и остропроблемной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, говорить о межнаучном характере будущих исследований, которые позволят до конца решить многие организационные вопросы [1, с. 112–115].

С позиции криминалистики о межнаучном характере таких исследований можно говорить при условии дальнейшего развития подхода, при котором правильным будет выделять, обосабливать криминалистическую деятельность, существующую наряду с уголовно-процессуальной деятельностью [2, с. 141–321; 3, с. 128; 4, с. 188; 5, с. 50–165; 6, с. 21–22] и соответственно криминалистический аспект её организации [7, с. 40–45; 8, с. 12; 1, с. 112–115]. Причем, как справедливо подчеркивается, основным содержанием деятельности по расследованию преступлений является именно криминалистическое содержание [9, с. 71].

Соответственно правильно будет говорить о том, что организационные начала присущи как уголовно-процессуальной, так и криминалистической видам деятельности [10, с. 80–128; 11, с. 44–47].

Организация расследования преступлений чаще всего понимается как деятельность следователя (дознавателя), направленная на создание наиболее благоприятных условий для выполнения необходимых действий по исследуемому делу, достижению целей уголовного судопроизводства [12, с. 59; 13, с. 20–21; 14, с. 106; 15, с. 132; 16, с. 72]. Аналогичное определение организации судебного разбирательства дает А.Ю. Корчагин [17, с. 21].

В литературе по-разному освещается вопрос о содержании организации расследования преступлений. Во многом это предопределено тем, что о содержании организации расследования говорится применительно к разным его уровням, причем нередко допускается ошибка, состоящая, как подчеркивается в литературе, в попытке «объять» в одном определении как организационную систему в целом, так и организацию конкретного акта расследования [18, с. 33] в частности. Прежде всего, следует признать методологическую значимость вопроса об уровнях организации расследования преступлений. На взгляд Р.С. Белкина, необходимо различать четыре уровня организации расследования: в масштабе всех органов расследования страны; в рамках отдельных ведомств; уровень организации конкретного акта расследования; уровень организации следственного действия или организационно-технического мероприятия [19, с. 449–452]. В этом подходе особо ценным является указание на то, что применительно к практике расследования нужно различать методико-криминалистический уровень (третий уровень) и тактико-криминалистический уровень (четвертый уровень) расследования.

В.Д. Зеленский, как один из ученых, внесших наиболее заметный вклад в теоретико-методологические положения организации расследования преступлений, также называет четыре её уровня: в масштабах всей страны; в отдельном органе внутренних дел и административном районе; уровень организация расследования конкретного преступления; уровень организации следственного действия [20, с. 17]. В его подходе можно увидеть стремление приблизить вопросы организации расследования преступлений к повседневной деятельности органа внутренних дел, его структурных подразделений,

что весьма значимо, в том числе, и для раскрытия вопроса о взаимодействии следователя с другими должностными лицами в рамках административного района. Фактически на этих же позициях находятся и другие известные авторы [21, с. 237].

Также четыре уровня организации расследования выделяет Ю.Л. Дяблова. Однако, если три первых уровня организации, представленные деятельностью на уровне государства в целом и его правоохранительных ведомств, касаются в целом предварительного следствия и дознания, то четвертый уровень – уровень организации расследования конкретного преступления – она связывает лишь с работой по неочевидному преступлению [22, с. 81–82]. Такая позиция, на наш взгляд, не учитывает фундаментальных положений о версионной работе и следственных ситуациях, в соответствии с которыми при определенных обстоятельствах следственная ситуация из благоприятной может превратиться в неблагоприятную [23, с. 28–31], а очевидная на первый взгляд версия о причастности к преступлению конкретного лица может не найти подтверждение, и оно из очевидного может превратиться в неочевидное преступление. В целом, указанная позиция не дает представления, во-первых, о системном характере организационной деятельности как многоуровневой деятельности, во-вторых, о совокупности факторов, обусловливающих организацию расследования конкретного преступного акта.

Представляется, что в данном случае нет необходимости в отходе от положений предложенной В.Д. Зеленским концепции криминалистической сложности расследования как характеристики его процесса, отражающего реально необходимые силу, средства, объем и интенсивность их применения [20, с. 9]. Методологическое значение названной концепции состоит в том, что криминалистическая сложность расследования не увязывается лишь с одним фактором, например отсутствием сведений о преступнике, поскольку появление в деле обвиняемого (подозреваемого) не делает само по себе расследование преступления простым либо сложным. Вместе с тем характер названной концепции вызывает необходимость в первую очередь акцентировать внимание на обстоятельства расследования, в которых выражается организационная сложность: специфичность познания в расследовании, дефицит информации и времени, многообразие методов расследования, специфичность организации расследования [9, с. 69]. Даваемый затем, после рассмотрения обстоятельств расследования, анализ факторов преступной деятельности, в той или иной мере обусловливающих криминалистическую сложность расследования, подтверждает это [9, с. 72–74]. Нельзя не заметить, что каждое из обстоятельств (общественная опасность деяния, количество преступников, их социально-психологическая характеристика, способ совершения, продолжительность преступных действий и т.д.) рассматривается В.Д. Зеленским как равнофакторная причина криминалистической сложности расследования преступлений, причем преступлений одного и того же вида.

Аналогично характеризуют признак сложности расследования и другие авторы [24, с. 95].

На наш взгляд, необходима некоторая корректировка данной точки зрения. Дело в том, что появление в настоящий момент специфически сложных в техническом плане способов совершения преступлений, обеспечивающих исключительную анонимность отдельных преступников не только для правоохранительных органов, но и по отношению действующих в преступной группе друг к другу соучастников, позволяет говорить о таком способе, как о доминирующем факторе криминалистической сложности расследования соответствующих преступлений. К числу таких преступлений относится незаконный сбыт наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) – п. б) ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Именно фактор отмеченного способа предопределяет характер иных факторов сложности предварительного расследования.

Точка зрения А.Ф. Волынского на организационные уровни раскрытия и расследования преступлений основывается на понимании в настоящий момент особой важности государственных организационно-правовых мер, принимаемых с целью совершенствования отечественной правоохранительной системы. В соответствии с ним, первые два уровня (общегосударственный и внутриведомственный) есть преимущественно общеорганизационные уровни. Завершающим является организационно-методический уровень, на котором осуществляется организация работы по конкретному уголовному делу [1, с. 114; 25, с. 11]. Для реализации указанной цели немаловажное значение имеет учет существующих типов организационных структур: линейной, линейно-функциональной и др. [26, с. 14].

Как отмечает В.Д. Зеленский, упорядочение деятельности по расследованию преступлений как сущность её организации является аспектом и криминалистической тактики, и криминалистической методики [27, с. 25], с чем нельзя не согласиться. Принимая во внимание разноаспектность криминалистической организации расследования, представляется возможным рассматривать организационные проблемы расследования общегосударственного и ведомственного уровней (в том числе уровня административного района) в числе общих положений криминалистической методики, уровень организации конкретного акта расследования (расследования преступлений определенного вида, группы преступлений) – в числе частных положения криминалистической методики, а уровень организации следственного действия – в рамках криминалистической тактики.

Организационно-методический аспект связан с планированием расследования в целом, выбором методов расследования, определением целей и задач расследования в целом (расследование конкретного преступления, расследования всех преступлений,

совершенных лицом (группой лиц), с возмещение ущерба, выявлением противодействия расследованию и его преодолением и т.д. Весь аналитический инструментарий (следственная версия, следственная ситуация, стратегическая задача) направлен на достижение целей расследования преступления. Организация взаимодействия на этом уровне выражается в выборе и задействовании отдельных форм взаимодействия, например, создание следственной группы или следственно-оперативной группы.

Организационно-тактический аспект связан с организацией следственного действия, в том числе образующего тактико-криминалистическую комбинацию и лежащего в основе тактико-криминалистической операции. Здесь аналитический инструментарий направлен на точное формулирование тактической задачи отдельного следственного действия либо следственного действия, включенного в тактический комплекс, и принятие правильного тактического решения [28, с. 115–149]. Планирование и организация взаимодействия на данном уровне реализуется в рамках подготовки и производства следственного действия, в том числе включенного в тактико-криминалистический комплекс, следователем вместе с другими субъектами.

Следует сказать, что в криминалистической литературе при освещении организационного аспекта криминалистической тактики используются термины «организационные», «тактические», а также «организационно-тактические», причем вопрос о соотношении организации и тактики чаще всего не затрагивается [29, с. 73–174], либо его рассмотрение ограничивается констатацией того, что организация расследования преступления не входит в его тактику [30, с. 110].

На наш взгляд, продуктивным является мнение о том, что соотношение организации и тактики состоит в том, что их рекомендации реализуются в сочетании, образуя организационно-тактический аспект расследования [31, с. 90; 32, с. 231; 33, с. 9]. При этом об организационно-тактических положениях необходимо говорить как в широком, так и в узком смыслах. Употребление термина «организационно-тактический» в широком смысле необходимо для отграничения уровня организации следственного действия от уровня организации конкретного акта расследования. В узком смысле этот термин раскрывает тактический «инструментарий» взаимодействия следователя с другими участниками следственного действия для целей его организованного производства. Таким «инструментарием» являются имеющие организационно-тактическую природу обеспечительные тактические приемы [34, с. 263–266].

Менее разработанными предстают организационно-методические положения. Чаще всего отмечается необходимость выделения в структуре методики расследования преступлений организационно-управленческих методов, определяющих стратегию и тактику следственной деятельности по уголовному делу [35, с. 199]. Лишь отдельные авторы говорят о необходимости сочетания положений организации, тактики и методики в рамках криминалистического обеспечения: примером этого является докторская диссертация А.Ю. Корчагина [36]. Однако, если организационно-тактические положения получают в ней должное раскрытие, то ни в названии диссертации, ни в числе непосредственных целей исследования, ни в его объекте, ни в наименовании отдельных разделов исследования и в их содержании нет термина «организационно-методические», что свидетельствует, прежде всего, о сложности соответствующей проблематики [36]. Заметим, что о необходимости сочетания положений организации, тактики и методики в рамках криминалистического обеспечения говорилось более четверти века назад, и также речь шла лишь об организационно-тактических положениях, без называния организационно-методических положений [37, с. 3–13]. Спорным является мнение о применении организационных положения на уровне криминалистической методики в двух случаях: во-первых, для расследования преступления в целом, во-вторых, для применения его отдельного метода – криминалистической операции [16, с. 321–322]. Не раскрывает до конца вопрос о соотношении организации и методики подход, в соответствии с которым «…криминалистические методики целесообразно рассматривать как научно обоснованные рекомендации по организации и осуществлению раскрытия и расследования …преступлений» [35, с. 181], поскольку методики содержат и соответствующие организационно-тактические положения, связанные с производством следственных действий, необходимость в которых возникает в ходе работы по делу.

Нельзя не заметить, что с позиции теории криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступления не акцентируется внимание на необходимость различения организационно-тактического и организационно-методического уровней расследования [38, с. 58; 39; 40]. Это связано с существованием взгляда о необходимости выделения нового раздела криминалистики, посвященного положениям о криминалистическом обеспечении, в числе которых будут криминалистические организационные темы [25, с. 12].

На наш взгляд, при отмеченных различиях, касающихся числа уровней организации расследования преступлений и их наименований, названные авторы ведут речь лишь об объекте отмеченной организации, оставляя за рамками вопрос о её предмете. Представляется, что весьма близко к вопросу о предмете организации расследования подошел В.Д. Зеленский, который, наряду с уровнями организации расследования, предлагает различать следующие подсистемы расследования преступлений: 1) собирание, исследование доказательств и доказывание; 2) получение (поиск) ориентирующей информации; 3) использование специальных знаний [41, с. 735]. Взяв за основу концепцию подсистем расследования преступлений, полагаем возможным

отнести к предмету организации расследования конкретного преступления вопросы получения криминалистически значимой информации, её сохранения, а также использования. Такой подход целиком соответствует взгляду на предмет криминалистики, высказанный Р.С. Белкиным и другими учеными. Более того, этот подход позволяет связать воедино положения об уровнях организации расследования преступлений с положениями об элементах указанной организации.

Касаясь вопроса об элементах организации расследования преступления, следует отметить наиболее правильную, на наш взгляд, точку зрения, принадлежащую В.Д. Зеленскому, который называет такие элементы, как целеопределение, планирование, руководство расследованием, включающее взаимодействие следователя с иными участниками расследования [41, с. 738–741]; фактически, эти элементы, в большем или меньшем количестве, называют и другие авторы [42, с. 7; 43, с. 11]. Сравнивая его суждение с суждениями его оппонентов, можно заметить главное: при всех различиях в количестве и наименовании обстоятельств, с помощью которых предпринимается попытка раскрыть содержание организации расследования преступлений, в работах последних отсутствует главное, делающее расследование системно ориентированным, а именно – указание на целеопределение [44, с. 340–344; 45, с. 213; 46, с. 282]. Значение этого организационного элемента таково, что целеопределение вместе с планированием получает [образное во многом] название «интеллектуальная часть организации расследования преступления» [33, с. 7].

В своей совокупности вопросы определения и конкретизации целей в расследовании позволяют предметно рассмотреть как методический, так и тактический уровни организации расследования. Анализируемый взгляд на целеобразование (целеопределение) как сложную умственную деятельность следователя учтен при обосновании криминалистических целей следственного действия, состоящих в отыскании взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления, получивших свое отображение в ходе подготовки, совершения и сокрытия деяния, а также тактико-криминалистических задач [47, с. 100–105]. Понимание криминалистических целей следственного действия как необходимости отыскания в ходе его производства взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления раскрывает содержание тактико-криминалистического уровня организации расследования и позволяет во-многом понять содержание её методико-криминалистического уровня.

Не меньшее значение имеют и другие элементы организации расследования, прежде всего руководство расследованием, включающее в свое содержание вопросы взаимодействия следователя с иными участниками. О том, что взаимодействие есть аспект (элемент) руководства, свидетельствует понимание взаимодействия в качестве предмета организации расследования, представленного субординационными и координационными связями между деятельностью по расследованию преступлений и её субъектами [48, с. 24]. Можно встретить работы, в которых взаимодействие рассматривается в качестве самостоятельного, наряду с руководством расследованием, элементом организации расследования преступления, правда, без обоснования такого подхода [49, с. 1–8], что делает такой подход неубедительным.

В принципе, все элементы организации расследования – целеопределение, планирование, руководство расследованием – должны иметь равное организационное значение. Вместе с тем нередко делается акцент на тот или иной организационный элемент. Так, в определении организации расследования как процесса «…структурирования и упорядочения, построения умственной модели предстоящей и осуществляемой деятельности, создания условий для ее качественного производства и оптимального руководства расследованием» [50, с. 277] можно увидеть, что таким «объединяющим» элементом выступает руководство расследование преступления.

Практика организации расследования преступлений должна учитывать основополагающие начала, которые отличаются от принципов уголовного процесса, названных в гл. 2 УПК РФ. Нельзя не отметить заслуги многих ученых, разрабатывающих вопросы принципов организации расследования [51, с. 19–20; 52, с. 108–109]. Представляется, что более полно они исследованы В.Д. Зеленским, который называет следующие принципы: необходимость учета закономерностей организации расследования преступлений на всех уровнях организации; соответствие профессионального уровня субъекта организации её объекту; соответствие прав, полномочий и обязанностей субъектов; взаимосвязь централизации расследования и руководящей роли следователя в его организации; информационное обеспечение субъекта организации; ритмичность расследования; рациональная рабочая нагрузка следователя [9, с. 93–109]. Позже им были уточнены некоторые организационные принципы, получившие следующее изложение: «соответствие квалификации следователя криминалистической сложности расследуемого дела», «информированность руководителей расследования» [50, с. 283]. Также предлагается такой принцип организации расследования, как её эффективность [53, с. 27–32]: с этим можно согласиться в том смысле, что все предыдущие принципы организации расследования нацелены на конечную цель, находящую свое выражение в эффективности расследования.

С учетом важности взаимодействия как составной части такого элемента организации, как руководство расследованием, интересным будет рассмотреть соотношение принципов организации расследования и принципов взаимодействия следователя с иными субъектами. В числе принципов взаимодействия, помимо принципа законности, чаще всего на-

зывают такие положения, как паритетность, взаимность, быстрота реагирования, возмездность, разумная достаточность, информированность, системность, плановость, принцип необходимости взаимодействия [54, с. 277–279; 55, с. 3–7]: в своей совокупности они дают более полное представление об организации расследования преступлений, чем принципы, названные в Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений (с изменениями на 18 января 1999 г.) [56]. Сопоставление принципов организации расследования и принципов взаимодействия позволяет нам говорить об их функциональной взаимосвязи, «производном начале» вторых от первых. Так, например, принцип информационного обеспечения субъекта организации расследования преступления получает свою конкретизацию в аналогичном принципе взаимодействия – принципе взаимной информированности субъектов; организационный принцип централизации расследования и руководящей роли следователя в его организации обусловливает необходимость существования таких принципов взаимодействия, как паритетность и взаимность; рациональность как принцип организации позволяет раскрыть содержание таких принципов взаимодействия, как системность и плановость. Вместе с тем, имеющееся несходство совокупности принципов взаимодействия следователя с совокупностью принципов организации расследования преступлений объясняет и то, что взаимодействие является частью одного из элементов организации, а именно: руководства расследованием. В прогностическом смысле можно говорить о необходимости и возможности проведения развернутого исследования проблемы соотношения принципов организации расследования, принципов руководства расследованием и принципов взаимодействия следователя с иными субъектами в ходе работы по делу как комплексных начал упорядочения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Представляется, что наряду с взаимодействием нужно говорить о властном распоряжении как другом аспекте (элементе) руководства расследованием. Властное распоряжение, на наш взгляд, требует своего отграничения от указания-распоряжения, характеризующего взаимодействие следователя с органом дознания, например, указание-распоряжение о производстве органом дознания следственного действия. Властное распоряжение касается действий, выполнение которых предполагает получение императивно выраженных в уголовно-процессуальном кодексе результатов, например, распоряжение о наложении ареста на имущество, производстве задержания, об осуществление привода и т.д. Здесь мы имеем дело с уголовно-процессуальным аспектом организации расследования преступления, отличающимся, как мы уже сказали, от криминалистического аспекта организации расследования.

Для понимания феномена криминалистической организации расследования преступлений немаловажное значение имеет вопрос об организации расследования в следственном органе. На взгляд отдельных авторов, необходимо различать понятия «организация следователем предварительного расследования преступления» и «организация руководителем следственного органа предварительного расследования следователем преступления» [48, с. 23; 57, с. 39]. В определенной мере эта правильная позиция основывается на высказанных положениях о необходимости учета и такого аспекта организации, который отражает функционирование следственного аппарата, его структурных подразделений, и в целом – их внутриорганизационную деятельность [26, с. 14–15]. Вместе с тем спорным является отнесение всех положений организации руководителем следственного органа деятельности подчиненного следователя, в частности, приведение руководителем деятельности следователя в соответствие с криминалистическими рекомендациями, к теории управления органами расследования преступлений [48, с. 23; 57, с. 39].

Представляется, что природа взаимодействия, руководства расследованием и в целом – организации расследования преступлений – может быть уточнена путем рассмотрения вопроса о соотношении понятий «взаимодействие» и «координация». Для его оптимального решения необходимо отметить, что этот вопрос рассматривается в рамках явления, получающего название «расследование» применительно к авариям, причем, с весьма широким содержанием, включающем действия специальных ведомственных комиссий и органов государственного контроля, которые (действия), как отмечается, носят обеспечивающий (примыкающий) характер по отношению к уголовно-процессуальному расследованию [20, с. 12]. Причем, как уточняют отдельные авторы, являющиеся сторонниками различения координации и взаимодействия, в силу отмеченной самостоятельности членов ведомственных комиссий и государственных органов «…у следователей нередко возникают трудности по установлению деловых, рабочих взаимоотношений с данными лицами. Таким образом, существует объективная необходимость в координации действий следователя по расследованию преступлений и действий должностных лиц, осуществляющих служебные проверки» [58, с. 133]. Далее следует еще одно уточнение о том, что «…координация выражается в поддержании следователем связи с указанными лицами, взаимном обмене информацией» [58, с. 133], то есть в осуществлении того же, что называется взаимодействием. Нужно сказать, что сложности в решении вопроса о соотношении понятий координации и взаимодействия могут создавать соответствующие нормативно-правовые акты. Так, например, указывается пример ведомственного приказа, в котором взаимодействие определяется как координация процесса управления [59, с. 18].

На наш взгляд, в контексте взаимодействия на методико-криминалистическом и тактико-криминалистическом уровнях о координации как явлении нужно говорить применительно к случаям, когда следователь руководит командными действиями, когда есть команда и для её эффективной деятельности требуется руководитель, сообразующий действия отдельных её членов. Поэтому о координации деятельности в тесном смысле можно говорить лишь применительно к таким формам, как следственная группа и следственно-оперативная группа, что имеет особое значение для организации расследования незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. Авторы, рассматривающие организационные проблемы расследования деяний, совершаемых преступным сообществом, при решении вопроса о деятельности включенного в следственную группу следователя контрольно-методического отдела, отмечают, что он призван оказывать руководителю следственной группы помощь в координации деятельности всех участников группы [24, с. 97].

Соответственно возникает такая специфическая функциональная форма взаимодействия, как координация деятельности субъектов, работающих в группе, где координатором выступает одно лицо – следователь. Речь, на наш взгляд, нужно вести именно о специфической форме взаимодействия, но не о том, что взаимодействие, как считают отдельные авторы, есть более широкое понятие, чем координация [60, с. 36]. Разумеется, можно и нужно говорить о координации деятельности всех правоохранительных органов, которую осуществляет прокурор, но в этом случае мы даем характеристику более высокому уровню организации расследования преступлений по сравнению с методико-криминалистическим и тактико-криминалистическим организационными уровнями.

Завершая статью, отметим, что сложность расследования преступления предопределена сложностью его криминалистической организации, которая, в свою очередь, обусловлена сложностью криминалистических ситуаций расследования, порождаемой видом расследуемого преступления и числом преступников, и, наконец, способом совершения преступления, что особенно видно на примере незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волынский А.Ф.* Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 112–115.
2. *Коновалов С.И.* Теоретико-методологические основы криминалистики: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. 272 с.
3. *Яблоков Н.П.* Планово-организационное обеспечение криминалистической деятельности // Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 128–137.
4. *Ищенко Е.П.* Криминалистика: курс лекций. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; КОНТРАКТ, 2008. 411 с.
5. *Образцов В.А.* Криминалистика: парные категории. М.: Юрлитинформ, 2007. 296 с.
6. *Князьков А.С.* Тактико-криминалистические средства досудебного производства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. 50 с.
7. *Зеленский В.Д.* О содержании организации расследования // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: мат-лы всеросс. научно-практ. конф., г. Краснодар, 23–24 мая 2002 г. С. 40–45.
8. *Можаева И.П., Степанов В.В.* Организационные основы деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений как структурный элемент криминалистики // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (13). М.: Спарк, 2005. С. 12–23.
9. *Зеленский В.Д.* Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 1991. 323 с.
10. *Фролов Ю.А.* Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции развития: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 217 с.
11. *Варданян А.В.* Некоторые организационные и правовые проблемы расследования преступлений в сфере земельных правоотношений // Юристъ-правоведъ. 2013. № 5 (60). С. 44–47.
12. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юридическая литература, 1970. 223 с.
13. *Зеленский В.Д.* Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1989. 152 с.
14. *Кирсанов З.И.* Теоретические основы криминалистики: учеб. пособие. М.: Войсковая часть 33965, 1998. 201 с.
15. *Яблоков Н.П.* Криминалистические версии и планово-организационное обеспечение криминалистической деятельности // Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 121–141.
16. *Можаева И.П.* Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. Т. 1. 500 с.
17. *Корчагин А.Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. 44 с.
18. *Зеленский В.Д.* Проблемы организации расследования преступлений. Краснодар: КубГАУ, 1998. 120 с.
19. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
20. *Зеленский В.Д.* Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1991. 42 с.

21. *Полстовалов О.В., Комиссаров В.И.* Организация и планирование расследования // Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2011. С. 237–240.
22. *Дяблова Ю.Л.* К вопросу о понятии и уровнях организационной деятельности по расследованию и раскрытию неочевидных преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3-2. С. 77–83.
23. *Варданян А.В.* Учение о следственной ситуации как теоретико-методологический ориентир для совершенствования организации расследования злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях // Юристъ-правоведъ. 2013. № 2 (57). С. 28–31.
24. *Коловоротный А.А., Резван А.П.* Особенности создания и организации работы следственных групп при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30). С. 95–100.
25. *Волынский А.Ф.* Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная категория // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 10–13.
26. *Александров И.В.* Проблемы организации расследования преступлений // Организационно-тактические проблемы расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. С. 13–22.
27. *Зеленский В.Д.* К вопросу о месте организации расследования в криминалистике // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (29). М.: Спарк, 2009. С. 25–30.
28. *Князьков А.С.* Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.
29. *Пархоменко В.И.* Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (тактико-криминалистический и организационный аспекты): дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 230 с.
30. *Сокол В.Ю.* Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений (методологические и организационные аспекты): дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. 188 с.
31. *Зеленский В.Д.* Организация расследования преступлений // Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова; под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. М.: Высш. образование, 2006. С. 74–92.
32. *Комиссаров В.И.* Криминалистическая версия, организация и планирование расследования // Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко, В.И. Комиссарова. М.: Юристъ, 2007. С. 230–245.
33. *Цехомская Е.В.* Организация криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 23 с.
34. *Князьков А.С.* Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дис ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. 507 с.
35. *Ищенко Е.П., Водянова Н.Б.* Алгоритмизация следственной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2010. 304 с.
36. *Корчагин А.Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. 355 с.
37. *Гавло В.К.* Некоторые организационно-тактические и методические проблемы в деятельности по расследованию преступлений // Организационно-тактические проблемы расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. С. 3–13.
38. *Волынский А.Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 52–71.
39. *Горячев Э.К.* Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 200 с.
40. *Пархоменко В.И.* Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (тактико-криминалистический и организационный аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.
41. *Зеленский В.Д.* О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 734–744.
42. *Водянова Н.Б.* Основы планирования и программирования следственной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 144 с.
43. *Бескровный Ю.В.* Организация раскрытия и расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.
44. *Коновалова В.Е.* К вопросу о принципах научной организации следственной деятельности // Вопросы государства и права: сб. статей. М., 1970. С. 340–344.
45. *Румянцев А.Ю.* Теоретико-прикладные аспекты организации расследования террористических актов // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 212–215.
46. *Шмонин А.В.* Методология криминалистической методики: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 416 с.
47. *Князьков А.С.* Об уголовно-процессуальном и криминалистическом понимании целей и задач следственного действия // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 347. С. 100–105.
48. *Валов С.В.* О содержании понятия «организация расследования преступлений» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. 22–24.
49. *Куемжиева С.А.* Организация первоначального этапа расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 119 (05). С. 1–8.
50. *Зеленский В.Д.* О понятии, содержании организации расследования преступлений // Проблемы предупреждения и расследования преступлений: прошлое и настоящее. Профессору Геннадию Федоровичу Горскому посвящается / под ред. проф. В.А. Панюшкина: Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. С. 274–283.

51. *Авраменко И.Л.* Организационно-тактические основы расследования преступлений и тенденции их развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1991. 24 с.
52. *Образцов В.А.* Криминалистика: парные категории. М.: Юрлитинформ, 2007. 296 с.
53. *Волынский А.Ф.* Эффективность как принцип организации предварительного расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 27–32.
54. *Макаренко И.А., Эксархопуло А.А.* Криминалистика: учебник для бакалавров. М.: Юрлитинформ, 2014. 520 с.
55. *Панов С.Л., Ревягин А.В.* Принципы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3 (62). С. 3–7.
56. *Правовое* регулирование деятельности органов внутренних дел. 2-е изд. Т. 1. М., 2003.
57. *Валов С.В.* О содержании понятия «организация расследования преступлений» // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 38–41.
58. *Влезько Д.А.* Проблемы организационных функций начальника следственного отделения (отдела) в расследовании: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 166 с.
59. *Танкевич О.В.* Профессиональное взаимодействие следователя с органами дознания: учебно-методическое пособие. Гродно: ГрГу, 2003. 115 с.
60. *Аменицкая Н.А.* Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 201 с.

ORGANIZATIONAL PRINCIPLES OF THE INVESTIGATION OF ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS CARRIED OUT THROUGH THE USE OF ELECTRONIC AND DATA TELECOMMUNICATION NETWORKS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 81–91. DOI 10.17223/23088451/9/16

Alexey S. Knyazkov, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ask011050@yandex.ru
Aleksandr V. Polgert, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia). E-mail: apolgert@mail.ru

Keywords: forensic activity, organisation of crime investigation, forensic interaction and coordination, method of crime; electronic and data telecommunication networks; illegal sale of narcotic drugs.

The paper aims at investigating the criminalistic nature of crime investigation specified in such tasks as clarifying the concept of organisation of the investigation, its principles, levels, elements and structure, forensic complexity of the investigation in relation to the activities of the investigator in cases of illegal sale of narcotic drugs by using electronic and data telecommunication networks. The research uses a number of methods of cognition, especially the system and activity methods, methods of factor analysis, formalisation and idealisation. The topicality of issues connected with the organisation of crime investigation is predetermined by two interrelated factors: an increase in the number of crimes that tend to get more complicated and lagging behind the criminalistic theory in developing organizational provisions that would take into account the increasing forensic complexity of investigating such crimes. This goal can be achieved provided that, along with criminal procedure, forensic activity predetermining the need to consider precisely the forensic aspects of crime investigation organization is recognised. Following this approach makes it possible to successfully consider the question of organizational levels by specifying methodological and tactical forensic levels of organisation of the investigation. The criterion of the scope of the organisational methodological and tactical forensic measures is the nature of the general and particular investigative situations that determine the strategy and tactics of the investigator's activity during the verification of the crime report, as well as in the initial, subsequent and final stages of forensic activity. Further complication of criminal activity makes it possible to believe that it is controversial to consider any circumstances of the forensic complexity of investigating crimes as equal factors to understanding the dominant factor of the forensic complexity of investigating certain crimes, including illegal sale of narcotic drugs using electronic or data telecommunications networks (including the Internet) – Part 2 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is this factor that predetermines the nature of other factors of preliminary investigation complexity. The comparison of the organizational principles of the investigation and the principles of interaction of the investigator shows functional interrelation of either of them, as well as their derivation of the latter from the former.

REFERENCES

1. Volynskiy, A.F. (2015) Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy – kompleksnaya, mezhnauchnaya problema [The organization of crime disclosure and investigation – a complex, inter-scientific problem]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 3. pp. 112–115.
2. Konovalov, S.I. (2001) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy kriminalistiki* [Theoretical and methodological foundations of criminalistics]. Law Dr. Diss. Volgograd.
3. Yablokov, N.P. (2005) Planovo-organizatsionnoe obespechenie kriminalisticheskoy deyatel'nosti [Planning and organizational support of forensic activity]. In: Yablokov, N.P. (ed.) *Kriminalistika* [Forensic Science]. 3rd ed. Moscow: Yurist". pp. 128–137.
4. Ishchenko, E.P. (2008) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Moscow: AST: AST MOSKVA: KONTRAKT.
5. Obraztsov, V.A. (2007) *Kriminalistika: parnye kategorii* [Forensic Science: Paired Categories]. Moscow: Yurlitinform.
6. Knyazkov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical and forensic means of pre-trial procedure]. Abstract of Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
7. Zelenskiy, V.D. (2002) [On the content of the investigation organisation]. *Aktual'nye problemy kriminalistiki na sovremennom etape* [Topical Problems of Forensic Science at Present Stage]. Proc. of the All-Russian Conference. Krasnodar. May 23–24, 2002. pp. 40–45. (In Russian).

8. Mozhaeva, I.P. & Stepanov, V.V. (2005) Organizatsionnye osnovy deyatel'nosti po raskrytiyu, rassledovaniyu i preduprezhdeniyu prestupleniy kak strukturnyy element kriminalistiki [Organizational principles of the activity on disclosure, investigation and prevention of crimes as a structural element of forensic science]. *Vestnik kriminalistiki*. 1(13). pp. 12–23.
9. Zelenskiy, V.D. (1991) *Kriminalisticheskie problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Forensic problems of organization of crime investigation]. Law Dr. Diss. Krasnodar.
10. Frolov, Yu.A. (2006) *Sistema ugolovnogo sudoproizvodstva: istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya* [Criminal procedure system: History and current trends of development]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
11. Vardanyan, A.V. (2013) Nekotorye organizatsionnye i pravovye problemy rassledovaniya prestupleniy v sfere zemel'nykh pravootnosheniy [Some organisational and legal problems of crime investigation in the sphere of land legal relations]. *Yurist"-pravoved"*. 5(60). pp. 44–47.
12. Larin, A.M. (1970) *Rassledovanie po ugolovnomu delu. Planirovanie, organizatsiya* [Criminal Case Investigation. Planning, organisation]. Moscow: Yuridicheskaya literature.
13. Zelenskiy, V.D. (1989) *Organizatsiya rassledovaniya prestupleniy. Kriminalisticheskie aspekty* [Organisation of crime investigation. Forensic aspects]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
14. Kirsanov, Z.I. (1998) *Teoreticheskie osnovy kriminalistiki* [Theoretical foundations of criminalistics]. Moscow: Voyskovaya chast' 33965.
15. Yablokov, N.P. (2010) Kriminalisticheskie versii i planovo-organizatsionnoe obespechenie kriminalisticheskoy deyatel'nosti [Forensic versions and planning and organisational support of forensic activity]. In: Yablokov, N.P. (ed.) *Kriminalistika* [Forensic Science]. 4th ed. Moscow: Norma: INFRA-M. pp. 121–141.
16. Mozhaeva, I.P. (2014) *Kriminalisticheskoe uchenie ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Criminalistic theory of the organization of crime investigation]. Law Dr. Diss. Moscow.
17. Korchagin, A.Yu. (2007) *Organizatsionno-takticheskie i metodicheskie osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratel'stva* [Organisational-tactical and methodological basis of forensic support of the trial]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
18. Zelenskiy, V.D. (1998) *Problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Problems of organisation of crime investigation]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
19. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: v 3 t.* [Forensic Science: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Yurist".
20. Zelenskiy, V.D. (1991) *Kriminalisticheskie problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Forensic problems of organization of crime investigation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
21. Polstovalov, O.V. & Komissarov, V.I. (2011) Organizatsiya i planirovanie rassledovaniya [Organisation and planning of the investigation]. In: Ishchenko, E.P. (ed.) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Moscow: Prospekt. pp. 237–240.
22. Dyablova, Yu.L. (2015) K voprosu o ponyatii i urovnyakh organizatsionnoy deyatel'nosti po rassledovaniyu i raskrytiyu neochevidnykh prestupleniy [On the concept and levels of organisational activity for the investigation and disclosure of non-obvious crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of Tula State University. Economic and Legal Sciences.* 3-2. pp. 77–83.
23. Vardanyan, A.V. (2013) Uchenie o sledstvennoy situatsii kak teoretiko-metodologicheskiy orientir dlya sovershenstvovaniya organizatsii rassledovaniya zloupotrebleniy polnomochiyami v kommercheskikh i inykh organizatsiyakh [The doctrine of the investigative situation as a theoretical and methodological reference point for improving the organisation of investigation of abuse of power in commercial and other organisations]. *Yurist"-pravoved"*. 2(57). pp. 28–31.
24. Kolovorotnyy, A.A. & Rezvan, A.P. (2014) Osobennosti sozdaniya i organizatsii raboty sledstvennykh grupp pri rassledovanii prestupleniy, predusmotrennykh st. 210 UK RF [Creation and organisation of investigation teams in the investigation of crimes under Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 3(30). pp. 95–100.
25. Volynskiy, A.F. (2015) Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy – kompleksnaya, mezhnauchnaya kategoriya [Organisation of crime disclosure and investigation as a complex, inter-scientific category]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 10. pp. 10–13.
26. Aleksandrov, I.V. (1990) Problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy [Problems of organisation of crime investigation]. In: Kornoukhov, V.E. (ed.) *Organizatsionno-takticheskie problemy rassledovaniya prestupleniy* [Organisational and tactical problems of crime investigation]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 13–22.
27. Zelenskiy, V.D. (2009) K voprosu o meste organizatsii rassledovaniya v kriminalistike [On the issue of investigation location in forensic science]. *Vestnik kriminalistiki*. 1(29). pp. 25–30.
28. Knyazkov, A.S. (2013) *Analiticheskie taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Analytical tactical and forensic means of pre-trial procedure]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Parkhomenko, V.I. (2005) *Vzaimodeystvie sledovateley, operativnykh rabotnikov i spetsialistov pri rassledovanii ugolovnykh del o nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv (taktiko-kriminalisticheskiy i organizatsionnyy aspekty)* [Interaction of investigators, operatives and specialists in the investigation of criminal cases on illegal traffic in narcotic drugs and psychotropic substances (tactical, forensic and organisational aspects)]. Law Cand. Diss. Moscow.
30. Sokol, V.Yu. (1998) *Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy (metodologicheskie i organizatsionnye aspekty)* [Tactico-criminalistic support for the disclosure and investigation of crimes (methodological and organizational aspects)]. Law Cand. Diss. Moscow.
31. Zelenskiy, V.D. (2006) Organizatsiya rassledovaniya prestupleniy [Organisation of crime investigation]. In: Ishchenko, E.P. & Filippov, A.G. (eds) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Moscow: Vyssh. Obrazovanie. pp. 74–92.
32. Komissarov, V.I. (2007) Kriminalisticheskaya versiya, organizatsiya i planirovanie rassledovaniya [Forensic version, organisation and planning of investigation]. In: Ishchenko, E.P. & Komissarov, V.I. (eds) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Moscow: Yurist". pp. 230–245.

33. Tsekhomskaya, E.V. (2013) *Organizatsiya kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratel'stva ugolovnykh del* [Organisation of forensic support of criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
34. Knyazkov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical-criminalistic means of pre-trial proceedings]. Law Dr. Diss. Tomsk.
35. Ishchenko, E.P. & Vodyanova, N.B. (2010) *Algoritmizatsiya sledstvennoy deyatel'nosti* [Algorithmization of investigative activities]. Moscow: Yurlitinform.
36. Korchagin, A.Yu. (2008) *Organizatsionno-takticheskie i metodicheskie osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratel'stva ugolovnykh del* [Organizational-tactical and methodical bases of criminalistic support of criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Krasnodar.
37. Gavlo, V.K. (1990) Nekotorye organizatsionno-takticheskie i metodicheskie problemy v deyatel'nosti po rassledovaniyu prestupleniy [Some organisational-tactical and methodical problems of crime investigation]. In: Kornoukhov, V.E. (ed.) *Organizatsionno-takticheskie problemy rassledovaniya prestupleniy* [Organisational and tactical problems of crime investigation]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 3–13.
38. Volynskiy, A.F. (2009) Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Forensic support for crime disclosure and investigation]. In: Volynsky, A.F. & Lavrov, V.P. (eds) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Moscow: YuNITI-DANA. pp. 52–71.
39. Goryachev, E.K. (2004) *Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Tactical-forensic support for crime disclosure and investigation]. Law Cand. Diss. Moscow.
40. Parkhomenko, V.I. (2005) *Vzaimodeystvie sledovateley, operativnykh rabotnikov i spetsialistov pri rassledovanii ugolovnykh del o nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv (taktiko-kriminalisticheskiy i organizatsionnyy aspekty)* [Interaction of investigators, operatives and specialists in the investigation of criminal cases on the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances (tactical, forensic and organizational aspects)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
41. Zelenskiy, V.D. (2015) O ponyatii i soderzhanii organizatsii rassledovaniya prestupleniy [On the concept and content of the organization of crime investigation]. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 9(4). pp. 734–744.
42. Vodyanova, N.B. (2010) *Osnovy planirovaniya i programmirovaniya sledstvennoy deyatel'nosti* [Fundamentals of planning and programming of investigative activities]. Moscow: Yurlitinform.
43. Beskrovnyy, Yu.V. (2012) *Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy, podsledstvennykh organam vnutrennikh del* [The organisation of crime disclosure and investigation that are under investigation to the bodies of internal affairs]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
44. Konovalova, V.E. (1970) K voprosu o printsipakh nauchnoy organizatsii sledstvennoy deyatel'nosti [On the principles of the scientific organisation of investigative activities]. In: Kolesnichenko, A.K. et al. *Voprosy gosudarstva i prava* [Questions of State and Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 340–344.
45. Rumyantsev, A.Yu. (2008) Teoretiko-prikladnye aspekty organizatsii rassledovaniya terroristicheskikh aktov [Applied theoretical aspects of organization of investigation of terrorist acts]. *Biznes v zakone – Business in Law*. 4. pp. 212–215.
46. Shmonin, A.V. (2010) *Metodologiya kriminalisticheskoy metodiki* [Forensic methodology]. Moscow: Yurlitinform.
47. Knyazkov, A.S. (2010) On criminal procedure and forensic understanding of purposes and aims of investigatory actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 347. pp. 100–105. (In Russian).
48. Valov, S.V. (2015) O soderzhanii ponyatiya “organizatsiya rassledovaniya prestupleniy” [On the content of the concept of “organization of crime investigation”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 10. pp. 22–24.
49. Kuemzhieva, S.A. (2016) Organization of the initial stage of the investigation of crimes against the family and minors. *Nauchnyy zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU*. 119(05). pp. 1–8. (In Russian).
50. Zelenskiy, V.D. (2014) O ponyatii, soderzhanii organizatsii rassledovaniya prestupleniy [On the concept and content of the organisation of crime investigation]. In: Panyushkin, V.A. (ed.) *Problemy preduprezhdeniya i rassledovaniya prestupleniy: proshloe i nastoyashchee* [Problems of Prevention and Investigation of Crimes: Past and Present]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 274–283.
51. Avramenko, I.L. (1991) *Organizatsionno-takticheskie osnovy rassledovaniya prestupleniy i tendentsii ikh razvitiya* [Organisational-tactical bases of crime investigation and tendencies of their development]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
52. Obraztsov, V.A. (2007) *Kriminalistika: parnye kategorii* [Forensic Science: Paired Categories]. Moscow: Yurlitinform.
53. Volynskiy, A.F. (2016) Effektivnost' kak printsip organizatsii predvaritel'nogo rassledovaniya prestupleniy [Efficiency as a organizational principle of preliminary crime investigation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 27–32.
54. Makarenko, I.A. & Eksarkhopulo, A.A. (2014) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Moscow: Yurlitinform.
55. Panov, S.L. & Revyagin, A.V. (2016) Printsipy vzaimodeystviya pravookhranitel'nykh organov v bor'be s prestupnost'yu [Principles of interaction of law enforcement agencies in the fight against crime]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 3(62). pp. 3–7.
56. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2003) *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Legal regulation of the activities of law enforcement bodies]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow.
57. Valov, S.V. (2016) O soderzhanii ponyatiya “organizatsiya rassledovaniya prestupleniy” [On the content of the concept of “organization of crime investigation”]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1. pp. 38–41.
58. Vlezko, D.A. (2002) *Problemy organizatsionnykh funktsiy nachal'nika sledstvennogo otdeleniya (otdela) v rassledovanii* [Problems of organisational functions of the head of the investigative department in the investigation]. Law Cand. Diss. Krasnodar.

59. Tankevich, O.V. (2003) *Professional'noe vzaimodeystvie sledovatelya s organami doznaniya* [Professional interaction of the investigator with the bodies of inquiry]. Grodno: Grodno State University.
60. Amenitskaya, N.A. (2006) *Vzaimodeystvie sledovatelya i organov, osushchestvlyayushchikh operativno-rozysknuyu deyatel'nost' v raskrytii i rassledovanii prestupleniy (v OVD)* [Interaction of the investigator and the bodies that carry out operational-search activity in the disclosure and investigation of crimes (in the Internal Affairs Departments)]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.

УДК 343.985.7 DOI 10.17223/23088451/9/17

Д.С. Ондар

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЖ ИЗ ЖИЛИЩА, СОВЕРШЕННЫХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНЕСУЩЕСТВОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Раскрывается понятие криминалистической характеристики краж из жилища, совершенных в сельской местности в условиях компактного проживания этноса, определяется ее своеобразие, значение и место в раскрытии указанных преступлений. Решается проблемный вопрос, связанный с числом элементов криминалистической характеристики преступления и их содержанием.

Ключевые слова: *криминалистическая характеристика преступления, элементы криминалистической характеристики преступления, кражи из жилища, сельская местность.*

Отношения собственности – важная составляющая всей жизнедеятельности личности, общества и государства, поэтому уголовное законодательство уделяет защите собственности большое внимание. Вопросы, связанные с преступлениями против собственности, являются особенно важными по причине частоты совершения преступлений данной категории, а кроме того – большого объема имущественных потерь, наносимых данным преступлением.

Преступление как негативное явление в юридических науках характеризуется с разных позиций: криминологической, уголовно-правовой, криминалистической и т.д. Очевидно, что в каждом случае будут называться те или иные специфические проявления преступления, связанные с предметом соответствующих наук [1, с. 860].

Как показывает анализ работ, посвященных проблемам криминалистической характеристики преступления, в отношении данной категории существует ряд дискуссионных вопросов. Они касаются определения понятия, содержания криминалистической характеристики, ее сущности, значении и места в частной криминалистической методике.

Появление понятия криминалистической характеристики преступления характеризовалось рассмотрением небольшого круга связанных с ним вопросов, в большей мере, элементного состава этого вида характеристики [2, с. 10; 3, с. 4].

Концепция криминалистической характеристики преступления прошла определенный путь отечественной криминалистики: от всеобщей поддержки идеи до сомнений в ее необходимости для теории и практики расследования преступлений. Так, высказывалась иная точка зрения о том, что данное понятие не отвечает научным требованиям [4, с. 11–12; 5, с. 73; 6, с. 57]. По этой причине предлагалось отказаться от термина и понятия «криминалистическая характеристика преступления», вернуться к старой практике указания в конкретной частной криминалистической методике в качестве первого ее элемента специфических особенностей предмета доказывания по той или иной категории уголовных дел [4, с. 11–12].

Высказанная таким авторитетнейшим ученым, как Р.С. Белкин, мнение вызвало серьезную научную дискуссию в криминалистике. Ряд исследователей буквально воспринял суждение об отказе от рассматриваемого понятия, исключив из разрабатываемых ими частных методик расследования отдельных видов преступлений их криминалистическую характеристику, либо полностью подменив ее таким обстоятельством, как «особенности предмета доказывания». Некой более мягкой позицией критики данной системы явилось использование для обозначения, по сути, того же содержания криминалистической характеристики преступления, иных терминов: «криминалистический анализ», «криминалистическая модель преступления» и др. Большая часть ученых-криминалистов сразу не поддержала идею безоговорочного отказа от использования такой категории, как «криминалистическая характеристика преступления». Прошедшее с момента начала названной дискуссии время знаменуется тем, что у сторонников криминалистической характеристики преступления появляются все новые, заслуживающие внимания доводы в пользу огромного значения данной характеристики преступления для целей совершенствования частной криминалистической методики как части криминалистики и для криминалистической науки и практики – в целом [7, с. 118; 8, с. 255, 9, с. 14; 10, с. 35]. На сегодняшний день большинством ученых-криминалистов признается существование криминалистической характеристики преступления как категории криминалистической науки. Более того, в криминалистической литературе рассматриваемая характеристика называется одним из информационных средств расследования [11, с. 94; 12, с. 26; 13, с. 35; 14, с. 24; 15, с. 8].

Разделяя мнение и многих других авторов, таких, как В.К. Гавло [16, с. 26–27], Н.П. Яблоков [17, с. 25], О.Я. Баев [18, с. 20], О.В. Челышева [19, с. 12–13], Г.К. Захаров [20, с. 37–42], А.С. Князьков [21, с. 87], не поддерживающих идею отказа от категории криминалистическая характеристика преступления, можно еще раз убедиться, что сторонники отказа от рассматриваемой категории не предоставили необходимых аргументов в пользу своей точки

зрения. В то же время указанную выше позицию профессора Р.С. Белкина и других ученых не следует воспринимать как огульное отрицание криминалистической характеристики преступления. Правильнее толковать эту позицию как во многом объективную критику качества формируемых криминалистических характеристик преступлений в рамках отдельных научных исследований. Даже на сегодняшний день в научных исследованиях (как правило, диссертационных) «криминалистическая характеристика» того или иного вида преступления нередко представляет собой лишь поверхностное описание отдельных элементов преступной деятельности без раскрытия корреляционных связей между ними [22, с. 14; 23, с. 158].

Оценка значимости криминалистической характеристики для криминалистической теории и практики должна строится на выяснении ее роли в познании криминалистически значимых черт (свойств) различных видов преступлений, позволяющих наиболее эффективно собирать доказательства и иную криминалистически значимую информацию, успешно решать задачи раскрытия и расследования всех преступлений. Отсюда весьма важным является точное определение, во-первых, элементов криминалистической характеристики преступления, во-вторых, содержания этих элементов, в-третьих, взаимосвязи между ними.

С учетом этого можно говорить, что криминалистическая характеристика преступлений является важной категорией криминалистики, имеющей значение как для общей теории криминалистики (теоретических положений ее отдельных частей), так и для методики расследования преступлений и, разумеется, для следственной деятельности. Иногда эту характеристику именуют типовой информационной моделью преступления, что не меняет сущности этого понятия [24, с. 60].

Представляется, что функциональная роль криминалистической характеристики преступления заключается в том, что она в совокупности со следственной ситуацией задает направление деятельности следователя при расследовании преступления и делает это благодаря специфичности признаков конкретного преступления.

Несмотря на отдельные различия в тех или иных определениях криминалистической характеристики преступления, даваемых многочисленными авторами, все они отражают главное ее качество: криминалистическая характеристика, во-первых, есть система обобщенных, типичных данных, во-вторых, таких ее признаков, которые способствуют поиску доказательств и иной информации о преступлении и преступнике, а также иных обстоятельств, имеющих значение для расследования преступления. Эти признаки так или иначе показаны в имеющихся определениях. Так, А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков делают заключение о том, что криминалистическая характеристика преступления должна охватывать сугубо криминалистическое описание преступления. Названные авторы одни из первых указали на существование криминалистической характеристики преступления [25, с. 113–133].

Позже Н.П. Яблоков уточнил понятие криминалистической характеристики преступления, определив ее как систему описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, дающую представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах, об определенной преступной деятельности и имеющая своим назначением обеспечение успешного решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [24, с. 64].

Другие ученые трактуют понятие криминалистической характеристики преступления более широко, определяя ее как систему любых данных, которые способствуют раскрытию и расследованию преступлений, и поэтому имеют криминалистическое значение [26, с. 9]. Именно реализация такого подхода привела к тому, что к элементам криминалистической характеристики преступления стали причислять самые различные обстоятельства, в том числе, не имеющие поисково-познавательного значения. Затем такое многообразие обстоятельств, не являющихся по сути элементами криминалистической характеристики преступления, и послужило причиной негативной оценки данного понятия.

По мнению А.С. Князькова, криминалистическая характеристика преступления включает в себя те сведения о нем (те признаки), которые способствуют эффективной познавательной поисковой деятельности в процессе предварительного расследования, а также судебного следствия [1, с. 860].

Представляет особый интерес понимание формы научного знания, в котором облегчены положения о криминалистической характеристике преступления. В определении, принадлежащем В.С. Бурдановой, криминалистическая характеристика преступления выступает в качестве типовой информационной модели, совокупности данных или сведений, полученных в результате специальных исследований [27, с. 3–4]. Р.С. Белкин в период поддержки им концепции криминалистической характеристики преступления видел ее как некое абстрактное научное понятие. При этом он высказывал мнение о том, что есть криминалистическая характеристика конкретного преступления [28, с. 3–5]

Наконец, существует мнение о том, что криминалистическая характеристика преступления достигла необходимой степени теоретической зрелости, позволяющей считать ее криминалистическим учением [29, с. 7]. В пользу такого подхода, как считает А.С. Князьков, свидетельствуют концептуальные теоретические положения данного научного образования, имеющие значение информационной системы для разработки частных криминалистических методик [1, с. 864].

Анализируя подходы тех или иных ученых к определению понятия и сущности криминалистической характеристики преступления, можно прийти к выводу о том, что каждая из известных позиций отражает отдельные качественные характеристики данного понятия.

Правильным представляется подход к рассмотрению криминалистической характеристики как системы данных о преступлении. Система, как известно, действительно способна объединить в единое целое структурно разные, но взаимосвязанные элементы. Именно эти важные черты, на наш взгляд, и должны быть положены в основу определений данной характеристики, что, несомненно, имеет существенное значение не только для криминалистической теории, но и в практическом плане. В частности, познание системы элементов криминалистической характеристики преступления и их закономерных взаимосвязей помогает следователю по известным данным судить о каких-либо элементах, не только предположить существование других, еще не выявленных элементов, но и определить пути и средства их установления в ходе расследования.

История становления и развития взглядов на элементный состав криминалистической характеристики преступления может быть представлена как история называния все новых и новых обстоятельств, предлагаемых в качестве ее элементов. По меньшей мере, можно говорить о тридцати указываемых элементах видовой криминалистической характеристики преступлений [1, с. 868–869], число которых, судя по исследовательской тенденции, может значительно увеличиться, если не следовать объективным критериям отнесения того или иного обстоятельства к элементу криминалистической характеристики преступления. При всем кажущемся удобстве для теории и практики такого подробного перечисления обстоятельств, которые могут способствовать расследованию преступления, выступать в качестве элементов криминалистической характеристики преступления, приведение их в определенную систему вызывает значительные трудности. Это связано, прежде всего, с тем, что многие предлагаемые в качестве элементов криминалистической характеристики преступлений обстоятельства криминалистическими по своей сути не являются. В качестве такого обстоятельства можно назвать следственные ситуации. В настоящий момент лишь отдельные авторы включают следственную ситуацию в структуру криминалистической характеристики преступления [30, с. 43]. Между тем следственная ситуация и криминалистическая характеристика преступления выступают как однопорядковые образования, которые по отношению друг к другу являются элементами частной криминалистической методики [1, с. 871–872].

Вопросы о содержании структурообразующих элементов криминалистической характеристики преступлений, значимости теоретического анализа зависимостей и корреляционных связей между отдельными ее составляющими для расследования преступлений определенного вида в каждом конкретном случае важны для построения соответствующей частной криминалистической методики. Несомненно, относительно данной категории будут высказываться различные, подчас диаметрально противоположные суждения. Но нужно признать тот факт, что криминалистическая характеристика преступлений существует как важнейшая категория криминалистики и криминалистическое средство. Бесспорен и тот факт, что единого мнения о ее структурном содержании также может не быть, особенно если речь идет о криминалистической характеристике преступления определенного вида или группы преступлений. Рассматривая проблему содержания криминалистической характеристики преступлений, нельзя согласиться с мнением, что в это понятие можно включать множество элементов, начиная от отличительных черт, свойств и признаков того или иного вида преступления и заканчивая характером вины, последствиями преступления и наиболее типичными доказательствами, а также обстоятельствами, способствующими его совершению. В таком виде характеристика вряд ли может быть использована как средство раскрытия и расследования совершенного преступления, а значит, не может считаться именно криминалистической характеристикой. Криминалистическая характеристика преступления должна включать в себя такие компоненты, которые эффективно будут содействовать выбору наиболее рациональных способов раскрытия и расследования совершенных преступлений [31, с. 109].

Определению оптимального перечня элементов криминалистической характеристики посвятили свои исследования многие ученые. Наиболее полные результаты получены, прежде всего, С.И. Коноваловым. Указанный автор применил своеобразный метод экспертной оценки взглядов на криминалистическую характеристику преступления и на число ее элементов. С этой целью он провел ранжирование предлагаемых другими учеными структурных элементов криминалистической характеристики преступления. На этой основе были предложены структурные элементы именно криминалистической характеристики преступлений, включающей в себя способ совершения преступления, субъект преступления (особенности личности возможного преступника, мотив, цель, установка, преступные связи), обстановка совершения преступления (условия совершения преступления, типичные ситуации совершения преступления), объект (предмет) преступного посягательства, механизм следообразования [32, с. 99].

Аналогичные исследования осуществлены В.П. Бахиным. Их результатом стал вывод, что основными элементами криминалистической характеристики преступления, встречающимися практически у всех авторов, исследующих эту проблему, являются способы совершения преступления; характеристика преступника; следовая картина происшест-

вия; предмет преступного посягательства. Названным автором определены и другие элементы, коррелирующие с указанными выше, но менее часто включаемые в криминалистическую характеристику: обстановка и обстоятельства совершения преступления (Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, Н.П. Яблоков); следственные ситуации (А.Н. Васильев, С.И. Винокуров); круг обстоятельств, подлежащих выяснению (Н.П. Яблоков); распространенность и общественная опасность преступления (И.Ф. Герасимов, В.А. Ледащев); мотивы совершения преступлений (И.А. Возгрин); классификация преступлений (А.Н. Колесниченко). При этом В.П. Бахин высказывал мнение о том, что эти и другие элементы-признаки, безусловно, характеризуют преступление и его совершение, но с позиции практического назначения криминалистической характеристики они должны разграничиваться на две группы: признаки, составляющие всестороннюю характеристику определенного вида преступлений, позволяющую отличать его от иных видов преступлений и признаки, способные выполнять функцию обеспечения раскрытия и расследования преступлений. К элементам первой группы следует отнести классификацию преступлений, их распространенность и опасность, круг обстоятельств, подлежащих выяснению, и им подобные, которые необходимы для общей видовой характеристики преступлений, для ориентации в работе по расследованию, но не являются рабочим инструментарием раскрытия и расследования преступлений. К содержанию криминалистической характеристики преступлений как практического инструмента расследования должны быть отнесены только те элементы, которые отличаются четкой поисково-розыскной направленностью [33, с. 20].

Следует отметить, что элементы, составляющие систему криминалистической характеристики преступления, должны быть взаимосвязаны между собой: только в этом случае можно говорить о системе. Установление наличия связей между элементами криминалистической характеристики очень важно, поскольку их знание позволяет, познавая один элемент системы преступления, получить знания о некоторых других элементах и, в конечном счете, раскрыть преступление.

В свое время А.М. Ларин [34, с. 116–126; 4, с. 6–7] подверг критике идею об актуальности выявления корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики преступления, выдвинутую Л.Г. Видоновым [35, с. 19], апеллируя к периодически обнаруживаемой нерепрезентативности данных. Однако, это также не может являться свидетельством необходимости отказа от криминалистической характеристики преступления как научного понятия и криминалистического средства расследования преступления. Дело в том, что исследования Л.Г. Видонова проводились весьма давно, в 1978 г., и в этой связи представляется неправильным критиковать данные двадцатилетней давности без учета современных реалий преступной деятельности. Поиск же взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления раскрывает свойственную указанному научному понятию характерную для него динамическую составляющую [36, с. 75].

Возвращаясь к вопросу о многообразии обстоятельств, рассматриваемых в качестве элементов криминалистической характеристики, можно сказать, что лишь в отношении двух элементов – способе совершения преступления и личности преступника – не возникает споров [37, с. 74–78].

Действительно, это так: связь между способом совершения преступления и личностью преступника в условиях недостатка исходной информации, именно о личности преступника, позволяет выдвинуть обоснованные версии. В наибольшей мере эта связь проявляется в преступлениях с материальным составом, например, кражи. Эта связь позволяет выбрать оптимальный путь по обнаружению лиц, совершивших кражу, установить местонахождение похищенного имущества и др. К примеру, анализируя способ совершения квартирной кражи и располагая данными о типичных способах совершения таких преступлений, можно выдвинуть обоснованную версию о личности преступника. Имея сведения о предмете преступного посягательства в отдельных случаях также можно получить сведения о личности преступника, а кроме того – установить, через кого и где может быть реализовано похищенное имущество и т. д.

Многочисленность предлагаемых в качестве элементов криминалистической характеристики преступлений обстоятельств, их внесистемное рассмотрение привели к отмечаемому отдельными авторами своеобразному феномену, проявившемуся в настоящее время в науке криминалистике, а именно: теоретическому поиску наименьшего числа обстоятельств – элементов криминалистической характеристики, которые в своем системном проявлении могут образовать, описать указанную характеристику [1, с. 872].

Названный выше анализ позволяет заметить, что некими собирательными элементами видовой криминалистической характеристики умышленного преступления являются способ подготовки, способ совершения, способ сокрытия преступления, механизм преступления, личность преступника, личность потерпевшего и обстановка преступления. Причем, наличие тех или иных обстоятельств зависит от характера деяния [1, с. 873].

При всей значимости вопроса о точном числе элементов криминалистической характеристики преступления для успешной поисково-познавательной деятельности, важнейшее значение имеет содержание этих элементов, а кроме того – характер данных элементов, показывающих специфику совершения преступления. Отдельные субъекты Российской Федерации имеют специфические особенности жизнесуществования населения, получающие

объективно свое проявление в ходе подготовки, совершения и сокрытия преступления. При составлении криминалистической характеристики кражи из жилища в сельской местности в условиях компактного проживания этноса необходимо принимать во внимание не единичные факторы преступной деятельности, а их систему. Система этих же факторов должна быть положена при анализе деятельности по расследованию отмеченных хищений. Мы выделяем этнические, социальные, географические и природно-климатические факторы, которые в своей совокупности создают специфические условия деятельности следователя.

Элементы криминалистической характеристики краж из жилища отражают наиболее значимые признаки данного вида преступления, способствующие поиску информации о преступлении и лице, совершившем преступление, а также иной информации, имеющей в целом значение для раскрытия и расследования преступления [1, с. 907].

Большинство авторов, посвятивших свои монографические исследования проблемам предварительного расследования краж из жилища, называют следующие элементы: предмет преступления; обстановка совершения преступления; способ подготовки, совершения преступления (способ проникновения, орудия проникновения, способ изъятия предметов) и сокрытия кражи; личность преступника; личность потерпевшего и механизм преступления [1, с. 908; 9, с. 15; 38, с. 88].

Говоря о предмете преступного посягательства как элементе криминалистической характеристики краж из жилища, нужно иметь в виду то обстоятельство, что криминалистически значимым данное обстоятельство будет тогда, когда предмет посягательства отобразит себя на каких-либо других элементах криминалистической характеристики данного вида преступления либо на нем получат свое отражение другие обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного дела. Чаще всего предмет преступного посягательства отображает отдельные увлечения лица, психическое и физиологическое состояние преступника в момент совершения кражи, а также определенную «специализацию», получающую свое отображение [1, с. 908], например, в похищении скота. По результатам анкетирования следователей выявлено: самым распространенным предметом краж из жилища в сельской местности являются бытовая техника (31 %) и продовольственные товары (29 %). Объяснить это можно тем, что продовольственные товары быстро потребляются и не оставляют следов либо реализуются, также как и бытовая техника.

По результатам анкетирования следователей, ведущих расследование в сельской местности выявлено, что на выбор предмета хищения могут оказывать влияние этнические факторы (20 %). Эти факторы отражаются, к примеру, в запрете красть священное животное, которое хозяин помечает специальным знаком. Они же имеют выражение в том, что у тувинцев носят значение табу хищения из жилищ, принадлежащих шаманам, ламам, а также старейшинам села. Учитывая это, следователь при хищении названных предметов, может выдвинуть вероятную следственную версию, что кража совершена лицом другой этнической принадлежности.

Обстановка совершения кражи из жилища представляет, в силу скрытности посягательства, один из ключевых элементов криминалистической характеристики изучаемого преступления.

В обстановку совершения преступления учеными включаются различные факторы внешней среды, такие как: территориальная, климатическая, демографическая и иная специфика региона; производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения непрямых участников противоправного события, психологические связи между ними и иные факторы объективной реальности, а также обстоятельства, характеризующие непосредственно место, время, условия и другие особенности совершения преступления. Некоторые авторы добавляют к этим явлениям и процессам еще последовательность и очередность действий каждого участника, их преступную роль, психологические взаимоотношения, мотивы, способ [39, с. 52]. Нельзя не заметить, что в литературе эти факторы подчас лишь обозначаются, они не представлены системно, и самое главное, учитываются лишь при описании преступления, но не процесса его расследования.

Для расследования краж из жилища, совершенных в сельской местности и обнаружения информации о других элементах криминалистической характеристики данного преступления, необходимо выяснить информацию о месте (то есть выяснить информацию не только о том, что хищение совершено из определенного жилища, но и о расположении данного жилища относительно других домов, о проживающих по соседству гражданах), об условии совершения хищения из жилища, о климатических условиях, насколько это возможно (информация о климатических условиях может помочь органам предварительного расследования выдвинуть версии об оставлении преступником следов совершения преступления, их локализации и сохранности), а также установить возможное время совершения квартирной кражи из жилища.

Наиболее важным в обстановке совершения преступления является место совершения преступления. Его специфической особенностью является наличие существенных материальных изменений по сравнению с первоначальным видом как результат тех или иных действий преступника [1, с. 910–911]. На месте совершения кражи из жилища находят свое отражение такие ее элементы, как количество преступников, их личностные особенности (навыковые, возрастные, анатомические, физиологические, психологические, социальные) [40, с. 121]. Примером может послужить кража из жилища, совершенная в период с 22:00 часов 6 апреля 2014 г. по 10:00 часов 7 апреля 2014 г. в поселке Каа-Хем Кызылского района Республики

Тыва. На месте преступления были обнаружены отпечатки рук, которые были откопированы на дактилопленку, след обуви и след протектора шины автотранспортного средства были сфотографированы. Данные элементы стали впоследствии доказательством по данному уголовному делу.

По мнению следователей, самыми распространенными следами, оставляемыми преступником на месте кражи из жилища Республики Тыва, являются следы транспортных средств (31 %) и следы преступника (31 %). Это нашло подтверждение в ходе изучения материалов уголовных дел и может быть объяснено отдаленностью одного населенного пункта от другого.

Опрошенные следователи отметили, что на обстановку совершения преступления имеют влияние природно-климатические (5 %) и географические факторы (5 %). Нельзя не заметить, что, в основном, следователями, проживающими на густонаселенной территории. Природно-климатические факторы могут влиять на сохранность следов преступления, на выбор места совершения кражи, на производство первоначальных следственных действий и на дальнейшее расследование. К примеру, чисто потовые следы на стекле после двухчасового пребывания на солнце (при температуре +28 °С) и затем 10-минутного пребывания под сильным дождем полностью уничтожаются. Так, 05 июля 2008 г. в с. Хадын Пий-Хемского кожууна Республики Тыва в период времени с 13:00 по 16:00 неизвестные лица путем свободного доступа через открытое окно незаконно проникли в дом и тайно похитили телевизор. В ходе осмотра места происшествия на окне были обнаружены отпечатки пальцев, которые не подлежали идентификации из-за их запыленности вследствие сильного ветра, прошедшего накануне. Географические факторы могут иметь отражение в обширности, труднодоступности и отдаленности некоторых поселений, что в свою очередь, дает возможность следователю выдвинуть частную версию о том, что кражу совершил местный житель, хорошо знающий местность. Отрицательную сторону названных факторов можно показать на примере фактора отдаленности. Это проявляется в ограниченной возможности использования сотовых операторов для установления подозреваемых (обвиняемых), доказывании участия в совершении преступлений.

В криминалистической литературе существует множество различных взглядов на понятие способа совершения преступления.

Так, к примеру, Г.Г. Зуйков отмечает, что способ совершения преступления представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, условиями места и времени и зачастую связанных с использованием соответствующих орудий и средств [41, с. 16–17].

Крайне противоположным взгляду Г.Г. Зуйкова на способ совершения преступления является подход, в соответствии с которым способ разделяется на то или иное число действий (способов), каждое из которых само по себе не может привести к преступному результату. В.Н. Карагодин считает, что при совершении убийства путем взрыва передача радиосигнала – это наиболее эффективный способ совершения исследуемой группы преступлений, позволяющий визуально наблюдать за движением и поведением жертвы [42, с. 404].

Позже Р.С. Белкин отметил несомненную теоретическую значимость рассмотрения способа совершения преступления как системы действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, предопределенных условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности. Это понятие по своему содержанию отражает факт существования так называемого полноструктурного способа совершения преступления, когда он объединяет способы осуществления всех стадий единого преступного замысла [43, с. 131–133]. Вместе с тем Р.С. Белкин отмечал верность такого понимания способа совершения преступления лишь для тех случаев, когда, еще не совершив преступление, субъект имеет четкую программу действий по его сокрытию; более же правильным следует различать способ совершения и способ сокрытия [44, с. 313].

Следует сказать, что в определенных чертах Р.С. Белкин, характеризуя содержание рассматриваемого элемента, повторил определение, данное А.Н. Колесниченко, отмечавшего, что способ совершения преступления обусловлен, детерминирован не только объективными факторами, относящимися к условиям внешней среды, но также и субъективными, относящимися к личности преступника [45, с. 10].

Представляется верной мысль о том, что структура способа совершения преступления в криминалистике является категорией, отражающей функциональную сторону преступления. С точки зрения системного подхода, можно говорить о полноструктурных и неполноструктурных способах совершения преступлений. Полноструктурные способы являются трехзвенными, включающими поведение субъекта до, во время и после совершения преступления. Система неполноструктурных способов может быть разной: двухзвенной, в различных комбинациях способов, одним из которых обязательно является способ совершения преступления, и однозвенной, характеризующей поведение субъекта лишь во время самого посягательства [7, с. 128; 46, с. 69–70].

Говоря о способе подготовки (разумеется, по умышленным преступлениям), следует отметить его генетическую связь со способом совершения преступления. Так, например, изготовление или приискание орудия преступления предопределены выбранным способом посягательства. Соответственно в способе посягательства найдет отражение способ его подготовки. На практике это позволяет, выявив способ совершения преступления, организовать целенаправ-

ленный поиск места изготовления орудия преступления, изготовивших его лиц, соответствующих инструментов, остатков материала и т.п. [47, с. 54–55].

В способах сокрытия преступления нередко находит отражение способ совершения определенного деяния, поскольку действия по сокрытию любого преступления предопределяются спецификой преступного деяния: именно отражение своих действий стремится скрыть лицо, совершившее преступление, а также пособники и иные лица.

К числу факторов, обусловливающих выбор действий по сокрытию следов преступления, можно отнести самые разнообразные обстоятельства внешнего и внутреннего характера. Прежде всего, следует назвать пол, возраст, образ жизни, состояние соматического и психического здоровья, общее интеллектуальное и физическое развитие преступника, его способность логически мыслить, предусматривать последствия своих действий. Как уже отмечено, главенствующая роль в способе принадлежит опыту, существующему в виде навыков, умений, привычек, которые характеризуют личность преступника. В их числе следует выделить профессиональные навыки и специальные познания, обеспечивающие квалифицированное сокрытие преступления [47, с. 53]. В качестве примера можно привести выбор такого способа сокрытия кражи, как расчленение трупа животного, похищенного из кошары чабанской стоянки, использованный лицом, имеющим навыки разделывания скота, которым владеет практически каждый тувинец, выросший и живущий в сельской местности. Еще один пример: опрошенные следователи, ведущие расследование в сельской местности, отметили, что конфликтное поведение лица, совершившего кражу из жилища, при проведении у него обыска, зачастую свидетельствует о скрывании отыскиваемых объектов в обыскиваемом помещении (56 %).

Вопрос о личности преступника имеет давнюю историю и по настоящее время продолжает изучаться. Исследования по данному вопросу можно встретить в различных науках, включая философию, социологию, психологию, судебную медицину, криминологию, уголовное право и др. Каждая из этих наук рассматривает личность преступника с позиции своего предмета. Наиболее полное отражение свойств личности преступника востребовано криминалистической наукой и практикой.

Общее определение личности, пригодное для целей криминалистического изучения, сводится к пониманию ее как интегрального единства свойств человека. Криминалистическое изучение личности строится с учетом данного подхода и включает в себя изучение личности индивидуума, его внешних признаков анатомического строения и взаимодействия с другими лицами, его окружающими. С учетом этого личность преступника является объектом самостоятельного криминалистического изучения, а данные о нем – важным элементом криминалистической характеристики преступления [48, с. 99].

На начальном этапе расследования квартирных краж, совершенных в сельской местности, преступник в большинстве случаев неизвестен, за исключением задержания его на месте совершения кражи или непосредственно после ее совершения. В криминалистике личность субъекта, совершившего преступление, устанавливается через познание ее отдельных свойств и качеств, получающих отражение в следах преступления, с тем, чтобы затем использовать эти знания в качестве средств воздействия на данную личность при производстве следственных действий [49, с. 148].

Учитывая, что личность преступника является одним из элементов криминалистической характеристики данных преступлений, первоначальной задачей правоохранительных органов является установление и задержание лица, совершившего кражу. Верная оценка других элементов криминалистической характеристики преступления, информация о которых известна на определенный момент следователю (таких как способ, обстановка совершения кражи, предмет кражи и личность потерпевшего), может помочь ему выдвинуть обоснованные версии о личности преступника.

К сведениям о личности преступника как элемента криминалистической характеристики преступления относят следующие блоки информации: социальный статус, род занятий [50, с. 17], а также пол, возраст и образование [51, с. 118]. По результатам анкетирования следователей можно сказать, что субъектами, совершающими кражи из жилища, в основном являются лица мужского пола (73 %) в возрасте от 25 до 40 лет (69 %). Однако выявление данных качеств субъекта рассматриваемого преступления в ходе производства по делу невозможно без изучения взаимосвязи этого элемента криминалистической характеристики данного преступления с другими элементами, входящими в ее содержание и указанными нами ранее.

Представляется интересным выяснить возможности отображения личности в таких взаимосвязях, как «обстановка совершения преступления – личность преступника», «способ совершения преступления – личность преступника». Исследование показало, что в следовой картине может проявиться социальный статус, род занятий, возраст (к примеру, с возрастом у человека увеличивается расстояние между папиллярными линиями на пальцах). В способе совершения преступления может получить отражение пол преступника (причем, отображается не пол сам по себе, а через такое качество, как физическая сила).

На поведение преступника влияют социальные факторы. Центральное значение для формирования личности имеет семья, в которой приобретаются основные знания, первоначальное представление об окружающем мире, о нормах поведения. Однако эти обстоятельства не получают выражения в обстановке происшествия. Они могут иметь значение при подготовке к следственным и иным процессуальным действиям с участием преступника, прежде всего, к

допросу, следственному эксперименту, проверке показаний на месте, обыску и т.д.

Механизм краж из жилища представляет собой пространственно-временное развитие совершения названного преступления: от момента проникновения в жилище до его оставления. Механизм рассматриваемого преступления получает свое отражение в обстановке происшествия, в том числе в сознании очевидцев происшествия [1, с. 915]. Несомненно, что на механизм преступления влияют те или иные факторы. Причем в специфических условиях жизнесуществования населения, характеризующихся резким перепадом температуры, географические факторы существенно влияют на механизм кражи из жилища, который заканчивается появлением следов.

Заключая статью, следует отметить, что категория «криминалистическая характеристика преступления» содержит большой научно-познавательный потенциал, который в настоящее время полностью не использован и вряд ли когда может быть использован до конца, учитывая постоянные изменения характера преступной деятельности по многим видам преступлений. И по этой причине криминалистическая характеристика всегда будет являться неотъемлемым элементом методики расследования отдельных видов и групп преступлений.

Согласимся с мнением И. А. Возгрина, что частные методики не дают и не могут давать конкретного совета при организации расследования каждого преступления, в связи с чем не должны выступать в форме категорических команд, исключающих творческую основу организации и осуществления расследования. Однако это не оправдывает отсутствие интереса к разрабатываемым криминалистикой методическим рекомендациям по расследованию отдельных видов преступлений у значительной части сотрудников следствия и дознания.

На наш взгляд, возрастание значения криминалистической характеристики преступления для целей предварительного расследования лежит на путях более тонкой дифференциации факторов, влияющих на совершение преступления.

При разработке криминалистической характеристики краж из жилища должна учитываться система факторов: этнических, социальных, географических и природно-климатических факторов. Особенно это актуально для случаев совершения и расследования краж из жилища в сельской местности в условиях компактного проживания этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Князьков А.С.* Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
2. *Колесниченко А.Н.* Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.
3. *Сергеев Л.А.* Расследование и предупреждение хищений, совершенных при производстве строительных работ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1965. 16 с.
4. *Белкин Р.С.* Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях; состояние, проблемы, перспективы. Тула, 2000. С. 11–12.
5. *Криминалистика* / под ред. А.В. Дулова. Минск, 1996. 415 с.
6. *Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В.* Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Социалистическая законность. № 9. 1989. С. 56–58
7. *Головин А.Ю.* Криминалистическая систематика / под ред. проф. Н.П. Яблокова: монография. М.: ЛексЭст, 2002. 335 с.
8. *Яблоков Н.П., Головин А.Ю.* Криминалистика: природа, система, методологические основы: монография. М.: Норма, 2009. 288 с.
9. *Варданян А.В., Андреянченко Д.В.* Общие положения учения о криминалистической характеристике преступлений как теоретико-методологическая основа для формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Юристъ-правоведъ. Ростов н/Д: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России. № 1. 2015. С. 13–16.
10. *Коновалов С.И., Крачун Ю.В.* Общие положения криминалистической характеристики легализации денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Вып. 3, ч. 2. 2013. С. 34–39.
11. *Лубин А.Ф.* Механизм преступной деятельности. Методология криминалистической деятельности: монография. Н. Новгород, 1997. 336 с.
12. *Лузгин И.М.* Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней дан-ных о сокрытии преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 25–30.
13. *Облаков А.Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. Хабаровск, 1985. 88 с.
14. *Шиканов В.И.* Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск, 1983. 54 с.
15. *Яблоков Н.П.* Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. 2000. № 2. С. 3–13.
16. *Гавло В.К.* О повышении эффективности борьбы с транснациональными преступлениями // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования: материалы Республиканской науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 23–28.
17. *Яблоков Н.П.* Криминалистическая характеристика преступления – важный элемент криминалистическской теории и практики // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2002. С. 25–31.

18. *Баев О.Я.* И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2002. Вып. 1 (3). С. 19–23
19. *Челышева О.В.* Механизм преступления и криминалистическая характеристика // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2004. Вып. 2 (10). С. 11–17.
20. *Захаров Г.К.* Три тезиса о криминалистической характеристике преступления // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2006. Вып. 3 (19). С. 37–42.
21. *Князьков А.С.* Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.
22. *Бахтеев С.С.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции (По материалам Уральского федерального округа): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 28 с.
23. *Коновалов С.И.* Историко-логический анализ развития понятий криминалистической характеристики и механизма преступлений // Известия Тульского государственного университета. Серия «Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности». Вып. 4. Тула, 2001. С. 156–162.
24. *Яблоков Н.П.* Информационное отражение преступлений, криминалистическая характеристика, ситуационные особенности преступной деятельности и ее расследования: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 53–73.
25. *Васильев А.Н., Яблоков Н.П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Изд-во МГУ, 1984. 144 с.
26. *Пантелеев И.Ф.* Методика расследования преступлений. М.: ВЮЗИ, 1975. 46 с.
27. *Бурданова В.С., Кузьминых К.С., Владимиров В.Ю.* Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. СПб.: ИПК прокурор.-следств. работник, 1998. 16 с.
28. *Белкин Р.С.* Перспективы исследования проблемы следственной ситуации // Следственная ситуация: сб. науч. труд. М., 1984. С. 3–6.
29. *Образцов В.А.* Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. труд. М., 1984. С. 4–10.
30. *Каневский Л.Л.* Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. М., 1982. 112 с.
31. *Абраменкова В.С.* Криминалистическая характеристика квартирных краж // Вопросы криминалистики и судебных экспертиз. 2006. № 1. С. 109–112.
32. *Коновалов С.И.* Теоретико-методологические основы криминалистики: Современное состояние и проблемы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. 269 с.
33. *Бахин В.П.* Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. М., 2000. Вып. 1. С. 16–22.
34. *Ларин А.М.* Криминалистика и паракриминалистика. М.: БЕК, 1996. 192 с.
35. *Видонов Л.Г.* Криминалистическая характеристика убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Горький, 1978. 122 с.
36. *Волчецкая Т.С.* Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учеб. пособие. Калининград, 1997. 95 с.
37. *Ведерников Н.Т.* Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений: Криминалистическая характеристика преступлений. М.: Юрид. лит., 1984. 211 с.
38. *Коновалов С.И.* Теоретико-методологические проблемы криминалистики: моногр. Ростов. 2001. 207 с.
39. *Кудряшова О.А.* Криминалистическое значение обстановки совершения преступления // Вестн. ЮУГУ. Сер. Право. № 27 (244). [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-znachenie-obstanovki-soversheniya-prestupleniya. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 11.01.2017). 2011. С. 49–54.
40. *Трегубов С.Н.* Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. М., 2002. 336 с.
41. *Зуйков Г.Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Соц. законность. 1971. № 11. С. 14–19.
42. *Драпкин Л.Я.* Особенности раскрытия и расследования убийств, совершаемых наемными лицами: учебник / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 397–426.
43. *Криминалистическое* обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Р.С. Белкина, Т.В. Аверьяновой. М.: Новый юрист, 1997. 400 с.
44. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. 480 с.
45. *Колесниченко А.Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. 93 с.
46. *Яблоков Н.П.* Криминалистическая характеристика преступления // Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб и доп. М.: НОРМА-М, 2010. С. 62–76.
47. *Князьков А.С.* Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. Сер. Право. № 1. 2011. С. 51–64.
48. *Савельева М.В., Смушкин А.Б.* Криминалистика: учебник. М.: Дашков и К, 2009. 608 с.
49. *Ведерников Н.Т.* Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. № 384. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки «eLIBRARY.RU». 2014. С. 148–152.
50. *Соколов А.Б., Кузнецов А.А.* Расследование краж имущества граждан, совершаемых группами несовершеннолетних: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 240 с.
51. *Ахмедшин Р.Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск, 2005. 210 с.

FORENSIC CHARACTERISATION OF HOUSEBREAKING COMMITTED IN RURAL AREAS WITH SPECIFIC LIVING CONDITIONS OF THE POPULATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 92–103. DOI 10.17223/23088451/9/17

Dolana S. Ondar, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dolaana-91@mail.ru

Keywords: forensic description of crime, elements of forensic description of crime, burglary, countryside.

Property relations are an important component of the whole life activity of the individual, society, and the state, therefore the criminal legislation pays much attention to property protection. Housebreaking, as the most common form of theft, is one of the most difficult for identification of the perpetrator. Besides property, their increased social danger also affects the inviolability of dwelling of citizens. Legal sciences characterise crime as a negative phenomenon from different perspectives: criminological, legal, forensic, etc. It is obvious that each case implies specific manifestations of crime connected with the subject matter of the relevant sciences. The forensic characterisation of housebreaking committed in rural areas includes objective information about the crime, which allows investigators to successfully work in these cases. This category under analysis allows overcoming the information uncertainty, especially at the initial stage of the investigation, in the formation of investigative versions. Questions about the content of the structure-forming elements of the forensic description of crimes, the importance of the theoretical analysis of dependencies and correlation between individual components for investigating crimes of a certain type are important in each specific case for constructing an appropriate forensic methodology. Most authors name the following elements of housebreaking forensic description: subject of the crime; crime situation; method of crime preparation, commission (method of penetration, penetration weapons, method of theft) and concealment of theft; identity of the offender; identity of the victim and mechanism of the crime. When determining the forensic characterisation of housebreaking into a dwelling in the rural area of residence of compact ethnic groups, it is necessary to take into account not individual factors of criminal activity, but their system, since certain subjects of the Russian Federation have specific features of the population's living, which are objectively manifested in the course of preparation, commission and concealment of a crime. The system of these factors should also be considered in the analysis of the activities to investigate above-metioned thefts. It is necessary to distinguish ethnic, social, geographical and natural-climatic factors. Questioning investigators from riral areas has revealed that the above-stated factors affect each element of the forensic characteristics of the crime. The extent of each factor's impact may vary for each crime.

REFERENCES

1. Knyazkov, A.S. (2008) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Tomsk: TML.
2. Kolesnichenko, A.N. (1967) *Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* [Scientific and legal bases of investigation of certain types of crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Kharkov.
3. Sergeev, L.A. (1965) *Rassledovanie i preduprezhdenie khishcheniy, sovershennykh pri proizvodstve stroitel'nykh rabot* [Investigation and prevention of theft during construction works]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
4. Belkin, R.S. (2000) Ponyatie, stavshee "kriminalisticheskim perezhitkom" [The concept that later became a "forensic remnant"]. In: *Rossiyskoe zakonodatel'stvo i yuridicheskie nauki v sovremennykh usloviyakh; sostoyanie, problemy, perspektivy* [Russian Legislation and Legal Science in Modern Conditions]. Tula. pp. 11–12.
5. Dulov, A.V. (1996) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Minsk: Ekoperspektiva.
6. Belkin, R.S., Bykhovskiy, I.E. & Dulov, A.V. (1989) Modnoe uvlechenie ili novoe slovo v nauke? (Eshche raz o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniy) [A hobby or a new word in science? (On the forensic characterization of crimes)]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 9. pp. 56–58
7. Golovin, A.Yu. (2002) *Kriminalisticheskaya sistematika* [Forensic Taxonomy]. Moscow: LeksEst.
8. Yablokov, N.P. & Golovin, A.Yu. (2009) *Kriminalistika: priroda, sistema, metodologicheskie osnovy* [Forensic Science: Nature, system, methodological basis]. Moscow: Norma.
9. Vardanyan, A.V. & Andreyanchenko, D.V. (2015) Obshchie polozheniya ucheniya o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniy kak teoretiko-metodologicheskaya osnova dlya formirovaniya kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy, svyazannykh s organizatsiey nezakonnoy migratsii [General provisions of the doctrine of the criminalistic characterization of crimes as a theoretical and methodological basis for the formation of forensic characteristics of crimes connected with the organization of illegal migration]. *Yurist"-Pravoved"*. 1. pp. 13–16.
10. Konovalov, S.I. (2013) Obshchie polozheniya kriminalisticheskoy kharakteristiki legalizatsii denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, poluchennykh prestupnym putem [General provisions of the forensic characteristics of money laundering or other property obtained by criminal means]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and Legal Sciences*. 3(2). pp. 34–39.
11. Lubin, A.F. (1997) *Mekhanizm prestupnoy deyatel'nosti. Metodologiya kriminalisticheskoy deyatel'nosti* [The mechanism of criminal activity. Methodology of forensic activity]. Nizhny Novgorod.
12. Luzgin, I.M. (1984) Nekotorye aspekty kriminalisticheskoy kharakteristiki i mesto v ney dannykh o sokrytii prestupleniy [Some aspects of the forensic characteristics and data on crime concealment]. In: Klochkov, V.V. (ed.) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy* [Forensic Characteristics of Crimes]. Moscow: All-Russia Research Institute of the Prosecutor's Office of the USSR. pp. 25–30.
13. Oblakov, A.F. (1985) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy i kriminalisticheskie situatsii* [Forensic characteristics of crimes and forensic situations]. Khabarovsk: Khabarovsk Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs.
14. Shikanov, V.I. (1983) *Teoreticheskie osnovy takticheskikh operatsiy v rassledovanii prestupleniy* [Theoretical bases of tactical operations in crime investigation]. Irkutsk: Irkutsk State Univeristy.
15. Yablokov, N.P. (2000) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy kak sostavnaya chast' obshchey kriminalisticheskoy teorii [Forensic characterization of crimes as an integral part of the general forensic theory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – Moscow University Herald*. 2. pp. 3–13.

16. Gavlo, V.K. (2011) [On increasing the effectiveness of the fight against transnational crimes]. *Rossiyskaya pravovaya sistema: stanovlenie, problemy, puti sovershenstvovaniya* [Russian Legal System: Formation, Problems, Ways of Improvement]. Proc. of the Republic Conference. Barnaul. pp. 23–28. (In Russian).
17. Yablokov, N.P. (2002) [Forensic characteristics of the crime as an important element of forensic theory and practice]. *Aktual'nye problemy kriminalistiki na sovremennom etape* [Topical problems of forensic science at the present stage]. Proc. of the All-Russian Conference. Krasnodar. pp. 25–31. (In Russian).
18. Baev, O.Ya. (2002) I vse zhe: real'nost' ili illyuziya (eshche raz o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniy) [And yet: reality or illusion (once again about the forensic characterization of crimes)]. *Vestnik kriminalistiki*. 1(3). pp. 19–23
19. Chelysheva, O.V. (2004) Mekhanizm prestupleniya i kriminalisticheskaya kharakteristika [The mechanism of crime and forensic characteristics]. *Vestnik kriminalistiki*. 2(10). pp. 11–17.
20. Zakharov, G.K. (2006) Tri tezisa o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniya [Three theses on the forensic characterization of the crime]. *Vestnik kriminalistiki*. 3(19). pp. 37–42
21. Knyazkov, A.S. (2013) *Analiticheskie taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Analytical tactical and forensic means of pre-trial production]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Bakhteev, S.S. (2004) *Metodika rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom alkogol'noy produktsii (Po materialam Ural'skogo federal'nogo okruga)* [Methods of investigating crimes related to illicit trafficking of alcohol products (a case study of Urals Federal District)]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
23. Konovalov, S.I. (2001) Istoriko-logicheskiy analiz razvitiya ponyatiy kriminalisticheskoy kharakteristiki i mekhanizma prestupleniy [Historical and logical analysis of the development of concepts of forensic characteristics and the mechanism of crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sovremennye problemy zakonodatel'stva Rossii, yuridicheskikh nauk i pravookhranitel'noy deyatel'nosti" – News of the Tula State University. Modern Problems of Russian Legislation, Legal Science and Law Enforcement*. 4. pp. 156–162.
24. Yablokov, N.P. (2005) *Informatsionnoe otrazhenie prestupleniy, kriminalisticheskaya kharakteristika, situatsionnye osobennosti prestupnoy deyatel'nosti i ee rassledovaniya* [Information on crimes, forensic characteristics, situational features of criminal activity and its investigation]. 3rd ed. Moscow: Yurist". pp. 53–73.
25. Vasilyev, A.N. & Yablokov, N.P. (1975) *Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki* [The subject, system and theoretical basis of forensic science]. Moscow: Moscow State University.
26. Panteleev, I.F. (1975) *Metodika rassledovaniya prestupleniy* [Methods of crime investigation]. Moscow.: VYuZI.
27. Burdanova, B.C., Kuzminykh, K.S. & Vladimirov, V.Yu. (1998) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov* [Forensic characteristics of crimes related to drug trafficking]. St. Petersburg: IPK prokuror.-sledstv. rabotnik.
28. Belkin, R.S. (1984) Perspektivy issledovaniya problemy sledstvennoy situatsii [Prospects for investigating the problem of the investigative situation]. In: *Sledstvennaya situatsiya* [Investigative situation]. Moscow: Yurid. lit.. pp. 3–6.
29. Obraztsov, V.A. (1984) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy: diskussionnye voprosy i puti ikh resheniya [Forensic characteristics of crimes: Discussion issues and ways to solve them]. In: Klochkov, V.V. (ed.) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy* [Forensic Characteristics of Crimes]. Moscow: All-Russia Research Institute of the Prosecutor's Office of the USSR. pp. 4–10
30. Kanevskiy, L.L. (1982) *Rassledovanie i profilaktika prestupleniy nesovershennoletnikh* [Investigation and prevention of juvenile crimes]. Moscow: Yurid. lit.
31. Abramenkova, V.S. (2006) Kriminalisticheskaya kharakteristika kvartirnykh krazh [Forensic characteristics of home burglary]. *Voprosy kriminalistiki i sudebnykh ekspertiz*. 1. pp. 109–112.
32. Konovalov, S.I. (2001) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy kriminalistiki: Sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya* [Theoretical and methodological foundations of forensic science: Current state and development problems]. Law Dr. Diss. Volgograd.
33. Bakhin, V.P. (2000) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy kak element rassledovaniya [Forensic characteristics of crimes as an element of investigation]. *Vestnik kriminalistiki*. 1. pp. 16–22.
34. Larin, A.M. (1996) *Kriminalistika i parakriminalistika* [Criminalistics and paracriminalistics]. Moscow: BEK.
35. Vidonov, L.G. (1978) *Kriminalisticheskaya kharakteristika ubiystv i sistema tipovykh versiy o litsakh, sovershivshikh ubiystva bez ochevidtsev* [Forensic characteristics of murders and a system of model versions of people who committed murder without witnesses]. Gorky: [s.n.].
36. Volchetskaya, T.S. (1997) *Sovremennye problemy modelirovaniya v kriminalistike i sledstvennoy praktike* [Modern problems of modeling in criminalistics and investigative practice]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
37. Vedernikov, N.T. (1984) *Lichnost' prestupnika kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy: Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy* [Personality of the criminal as an element of the forensic characterization of crimes: Forensic characteristics of crimes]. Moscow: Yurid. lit.
38. Konovalov, S.I. (2001) *Teoretiko-metodologicheskie problemy kriminalistiki* [Theoretical and methodological problems of criminalistics]. Rostov: Ministry of Internal Affairs of Russia.
39. Kudryashova, O.A. (2011) Kriminalisticheskoe znachenie obstanovki soversheniya prestupleniya [Forensic significance of the criminal situation]. *Vestn. YuUGU. Ser. Pravo*. 27(244). pp. 49–54. [Online] Available from: http://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-znachenie-obstanovki-soversheniya-prestupleniya. (Accessed: 11th January 2017).
40. Tregubov, S.N. (2002) *Osnovy ugolovnoy tekhniki. Nauchno-tekhnicheskie priemy rassledovaniya prestupleniy* [Fundamentals of criminal techniques. Scientific and technical methods of crime investigation]. Moscow: LeksEst.
41. Zuykov, G.G. (1971) Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe soversheniya prestupleniya [Criminalistic doctrine of the method of committing a crime]. *Sots. zakonnost'*. 11. pp. 14–19.
42. Drapkin, L.Ya. (2000) *Osobennosti raskrytiya i rassledovaniya ubiystv, sovershaemykh naemnymi litsami* [Disclosure and investigation of assasinations]. 2nd ed. Moscow. pp. 397–426.

43. Belkin, R.S. & Averyanov, T.V. (eds) (1997) *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noy militsii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya* [Forensic support of the criminal police and preliminary investigation bodies]. Moscow: Novyy yurist.
44. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: V 3 t.* [Forensic Science. In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Yurist".
45. Kolesnichenko, A.N. (1976) *Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* [General provisions of the methodology for investigating certain types of crimes]. Kharkov: [s.n.].
46. Yablokov, N.P. (2010) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya [Forensic characteristics of the crime]. In: Yablokov, N.P. (ed.) *Kriminalistika* [Forensic Science]. 4th ed. Moscow: NORMA-M. pp. 62–76.
47. Knyazkov, A.S. (2011) Criminalistic characteristic of a crime in the context of its mode and mechanism. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Ser. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1. pp. 51–64. (In Russian).
48. Savelyeva, M.V. & Smushkin, A.B. (2009) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Moscow: Dashkov i K.
49. Vedernikov, N.T. (2014) The identity of the offender in criminalistics and criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 384. pp. 148–152. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/384/26
50. Sokolov, A.B. & Kuznetsov, A.A. (2013) *Rassledovanie krazh imushchestva grazhdan, sovershaemykh gruppami nesovershennoletnikh* [Investigation of theft committed by groups of minors]. Moscow: Yurlitinform.
51. Akhmedshin, R.L. (2005) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Forensic characteristics of the criminal]. Tomsk: Tomsk State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛЮКОВА Татьяна Ивановна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: Tatyana.belyukova@mail.ru

КИСЕЛЕВ Дмитрий Геннадьевич – начальник Управления Министерства юстиции РФ по Калининградской области (г. Калининград). E-mail: minregist@mail.ru

КНЯЗЬКОВ Алексей Степанович – доктор юридических наук, доцент; заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: ask011050@yandex.ru

КУДРАТОВ Некруз Абдунабиевич – заведующий кафедрой коммерческого права Таджикского государственного университета коммерции (г. Таджикистан, Душанбе). E-mail: nek-kudratov@mail.ru

ЛОБА Всеволод Евгеньевич – кандидат юридических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельности Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир). E-mail: vsevolodka@inbox.ru

ЛУТЦЕВА Ксения Владимировна – Московский районный суд г. Рязани, помощник судьи; соискатель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: kseniya_lutceva@mail.ru

МАЛАХОВА Анастасия Сергеевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Армавирского лингвистического социального института (г. Армавир). E-mail: mlhvnastya@mail.ru

МИРУСИН Илья Сергеевич – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: crimjust@mail.ru

ПИЮК Алексей Валерьевич – кандидат юридических наук, председатель Мегионского городского суда Тюменской области (г. Мегион). E-mail: aleks2@yandex.ru

ОЛЬХОВИК Даниил Александрович – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: mr.olxov@mail.ru

ОНДАР Долаана Сергеевна – аспирантка кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: dolaana-91@mail.ru

ПОЛЬГЕРТ Александр Валерьевич – адъюнкт кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России (г. Барнаул). E-mail: apolgert@mail.ru

РЕПЬЕВА Анна Михайловна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России (г. Барнаул). E-mail: anna-repeva@yandex.ru

ТЕРЕНТЬЕВА Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово). E-mail: terent@list.ru

УВАРОВ Олег Николаевич – кандидат юридических наук, начальник ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области, полковник внутренней службы (г. Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

УРДА Маргарита Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск). E-mail: urda.ru@rambler.ru

УСЫНИН Владислав Витальевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Института истории и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г. Абакан). E-mail: msosuskrh@mail.ru

УТКИН Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ТГУ, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Томск). E-mail: utkin@ui.tsu.ru

ЯСЕЛЬСКАЯ Вероника Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: yaselskaya@mail.ru